

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра новой истории и мировой политики

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

И.о. заведующего кафедрой
канд. ист. наук, доцент
Г. И. Баязитова

25 июня 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(магистерская диссертация)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И
КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ПРИМЕРЕ МАЛАЙЗИИ, ИНДОНЕЗИИ И
СИНГАПУРА (1978 – 2013 гг.)

41.04.05 Международные отношения
Магистерская программа «Мировая политика»

Выполнил работу
Студент 2 курса
очной
формы обучения

Нежданов
Владимир
Львович

Руководитель работы
Кандидат исторических
наук
доцент

Баязитова
Гульнара
Ильгизовна

Рецензент
Почетный профессор,
Российский университет
дружбы народов

Тавровский
Юрий
Вадимович

г. Тюмень, 2018

Введение	3
Глава I. Развитие отношений КНР и китайской диаспоры	30
1.1. Основные характеристики зарубежных китайцев, проживающих в Малайзии, Индонезии и Сингапуре	30
1.2. Законодательная и институциональная база Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев	48
1.3. Характеристики законодательной базы Малайзии, Индонезии и Сингапура в отношении зарубежных китайцев	64
Глава II. Развитие отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в экономической сфере	72
2.1. Роль зарубежных китайцев в развитии экономической политики реформ и открытости в КНР	72
2.2. Структура экономического взаимодействия КНР и зарубежных китайцев рассматриваемых стран: вопросы инвестиций	93
Глава III. Развитие отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в политической сфере в 1978 - 2013 гг.	106
3.1. Взаимоотношения КНР и зарубежных китайцев в политике: основы, идеология, цели	106
3.2. КНР и зарубежные китайцы: внешнеполитический аспект отношений	122
Заключение	136
Список источников и литературы	141
Источники	141
Литература	146
Приложения	161

Введение

Внешняя политика Китайской Народной Республики вызывает значительный интерес как в общественно-политических, внешнеэкономических, так и в научно-исследовательских кругах. При этом возникает необходимость разделения периодов правления поколений китайских руководителей в виду развития Китайской Народной Республики, а также по причине новаций в общественно-политической и экономической жизни страны. Однако, как было предположено в 2016 г. при начале работы над магистерской диссертацией, разделение периодов власти в Китайской Народной Республике можно осуществлять не только по поколениям, но и по тому политическому базису, который был заложен основоположником «эпохи». В итоге сегодня мы можем рассматривать три больших периода в истории КНР: эпоху Мао Цзэдуна (1949 - 1976 гг.), эпоху Дэн Сяопина (1978 - 2013 гг.) и эпоху Си Цзиньпина (2013 г. - н.в.). Таким образом, благодаря изменениям в общественно-политической базе Китайской Народной Республики у нас впервые появляется возможность изучения эпохи Дэн Сяопина как завершенного периода китайской истории. Добавим к этому, что Китайская Народная Республика, говоря в рамках европейского понимания нации, имеет самую многочисленную в мире диаспору, которую составляют зарубежные китайцы (хуацяо). Хуацяо заметно отличаются от местных жителей тем, что они составляют «видимое меньшинство», хранят традиции и культуру, патриотически относятся к своей исторической Родине. Вместе с этим КНР не оставляет зарубежных китайцев без опеки, с начала политики реформ и открытости государство организует программы сотрудничества с диаспорой, вовлекает хуацяо в политическую жизнь КНР, создает специализированное законодательство. Таким образом желание строить и развивать отношения является двусторонним, исходит как от зарубежных китайцев, так и от руководства Китайской Народной Республики.

Значительная роль в общественно-политическом и экономическом развитии Китайской Народной Республики в эпоху Дэн Сяопина была отведена зарубежным китайцам (хуацяо) и взаимодействию Китая с диаспорой. При этом взаимодействие между Китайской Народной Республикой и зарубежными китайцами происходило как на политическом, так и на экономическом, общественном и культурном уровне.

Общественно-политическая актуальность данной магистерской диссертации заключается в том, что, учитывая преемственность в политической и экономической сфере между поколениями руководителей, а также, очевидно, преемственность между «эпохами» развития Китайской Народной Республики, у нас появляется возможность комплексного описания и анализа политики Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев. Данная работа может выступать как базис для анализа дальнейшего развития политики Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев, поскольку описывает основные механизмы развития политических и экономических отношений Китая и зарубежных китайцев. Важно заметить, что рассматриваемый регион, Юго-Восточная Азия, также актуален с точки зрения современной общественно-политической ситуации. Комплексное понимание политической и экономической стратегии Китайской Народной Республики на предыдущем этапе развития позволяет с большей конкретикой анализировать современное продвижение китайских политических и экономических инициатив в регионе.

Вместе с этим актуальность работы касается возможности политического понимания развития двусторонних отношений Китайской Народной Республики и государств Юго-Восточной Азии на примере Малайзии, Индонезии и Сингапура в период эпохи Дэн Сяопина (1978 - 2013 гг.). Отношения КНР и стран Юго-Восточной Азии можно рассмотреть как

треугольник, вершинами которого являются страны Юго-Восточной Азии, зарубежные китайцы и КНР.

Актуальность исследования базируется на трех основных моментах магистерской диссертации. Во-первых, данная работа опирается на теоретическую и методологическую, а также на терминологическую базу, которая была специально разработана автором для анализа политического и экономического развития Китайской Народной Республики. Данная теоретическая база позволяет шире и глубже трактовать термины и понятия политической и экономической жизни Китайской Народной Республики, что не «вестернизирует» их и сохраняет «китайскую специфику», которая выступает основной составляющей смысла. С другой стороны такой подход позволяет нам сохранять большую объективность в отношении развития политики и экономики Китайской Народной Республики, поскольку сохранение коренных китайских смыслов оставляет за нами возможность уточнять некоторые аспекты, которые были бы упущены при использовании «западных» смыслов.

Во-вторых, данное исследование делает попытку обобщения общественно-политического, экономического и теоретического опыта Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев по окончании эры Дэн Сяопина. Таким образом у нас появляется возможность описывать и анализировать завершённый период истории Китайской Народной Республики, что позволяет нам находить закономерности и ограничения, учитывая, что мы работаем в определенных хронологических рамках.

Наконец, актуальность данной работы заключается в возможности поиска некоторых базовых принципов диаспоральной политики Китайской Народной Республики, выявления и описания её базовых аспектов. Это позволяет нам использовать полученное знание для анализа ситуации в отношениях между Китайской Народной Республикой и зарубежными

китайцами (хуацяо) в «новую эру», а также дает возможность выстраивать анализ китайской политики в Юго-Восточной Азии.

Говоря о **степени изученности проблемы**, следует обратить внимание на несколько базовых факторов.

Необходимо учитывать, что названная проблематика имеет разный уровень изученности в русскоязычной, англоязычной и китаеязычной литературе.

Так, **в русскоязычной литературе**, говоря о степени изученности проблемы, следует называть: Абилекову Г.К.¹, Анохину Е.С.², Афанасьеву А.В.^{3 4}, Борисова А.⁵, Золотухина И.Н.^{6 7}, Кириллову Е.С.⁸, Ларина А.Г.^{9 10 11},

---

¹ Абилекова Г.К. КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина // KazNU Bulletin, Oriental series, No1 (58), 2012 С. 9-13

² Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию // Томский государственный университет, Томск, 2012. С. 248

³ Афанасьева А.В. Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии: перспективы для Китая // Общество и государство в Китае, т. XLIV, М., ИВ РАН, 2014. С. 179 - 186

⁴ Афанасьева А.В. Как зарубежные китайцы помогают КНР // Азия и Африка сегодня, №8, 2011. С. 30-36

⁵ Борисова А. Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня, №5, 2002. С.28-33

⁶ Золотухин И.Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №3, 2012. С. 103-108

⁷ Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163

⁸ Кириллова Е.С. Инвестиционная политика КНР в отношении китайских эмигрантов хуацяо после начала внешней открытости // материалы конференции «Студенческий научный форум», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.ru/forum2010/28/344> (дата обращения: 04.05.2017)

⁹ Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. Экспресс-информация N2 (147), М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008, с. 52-59

¹⁰ Ларин А.Г. Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня, №10, 2007. С.22-28

¹¹ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016) и др.

Сергееву А.А.¹², Смолина Е.А.¹³, Стровского Л.Е.¹⁴, Сущенко М.А.¹⁵, Ульянову И.В.¹⁶ и др.

Учитывая необходимость политического и экономического контекста для описания ситуации, связанной с политикой КНР в отношении зарубежных китайцев были использованы работы, описывающие и объясняющие ситуацию в политической, общественной и экономической жизни КНР в рассматриваемый период. Абилекова Г.К. ведет речь об общих изменениях в общественно-политической и экономической жизни КНР в рассматриваемый период. Подобного рода работы выступают смысловым контекстом для понимания ситуации, связанной с развитием отношений КНР и зарубежных китайцев. Другой работой, выступающей с позиции общих оснований является коллективная монография, описывающая ситуацию в отношении законодательных актов КНР в рассматриваемый период¹⁷. Необходимость использования такого издания объясняется с одной стороны важностью обращения к китайскому законодательству для описания механизмов взаимодействия КНР и зарубежных китайцев в рассматриваемый период, но с другой стороны для понимания контекста взаимодействия, понимания политических и экономических изменений в стране, что косвенно оказывало влияние в том числе на диаспоральную политику КНР.

---

¹² Сергеева А.А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 13 Востоковедение, №1, 2011. С.43-53

¹³ Смолин Е.А. Некоторые аспекты существования китайской диаспоры // Благовещенский государственный педагогический университет [Электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/nekotore-aspekti-sushestvovaniya-kitajskoj-diaspori> (Дата обращения: 12.11.2016)

¹⁴ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

¹⁵ Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник КемГУ, №2 (50), 2012. С. 102 - 106

¹⁶ Ульянова И.В. О политическом влиянии китайской диаспоры в Малайзии // Общество и государство в Китае, ИВ РАН. С. 371 - 376

¹⁷ Китайская Народная Республика. Законодательные акты. Перевод с китайского/Сост.: К. А. Егоров; под ред. А. М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1989.

Нюансом большинства работ на русском языке является их внимание в основном к экономической проблематике. В подавляющем большинстве работы на русском языке обращают внимание на проблематику экономического развития КНР в период реформ и открытости при содействии зарубежных китайцев, экономические аспекты развития китайской диаспоры или китайской бизнес-диаспоры в рассматриваемый период, вопросы инвестиционной политики. При этом авторы работ не отмечают специфики экономического развития, логики процесса принятия решений в рамках экономической стратегии китайцев, а также вопросов, касающихся отличий в экономической и политической жизни китайской диаспоры и КНР. С другой стороны, рассмотрение обозначенных вопросов имеет место в литературе на русском языке, однако оно присутствует в качестве другого пласта исследований, занимающегося тематикой теории, но не вопросам практики.

Учитывая описанные нюансы предположим, что значительное сосредоточение литературы на русском языке на вопросах экономического развития и инвестирования, а также разделение теоретической и идейной базы от исследовательского поля являются объективными процессами. Отметим, что вопросы взаимодействия с диаспорой, условно говоря зарубежными русскими, на протяжении многих лет является центральной проблемой при изучении возможности привлечения в РФ иностранных инвестиций (см., например, выступления и статьи В.Л.Иноземцева). Таким образом, можно предположить, что значительное сосредоточение российских исследований на экономической проблематике вызвано прямым или косвенным желанием актуализировать экономическую проблематику в вопросе взаимодействия РФ и «зарубежных русских». Что касается отдельного существования теоретических исследований, включающих в себя «китайскую специфику», то в целом данный аспект повторяет ситуацию, характерную для всех западных исследований, а именно постепенное

преодоление ситуации «ориентализма», описанного Э. Саидом в работе «Ориентализм»¹⁸.

В работе также использована другая литература на русском языке, которая относится к вопросам изучения нюансов китайской экономической и политической системы, вопросам китайской психологии и культуры, а также смежным вопросам, выходящим за рамки данных сфер и имеющих междисциплинарный характер.

Что касается исследователей, пишущих **на английском языке**, то особенно следует отметить работы Эми Чан¹⁹, Барабанцевой Елены^{20 21}, Генри Бернштейна²², Гласера и Мёрфи²³, Дж. Чина²⁴, Э. Ли²⁵, К. Фишера²⁶,

---

¹⁸ Said Edward W. Orientalism / Vintage Books, A Division of Random House, New York, 1979. P. 368

¹⁹ Amy Chang. Beijing and the Chinese Diaspora un Southeast Asia: To Serve the People // The National Bureau of Asian Research, NBR Special Report #43, June 2013

²⁰ Barabantseva Elena. The Party-State's Transnational Outreach: Overseas Chinese Policies of the PRC's Central Government // Greater China Occasional Paper Series, #2, Institute of Chinese and Korean Studies, University of Tübingen, August 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/sinologie/sino/gcs/papers/paper2.pdf> (дата обращения: 25.04.2017)

²¹ Barabantseva Elena. Trans-Nationalizing Chinese Nation-State: Overseas Chinese in the PRC's Modernization Strategies // ASIEN, no. 96 (July 2005): 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asienkunde.de/articles/Barabantseva96.pdf>. (Дата обращения: 13.12.2017)

²² Bernstein Henry. Modernization theory and the sociological study of development // The Journal of Development Studies, Vol. 7., 1971. P. 141 - 160

²³ Bonnie S. Glaser, Melissa E. Murphy. Chinese Soft Power and Its Implications for the United States, Chapter 2, Soft Power With Chinese Characteristics (The Ongoing Debate) / Center for Strategic and International Studies

²⁴ Chin James. The Malaysian Chinese Dilemma: The Never Ending Policy (NEP) // Chinese Southern Diaspora Studies, Volume 3, 2009 (南方华裔研究杂志, 第三卷, 2009) [Электронный ресурс]. URL: http://chl-old.anu.edu.au/publications/CSDS/csds2009/07_CSDS_2009_Chin.pdf (Дата обращения: 15.06.2017)

²⁵ Edmond Lee Eu Fah. Profile of the Singapore Chinese Dialect Groups / Singapore Department of Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://www.howardscott.net/4/Swatow_A_Colonial_Heritage/Files/Documentation/Lee%20Eu%20Fah.pdf (Дата обращения: 3.10.2017)

²⁶ Fischer Clare Benedicks, Dr. Chinese Indonesian: Possibilities for Civil Society // Starr King, School for the Ministry [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sksm.edu/wp-content/uploads/2014/03/chineseindonesian.pdf> (Дата обращения: 1.02.2018)

Гао Цзя²⁷, Хэн Пек Куна²⁸, Хуан Яшэна, Цзинь Ли и И Цианя²⁹, Ли Хок Гуана и Л. Суриадината³⁰, Лью Чин Вэня³¹, Лью Хуна³², Л. Ма³³ и других авторов.

Интересно заметить, что исследования по вопросу зарубежных китайцев на английском языке описывают большой спектр проблематики, опираясь как на исследования по общественно-политической проблематике, так и на экономические исследования, касающиеся вопросов взаимодействия КНР и зарубежных китайцев. Кроме того отметим, что в рамках англоязычной литературы появляется возможность работать не только с западными исследователями, но и с китайскими исследователями, работающими в западных университетах или пишущих на английском языке.

Важно заметить, что англоязычная литература уделяет значительное внимание вопросам диаспоризации зарубежных китайцев со стороны обществ проживания, то есть в рамках рассматриваемых случаев с точки зрения дискриминации в Малайзии и Индонезии, а также с точки зрения дистанцирования от КНР и Тайваня в случае Сингапура. Таким образом основой политической проблематики литературы на английском языке являются вопросы, связанные с формированием единой идентичности зарубежных китайцев в рамках рассматриваемого периода.

---

²⁷ Gao Jia. The Diasporisation of Contemporary Overseas Chinese: From Alienation to an Alternative Way of Life // [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.539.4037&rep=rep1&type=pdf> (Дата обращения: 1.02.2017)

²⁸ Heng Pek Koon. The New Economic Policy and the Chinese Community in Peninsular Malaysia // *The Developing Economies*, XXXV-3, 1997, September. P. 262 - 292

²⁹ Huang Yasheng, Jin Li, and Yi Qian. Does Ethnicity Pay? Evidence from Overseas Chinese FDI in China / *Review of Economics and Statistics* 95, no. 3 (July 2013). P. 868-883

³⁰ Lee Hock Guan, Suryadinata Leo. *Malaysian Chinese: Recent Developments and Prospects* / Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 2012. P. 70 - 85

³¹ Liew Ching Wen. *Malaysian Investment in China: A Study of Selected Public Listed Companies* / Dissertation, Department of Chinese Studies of University of Malaya, Kuala Lumpur, 1999.

³² Liu Hong. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // *Journal of Contemporary China*, 2005, vol. 14, №43. P. 291 - 316

³³ Ma Laurence. Space, Place, and Transnationalism in the Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity // *The Chinese Diaspora*, Rowman and Littlefield, Lanham, 2003. P. 1 - 50

В англоязычной литературе по рассматриваемой проблематике также присутствует значительный блок работ, изучающих экономическое взаимодействие зарубежных китайцев и КНР. При этом экономический блок англоязычной литературы отличается от работ с экономической проблематикой на русском языке. Среди основных отличий отметим: большую сосредоточенность на причинах и путях инвестирования в англоязычной литературе, но большая сосредоточенность на процессе инвестирования в русскоязычной литературе; большее внимание провинциальному уровню в англоязычной литературе, но большее внимание республиканскому уровню в русскоязычной; процесс использования специфических китайских нюансов в понимании экономического развития и процесса принятия решений со стороны китайских исследователей, пишущих на английском языке.

При этом недостатком англоязычной литературы, как и представленной литературы на русском языке является разделение политического и экономического процесса в Китае рассматриваемого периода. Подобное разделение, в итоге, неизбежно ведет к потере смыслов. Вместе с этим, в рамках политического исследования рассматриваемой проблемы со стороны КНР не учтен принцип единства государства и партии. Таким образом политическая сфера рассматривается как политика государственного аппарата КНР в отношении зарубежных китайцев, однако, учитывая ленинский принцип единства партии и государства, отметим, что в данном случае государственный аппарат может выступать как инструмент политики Коммунистической партии Китая для достижения партийных целей в международной политике.

Наконец, **на китайском языке** наибольший вклад сделали такие исследователи, как Дин Лисин (丁丽兴)³⁴, Ли Хунцзе (李鸿阶)³⁵, Не Дэнин (聂德宁)³⁶, Сю Мэй (许梅)³⁷, Хун Цзязэ (洪嘉泽)³⁸, Чжуан Готу (庄国土)³⁹, Ши Сюэцин (施雪琴)⁴⁰ и другие китайские исследователи. В особенности стоит отметить статьи, написанные в научно-исследовательском журнале «*华侨华人历史研究*» (*Хуацяо Хуажэнь Лиши Яньцзю*).

Рассмотренная литература на китайском языке обладает несколькими параметрами, которые отличают её от литературы на русском и английском языке. Во-первых, работы китайских исследователей сохраняют

³⁴ Дин Лисин (丁丽兴). Цун бэйдун шиин дао чжудун жонжу: индунисия хуацяо хуажэнь шэтуань дэ лиши яньцзюнь (从被动适应到主动融入:印度尼西亚华侨华人社团的历史演进) // *东南亚纵横 AROUND SOUTHEAST ASIA*, 2009, 08. С. 24 - 27

³⁵ Ли Хунцзе (李鸿阶). Фуцзянь синь хуацяо хуажэнь идун цюши цзи ци дуй цю сян фачжань инсиан (福建新华侨华人移动趋势及其对侨乡发展影响) // *Дунъя луньвэнь*, 1.2.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/CWP80.pdf> (Дата обращения: 6.04.2017)

³⁶ Не Дэнин (聂德宁). Цун “гунсянь” дао “хэзуо”: хуацяо хуажэнь юй чжунго гуаньси дэ фа чжань бианьхуа — чжуан готу синьчжэ “хуацяо хуажэнь юй чжунго дэ гуаньси” пинцзе (从“贡献”到“合作”: 华侨华人与中国关系的发展变化 — 庄国土新著《华侨华人与中国的关系》评介) // *Overseas Chinese History Studies*, №1, март 2002

³⁷ Сю Мэй (许梅). Дуннанья хуажэнь зай чжунго жуань шили тишэн чжун дэ туидун зуойон юй чжиноэ иньсу (东南亚华人在中国软实力提升中的推动作用与制约因素) // *东南亚研究* [Электронный ресурс]. URL: <http://sea.cssn.cn/webpic/web/sea/upload/2012/02/d20120216140520415.pdf> (Дата обращения: 12.04.2017)

³⁸ Хун Цзязэ (洪嘉泽). Дуй хайвай хуажэнь хуацяо цзинцзи юй чжунго гуаньси дэ чунсиннь сыкао (对海外华人华侨经济与中国关系的重新思考) // Пекинский университет международных отношений, *The Border Economy and Culture*, №8, 2009

³⁹ Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // *Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань цюу баньгунши* [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

⁴⁰ Ши Сюэцин (施雪琴). Хуацяо хуажэнь юй чжунго зай дуннанья дэ гунгун вайцзю: хуйгу юй чжаньван (华侨华人与中国在东南亚的公共外交:回顾与展望) // 2013年第1期 [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/115200/华侨华人与中国在东南亚的公共外交_回顾与展望.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 02.03.2017)

взаимозависимую структуру китайского политического и экономического процесса в рассматриваемый период. Важность сохранения и опоры на эту взаимозависимую систему выражается прежде всего в том, что политическая логика рассматриваемого периода опиралась на нюансы экономического развития КНР. Во-вторых, значительная часть китайских работ по вопросам взаимоотношений КНР и китайской диаспоры опирается на хронологические рамки с 1978 г. Данный аспект позволяет нам не только уточнить правильность выбранных хронологических рамок (*см. ниже*), а также уточнить китайское видение нюансов политического и экономического развития страны. Наконец, значительная часть рассмотренных работ на китайском языке не имеет аналогов на английском и русском языке, что позволяет значительно обогатить исследование.

При этом нюансом исследовательских работ, представленных на китайском языке, является использование авторами специфической методологии и теоретических обоснований, которые несколько отличаются от теорий и методов, используемых в гуманитарных исследованиях в западной и российской науке, что требует определенного переосмысления представленных работ для использования в нижеследующем исследовании.

Резюмируя, отметим, что в рамках степени изученности рассматриваемой проблемы стоит вопрос о комплексности исследований. Как правило исследования по названной проблеме носят экономический, реже политический характер. При этом крайне редко рассматриваются гуманитарный и культурный аспекты.

Наконец, заметим, что существующие исследования по названной проблеме, написанные авторами на русском и английском языке, базируются на «западной» методологии и терминологическом аппарате, не учитывают важности фактора «китайской специфики», что лишает данные исследования определенной точности понимания процесса принятия решений и политическую логику, присущую элите Китайской Народной Республики.

При этом важным нюансом является то, что приведенные китайские исследования не доступны для значительной части исследователей, занимающихся диаспоральной проблематикой в виду существующего языкового барьера.

Целью исследования является комплексное изучение становления и развития отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев (хуацяо) в период развития Китая, условно названный «эрой Дэн Сяопина» (1978 - 2013 гг.) с учетом терминологической и теоретической специфики Китая.

Задачами выпускной квалификационной работы - магистерской диссертации являются:

- (1) Описать основные характеристики китайской диаспоры и устройство общественных отношений в рамках китайских сообществ;
- (2) Изучить законодательную и институциональную базу Китайской Народной Республики, касающуюся зарубежных китайцев (хуацяо);
- (3) Проанализировать законодательную и институциональную базу Малайзии, Индонезии и Сингапура в отношении зарубежных китайцев и проследить корреляцию в отношениях с Китайской Народной Республикой;
- (4) Рассмотреть роль зарубежных китайцев в рамках развития политики реформ и открытости в период 1978 - 2013 гг.;
- (5) Исследовать структуру экономического взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев с точки зрения инвестиционной политики и лоббирования;
- (6) Представить роль зарубежных китайцев в рамках политического взаимодействия между Китайской Народной Республикой и рассматриваемыми странами проживания зарубежных китайцев;
- (7) Проследить работу политических и общественных объединений по налаживанию контактов между КНР и зарубежными китайцами.

Объектом исследования в рамках настоящей магистерской диссертации является внешняя политика Китайской Народной Республики в 1978 - 2013 гг.

Предметом исследования является политика Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев, проживающих в Малайзии, Индонезии и Сингапуре в период с 1978 по 2013 гг.

Хронологическими рамками данной выпускной квалификационной работы - магистерской диссертации является период, условно названный «эрой Дэн Сяопина», с 1978 г. по 2013 г. Нижняя хронологическая рамка, 1978 г., однозначна и относится к проведению третьего пленума XI созыва ЦК Коммунистической партии Китая, который был проведен с 18 по 22 декабря 1978 г. Именно на этом пленуме началась историческая перемена Китая от принципа управления государством «взяться за классовую борьбу как решающее звено» к принципу «акцентировать на экономическое строительство как на центральное звено», от окостенелости и полуокостенелости к полноценной реформе, от замкнутости и полузамкнутости к открытости внешнему миру. Вместе с этим был создан центральный руководящий коллектив ЦК КПК во главе с Дэн Сяопином⁴¹. Именно с этих дат берет начало политика реформ и открытости в Китайской Народной Республике.

Сложнее было с определением верхней хронологической рамки. В начале работы над данной магистерской диссертацией, в сентябре 2016 г., была выдвинута гипотеза, согласно которой в Китайской Народной Республике произошло изменение концепции внутреннего и внешнего развития с приходом к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином. Данная гипотеза нашла свое подтверждение в период проведения в Китае XIX съезда Коммунистической партии Китая 18 - 24 октября 2017 г. На этом съезде было не только отмечено, что Китайская Народная Республика переживает период национального возрождения, но и

---

⁴¹ 1978 год - 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва // Жэньминь Жибао, 31.10.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/95587/6524794.html> (Дата обращения: 26.03.2018)

были объявлены рамки развития Китайской Народной Республики, названные «социализм с китайской спецификой для новой эры»⁴². Факт объявления нового базиса политического и экономического развития Китайской Народной Республики в 2017 г. означает правильность выдвинутой гипотезы. За основу в данном случае взята дата 14 марта 2013 г., когда Си Цзиньпин (习近平) занял пост Председателя КНР. После этой даты в китайской политической элите начались процессы, которые уже отличали «новую эру» от «эры Дэн Сяопина».

Таким образом конкретными **хронологическими рамками** исследования является период с 18 декабря 1978 г. по 14 марта 2013 г.

Работа в хронологических рамках, отмечающих начало и завершение процесса взаимодействия в рамках общественных отношений на определенном этапе крайне важна в виду возможности дальнейшей теоретизации описанной структуры отношений. Возможность точного разъяснения и, в дальнейшем, создание теоретической рамки для прогнозирования процесса возможно только после окончания одного из этапов процесса, так как ситуация, в которой предмет исследования подвержен сиюминутным изменениям, которые невозможно учесть в период проведения исследования. Однако, как можно предположить, работа с завершённым этапом дает нам возможность, при использовании индуктивной стратегии, создать теоретическую рамку среднего уровня для понимания, описания и прогнозирования развития процесса на новых этапах⁴³.

Гипотеза данной работы: «взаимоотношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в 1978 - 2013 гг. были сосредоточены в сфере экономического развития и модернизации КНР, причем эти отношения

---

⁴² Нежданов В.Л. «Новая эра» Си Цзиньпина: развитие КНР и перемены в международных отношениях // Российский совет по международным делам, 5 марта 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/-novaya-era-si-tszinpina-razvitiie-knr-i-peremenu-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/> (Дата обращения: 5.03.2018)

⁴³ Крауз-Мозер Б. Теории политики. Методологические принципы / Изд-во Гуманитарный центр, Харьков, 2008. С. 256

не могут быть названы внешними либо внутренними, поскольку диаспора занимает промежуточное положение в теоретическом взгляде КНР».

Во время работы над исследованием были использованы несколько **групп источников**: 1) нормативно-правовые акты КНР в отношении зарубежных китайцев (*хуацяо*), 2) материалы, размещенные на официальных сайтах партий, государственных органов и учреждений, 3) речи и выступления политиков и общественных деятелей КНР, а также рассматриваемых стран Юго-Восточной Азии, 4) материалы СМИ, 5) теоретические и политико-философские обоснования развития политики Китайской Народной Республики.

Говоря о нормативно-правовых актах Китайской Народной Республики, необходимо выделить две подгруппы источников, а именно нормативно-правовые акты, относящиеся к общегосударственной политике Китайской Народной Республики и нормативно-правовые акты, относящиеся к конкретным территориям. Так, в качестве примера отметим Закон Китайской Народной Республики «О гражданстве» 10 сентября 1980⁴⁴ как образец общегосударственного законодательства и Закон КНР «О защите прав и интересов репатриантов» как пример применения закона с учетом нюансов конкретной провинции⁴⁵.

Среди материалов, размещенных на официальных сайтах партий, государственных органов и учреждений, появляется возможность выделить четыре группы источников: материалы Коммунистической партии Китая, например информационно-новостного портала КПК⁴⁶; материалы

---

⁴⁴ Закон Китайской Народной Республики «О гражданстве» 10 сентября 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship (Дата обращения: 2.02.2017)

⁴⁵ Юньнань шэн шиши “чжунхуа жэньминь гунхэго гуицяо цяоциань цюань баоху фа” баньфа (云南省实施《中华人民共和国归侨侨眷权益保护法》办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35353.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)

⁴⁶ Жень Гуйсян (任贵祥). Чжунго гайгэ кайфан юй хуацяо тоуцзы (中国改革开放与华侨投资) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 20.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/1020/c40531-25867944-3.html> (Дата обращения: 2.11.2017)

государственных органов Китайской Народной Республики, например Государственного Совета КНР⁴⁷, материалы объединений, ассоциаций и политических партий зарубежных китайцев, таких как политическая партия «Малазийская Ассоциация китайцев»⁴⁸, а также материалы, размещенные на официальных порталах других стран и территорий, например, Китайской Республики Тайвань⁴⁹ или организаций, подчиненных ООН⁵⁰.

Материалы средств массовой информации также важны для исследования, проводимого в рамках настоящей магистерской диссертации. В целом, материалы СМИ можно разделить на две группы: китайские СМИ и зарубежные СМИ. Среди китайских СМИ основное место занимает газета «Жэньминь Жибао». Также использованы материалы СМИ: BBC, The Diplomat и Straits Times. В рамках данной магистерской диссертации были использованы материалы указанных СМИ в виду того, что BBC в рамках изучаемого периода проявляла значительный интерес к исследуемой проблематике. Издание «The Diplomat» специализируется на публикации аналитических материалов по вопросам развития и взаимодействия стран Азии. В свою очередь издание «Straits Times» использовано как одно из крупнейших СМИ Сингапура.

---

⁴⁷ Ли Юшу (李优树). Хайвай хуацяо хуажэнь чжу туй чжунго цзинци чжуаньсин дэ дутэ ёши цзи луцзин илай — «хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго цзинци чжуаньсин яньцзю» чжайбиань (海外华侨华人助推中国经济转型的独特优势及路径依赖 — 《海外华侨华人与中国经济转型研究》 摘编) // Канцелярия ГС КНР по делам хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/172/2283.shtml> (Дата обращения: 23.05.2017)

⁴⁸ Brief Info on MCA / Malaysian Chinese Association, 6.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mca.org.my/2/Content/SinglePage?_param1=30-032018-19-03-201830&_param2=M (Дата обращения: 5.08.2017)

⁴⁹ The Ranking of Overseas Chinese // The Overseas Compatriot Affairs Commission, R.O.C. (Taiwan) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ocac.gov.tw/english/public/public.asp?selno=1163&no=1163&level=B> (Дата обращения: 10.11.2017)

⁵⁰ Key Migration Terms // International Organisation for Migration [Электронный ресурс]. URL: <http://belgium.iom.int/key-migration-terms%E2%80%8B> (Дата обращения: 26.04.2017)

Наконец, последней группой источников являются теоретические и политико-философские обоснования развития политики Китайской Народной Республики.

Данная магистерская диссертация **опирается на две теоретические рамки**. В теоретической и методологической части диссертация базируется на теоретической базе социального конструктивизма Г. Чиари и М.Л. Нуццо⁵¹ и гипотезе Сепира-Уорфа^{52 53}. В частях, относящихся непосредственно к изучению опыта взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев, работа опирается на теоретическую рамку теории модернизаций, на базу конструктивизма, а также, учитывая нюансы государственного устройства КНР, добавляет к общей теоретической базе идеи ленинизма, идеи Мао Цзедуна и Дэн Сяопина. Двойственность теоретической рамки крайне важна для данной работы, поскольку она позволяет, с одной стороны, создать необходимый для описания и изучения проблемы терминологический аппарат, который бы не исключал китайскую специфику из данной работы. С другой стороны, многоуровневая теоретическая рамка позволяет добиться максимальной точности в исследовании, минимально страдая от ограничений теоретических рамок теорий международных отношений.

Что касается теоретической базы социального конструктивизма Г. Чиари и М.Л. Нуццо⁵⁴, то эта теория стремится к описанию и изучению процессов социо-психологического конструирования социальной реальности и человеческой активности. Поскольку китайская современная школа международных отношений представляет собой конструкт, составленный из

⁵¹ Chiari, G., Nuzzo, M. L. Psychological constructivisms: A metatheoretical differentiation // Journal of Constructivist Psychology, 1996., № 9. P. 163—184

⁵² Whorf B.L. Language, Thought and Reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf /Cambridge, MA: The MIT Press, 1956

⁵³Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Москва, изд-во Прогресс Универс, 1993

⁵⁴ Chiari, G., Nuzzo, M. L. Psychological constructivisms: A metatheoretical differentiation // Journal of Constructivist Psychology, 1996., № 9. P. 163—184

базовых представлений о человеке и мире традиционной китайской философии, европейских теорий международных отношений и философского опыта, пришедшего в Восточную Азию во второй половине XIX века, китайских наработок по тематике международных отношений с 1840-х годов по наши дни, а также интерпретации и переработки европейского опыта. Таким образом, социальный конструктивизм как теория социальных наук позволяет нам построить пусть искусственную, но очевидную систему взгляда современного Китая на международные отношения в целом. Говоря о гипотезе Сепира-Уорфа^{55 56}, отметим, что её послы заключаются в следующем: 1) язык определяет мышление, и, соответственно, лингвистические категории ограничивают и определяют когнитивные категории; а также 2) мышление наряду с лингвистическими категориями определяет влияние традиций и некоторые виды неязыкового поведения. Вместе с этим теоретическая база нижеприведенной работы учитывает основные положения исторической и политологической школ международных отношений в КНР⁵⁷.

Говоря о теоретической рамке магистерской диссертации, касающейся непосредственно вопросов взаимоотношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев, отметим, что в фундаменте этой теоретической конструкции лежит теория конструктивизма. Базовой работой для использования теории конструктивизма в международных отношениях выбрана работа А. Вендта «Общественная теория международной

---

⁵⁵ Whorf B.L. Language, Thought and Reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf /Cambridge, MA: The MIT Press, 1956

⁵⁶Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Москва, изд-во Прогресс Универс, 1993

⁵⁷ Грачиков Е. Международные отношения в современном Китае. Институционализация дисциплины // Международные процессы, том 12, №4 (39), 2014. С. 49 - 65

политики»⁵⁸, а также теоретические разработки по теории конструктивизма П. Катценштайна⁵⁹ и Н. Онуфа⁶⁰.

Так, теория конструктивизма, которая, согласно её основоположникам, находится между позитивистскими и постпозитивистскими парадигмами, сосредотачивает основное внимание своих исследований на когнитивной сфере, то есть области мышления и идей, которые конструируют существующие отношения и миропорядок. Общее положение теории можно описать как факт того, что мировая политика определяется не объективной структурой отношений материальных сил, но структурой мышления, которая состоит из идей, верований, ценностей, институтов и норм. Важным нюансом является то, что все эти аспекты структуры мышления должны равноправно восприниматься рассматриваемыми акторами. Таким образом международные отношения, согласно данной теории, строятся на балансе интересов, то есть социальных ценностей.

А. Вендт в своей работе отметил разницу, которая заключается в понимании общественно-культурного взаимодействия в международных отношениях⁶¹. Так, в рамках реалистической парадигмы государство (Левиафан) разделяет культуру по принуждению. Либерально-идеалистическая парадигма напротив, настаивает на разделении культуры по интересам. Теория конструктивизма же делает акцент на консенсусной легитимации. Государство в этом случае разделяет культуру, которая становится структурным и структурирующим фактором, конституируя акторов международных отношений через их идентичности и интересы.

Вместе с этим А. Вендт отмечает, что поле международных отношений является самостоятельной живой и конституирующей средой, что означает

---

⁵⁸ Wendt Alexander. *Social Theory of International Politics* / Cambridge University Press, 1999 (2003).

⁵⁹ Katzenstein Peter J. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / New York., Columbia University Press, 1996.

⁶⁰ Onuf Nicholas. *World of Our Making: Rules and Rule of Social Theory and International Relations* / Columbia, University of South California Press, 1989.

⁶¹ Wendt Alexander. *Social Theory of International Politics* / Cambridge University Press, 1999 (2003).

отсутствие строгой фиксации между интересами государства и других акторов, например, диаспоры. Более того, А. Вендт отходит от классического понимания идентичности, выстраиваемого через взаимосвязь государства, государственного режима и классовой принадлежности. Вместо этого автор говорит о существовании корпоративной, типовой, ролевой и коллективной идентичности в социальных отношениях, которые проявляются в том числе в международных отношениях.

Дополним идеи А. Вендта мыслью Николаса Онуфа, который подчеркивает в своей работе, что акторы международных отношений имеют свойство активного влияния друг на друга. Взаимодействуя (в нашем случае на примере Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев), акторы постоянно переделывают и реконструируют друг друга⁶². Опираясь на определение актора международных отношений, предложенное Ф. Брайар и М.Р. Джалили, заметим, что актор МО - это любой авторитет, любая организация или группа и любой индивид, которые способны играть определенную роль в международных отношениях или оказывать влияние на их развитие⁶³. При этом важно отметить определенную специфику китайского взгляда относительно отношений, а также нюанс структурирования китайской диаспоры в рассматриваемый период. Так, с одной стороны в рамках данного периода происходили процессы, которые позволили говорить о единой китайской диаспоре в рамках стран проживания. В итоге зарубежные китайцы, как объединенная социальная общность могут считаться акторами МО в виду того, что они оказывают определенное влияние на международные отношения, а также они пользуются признанием со стороны государств, их действия и позиции учитываются при выработке государственной внешней и внутренней политики. Добавим также, что китайская специфика изучения социальных

---

⁶² Onuf Nicholas. *World of Our Making: Rules and Rule of Social Theory and International Relations* / Columbia, University of South California Press, 1989.

⁶³ Баженов А.М. *Социология международных отношений* / изд-во ЦСПиМ, Москва, 2013. С. 300

отношений, в виду особенностей китайского языка, сосредоточена на нюансах неравных отношений. В итоге в рамках современной социологии международных отношений мы можем рассматривать зарубежных китайцев как коллективного актора международных отношений. Таким образом использование теоретической рамки Н. Онуфа позволяет нам проследить и теоретически доказывать двустороннее влияние КНР и зарубежных китайцев, проживающих в Малайзии, Индонезии и Сингапуре. Другими словами, треугольник взаимоотношений, о котором мы упомянули выше, имеет свойство оказывать воздействие и изменять акторов, находящихся в его вершинах.

Наконец, теоретическая рамка, предложенная Питером Катценштейном, описавшим конструкции социальных взаимоотношений⁶⁴. Автор привлекает особое внимание к той значимости, которую имеют культурные факторы в международных отношениях. Отмечено, что в определенной ситуации культурные факторы при развитии взаимодействия акторов в международных отношениях становятся определяющими. Нормативы, принятые в рамках «обычного» поведения акторов международных отношений аффектируют их поведение, а также способствуют построению и закреплению идентичностей и интересов этих акторов. Таким образом эти интересы не являются объектами, но существуют как конструкции социальных взаимодействий.

Добавим в теоретическую базу идеи акторно-сетевой теории, суммированные в работе Б.Латура⁶⁵. Основным аспектом, взятых из данной теоретической конструкции является идея, которую можно концептуализировать как «нет действия - нет группы». В данном случае вопрос «социального» и «общественного» используется как устойчивое состояние или комплекс связей, который в свою очередь может быть

---

⁶⁴ Katzenstein Peter J. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / New York., Columbia University Press, 1996.

⁶⁵ Латур Б. Перестройка социального: введение в акторно-сетевую теорию / НИУ ВШЭ, изд-во ВШЭ, М., 2014. С. 384

использован для описания любых других феноменов. Главным нюансом данной теории, используемым в настоящей работе является утверждение о невозможности предложить отдельную область для описания «социального», так как его отголоски присутствуют везде.

Следующий уровень теоретической базы магистерской диссертации представлен теорией модернизаций Г. Бернштейна⁶⁶, которая подкрепляется экономической логикой развития Китайской Народной Республики в рассматриваемый период, описанной Джастином Йифу Лином⁶⁷.

Так, Бернштейн отмечает, что модернизация представляет собой общий социальный процесс, связанный или подчиняющийся процессам экономического развития как с точки зрения предпосылок, так и с точки зрения последствий. Вместе с этим процесс экономической и социальной модернизации, согласно Бернштейну, представляет собой «универсальный образец», который в целом повторяется в странах мира с незначительным учетом рациональной специфики. Также отмечена аргументация в пользу использования исторической перспективы и концепции недостаточного развития, которые относятся к расширению западного капитализма и воздействию этого процесса на различные «традиционные» общества Востока. Таким образом данная теоретическая рамка открывает перспективу понимания оценки и круга возможностей развития. При этом заметим, что в рассматриваемый период экономически модернизация в Китайской Народной Республике находилась в рамках логики и законов экономического развития, присущих всем странами мира, что не позволяет нам говорить о «чуде», но дает возможность анализировать модернизацию в рамках изученных моделей экономического развития⁶⁸.

---

⁶⁶ Bernstein Henry. Modernization theory and the sociological study of development // The Journal of Development Studies, Vol. 7., 1971. P. 141 - 160

⁶⁷ Лин Джастин Йифу. Демистификация китайской экономики / М., изд-во «Мысль», 2016. с. 384

⁶⁸ Лин Джастин Йифу. Демистификация китайской экономики / М., изд-во «Мысль», 2016. с. 384

Вместе с этим к описанной теоретической рамке необходимо добавить аспекты, которые позволят исследованию получить необходимую китайскую специфику для точности описания процессов взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев.

В первую очередь теоретически необходимо подчеркнуть, что Китайская Народная Республика является государством, в котором фактически отсутствует разделение партийного и государственного аппарата, в этом состоит один из ключевых «ленинских принципов», который КНР заимствовал у СССР. Данный принцип происходит из работы В.И. Ленина «Государство и революция»⁶⁹. Теоретический учет данного принципа в магистерской диссертации позволяет нам уточнить некоторые аспекты, касающиеся взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев. Можно отметить, что взаимодействие зарубежных китайцев происходит как бы одновременно и с государством в целом, и с Коммунистической партией Китая в частности. Данный теоретический аспект позволяет нам точнее определить нюансы экономической и политической модернизации Китайской Народной Республики и преследование политических целей КПК.

Вместе с этим китайская специфика теоретической базы дополнена теоретическими взглядами на развитие Китайской Народной Республики, предложенные Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином, Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао, а также теоретическими работами китайских ученых. Данные теоретические конструкции будут рассмотрены в рамках главы 3, параграфа 3.1, в котором будет изучен опыт взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в политической сфере, а также рассмотрены идеологические основы политики, предложенные Коммунистической партией Китая.

---

⁶⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, том 33 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, Изд-во политической литературы, 1969. С. 433

Методология магистерской диссертации включает такие общеполитические (общенаучные) методы познания как: 1) метод сравнения, 2) метод обобщений, 3) логический метод, 4) метод дедукции, 5) принцип историзма, а также 6) абстрагирование (идеализация).

Структура данной выпускной квалификационной работы - магистерской диссертации включает в себя три главы.

В рамках **первой главы** автор рассматривает развитие отношений Китайской Народной Республики и китайской диаспоры, проживающей в Юго-Восточной Азии на примере Малайзии, Индонезии и Сингапура. В первом параграфе даны основные характеристики зарубежных китайцев, приведена основная терминологическая база, а также различия между подгруппами зарубежных китайцев. Во втором параграфе автор анализирует законодательную и институциональную базу Китайской Народной Республики, направленную на регулирование отношений с зарубежными китайцами. Наконец, третий параграф первой главы касается вопросов законодательной и институциональной базы, повлиявшей на зарубежных китайцев в их странах проживания в рассматриваемый период.

Вторая глава повествует о развитии отношений между Китайской Народной Республикой и зарубежными китайцами в рамках экономической сферы. Данная глава разделена на два параграфа. В первом параграфе говорится о роли зарубежных китайцев в развитии политики реформ и открытости в КНР в рамках рассматриваемого периода. Вторым параграфом рассказывает о структуре экономического взаимодействия Китая и зарубежных китайцев. Особое внимание уделено вопросу инвестиционной политики.

Наконец, **третья глава** касается вопроса развития отношений КНР и зарубежных китайцев в политической сфере. В первом параграфе говорится об основах политического взаимодействия Китая и зарубежных китайцев, производится попытка анализа основ, идеологии и целей политического

взаимодействия. Второй параграф направлен непосредственно на изучение внешнеполитического аспекта отношений КНР и зарубежных китайцев.

Магистерская диссертация прошла апробацию. Материалы магистерской диссертации были опубликованы в качестве статей, а также были использованы в докладах на научных конференциях. Вместе с этим, использованная в данной магистерской диссертации, теоретическая основа прошла апробацию в рамках конкурса, проводимого Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заслужила наивысшую оценку, её теоретические рамки были апробированы в рамках публикаций по смежным темам исследований. В частности по данной работе опубликованы статьи:

1. Нежданов В.Л. Участие зарубежных китайцев в развитии экономики КНР // Китай: история и современность, №9, Изд-во Уральского университета, Екатеринбург, 2016. С. 325 - 333
2. Нежданов В.Л. Политика реформ и открытости: Творческое развитие идей конфуцианства в современном мире // Исторические события в жизни Китая и современность, Москва, ИДВ РАН, 2016 (издано по факту в 2017). С. 252 - 259
3. Нежданов В.Л. Малазийские хуацяо и Китай: взаимовыгодное экономическое партнерство // Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока (Азии и Северной Африки), Москва, ИВ РАН, 2017. С. 122 - 126
4. Nezhdanov V. L. Malaysian Huaqiao and China: Mutually Beneficial Economic Partnership // Oriental Analyses, Issue 3, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, 2017. P. 101 - 104
5. Нежданов В.Л. Китайская диаспора и Китай: общественные и экономические отношения для взаимного политического блага // Общество и государство в Китае, том XLVII, часть 2, М., Институт востоковедения РАН, 2017. С. 245 - 253

Публикации в смежных сферах для апробации теоретической конструкции, предложенной для данной магистерской диссертации:

1. Нежданов В.Л. Китай как генератор нового мирового порядка: соотношение идей, безопасности, экономики и политики // Актуальные проблемы международного права и международных отношений. Место Азиатско-тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития, М., ИВЦ «Маркетинг», 2017. С. 134 - 141
2. Нежданов В.Л. «Новая эра» Си Цзиньпина: развитие КНР и перемены в международных отношениях // Российский совет по международным делам, 5.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/sandbox/-novaya-era-si-tszinpinga-razvitie-ksnr-i-peremeny-v-mezhhdunarodnykh-otnosheniyakh/> (Дата обращения: 5.03.2018)

Что касается актуальной теоретической рамки, предложенной для данной магистерской диссертации, она прошла апробацию в рамках конкурса студенческих научных работ по политологии им. М. Вебера в рубрике «Международные отношения». Работа «Китайская специфика теоретизации международных отношений и мировой политики: сходства и различия с западным взглядом» была удостоена звания лауреата конкурса, получив высочайшую оценку экспертов.

Выступления на конференциях:

1. Международная научная студенческая конференция «Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития», Дипломатическая академия МИД РФ, 10 марта 2017 г.
2. Общероссийская конференция экономистов - востоковедов «Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран

и регионов Востока (Азии и Северной Африки)», Москва, ИВ РАН, 20 марта 2017.

3. XLVII научная конференция «Общество и государство в Китае», Институт востоковедения Российской академии наук, 27 - 29 марта 2017 г.

4. 68-я студенческая конференция Тюменского государственного университета, Институт истории и политических наук, Секция №10 «Мировая политика».

Глава I. Развитие отношений КНР и китайской диаспоры

1.1. Основные характеристики зарубежных китайцев, проживающих в Малайзии, Индонезии и Сингапуре

В странах Юго-Восточной Азии в целом и в Малайзии, Индонезии и Сингапуре в частности преобладают представители пяти китайских этнических групп, которые объединены под общим понятием «зарубежных китайцев». Эти группы - *Хоккен* (выходцы из провинции Фуцзянь), *Теочиу* (выходцы из уезда *Чаожоу-Шатоу* провинции Гуандун), *Кантонцы* (Юг КНР и Сянган), *Хакка* (Юг КНР) и выходцы с острова Хайнань⁷⁰.

Можно отметить некоторые нюансы этнического и территориального происхождения представителей сообществ зарубежных китайцев в рассматриваемых странах. Сообщество зарубежных китайцев в Малайзии может быть охарактеризовано большим разнообразием лингвистических и этнических групп, объединенных в рамках диаспоры. К 2003 г. в Малайзии были отмечены следующие ветви зарубежных китайцев: «*минь нань*», говорящие на диалекте хоккен, теочиу и хайнаньском диалекте, «*хакка*» («*кэцзя*»), «*юэ*», говорящие на кантонском диалекте и на диалекте куонсай, группа «*пу-сянь минь*» и другие. Важно заметить, что лишь незначительная часть зарубежных китайцев Малайзии владеет северовосточными диалектами китайского языка⁷¹.

В Индонезии, говоря об этнических и языковых группах зарубежных китайцев, проживают ханьцы, выходцы из провинций Фуцзянь и Гуандун,

⁷⁰ Paul J. Bolt China and South-East Asia's Chinese / Westport, Connecticut. London, 2000

⁷¹ Ember M., Ember C.R., Skoggard I. Encyclopaedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures Around The World / [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books?id=7QEjPVyd9YMC&pg=PA698&lpg=PA698&dq=census%20malaysia%20heng%20hua%20hainanese&source=bl&ots=uqwlXlqCOC&sig=CdWxD0gl6D-2AtmKq7BR1XftV5s&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=census%20malaysia%20heng%20hua%20hainanese&f=false (Дата обращения: 2.10.2017)

«хоккен», «теочиу» и «хакка»⁷². Нюансом расселения этнических и языковых групп китайцев в Индонезии является то, что они разделены географически и в большей степени находятся в гомогенных сообществах⁷³.

Наконец, говоря о Сингапуре, отметим группы зарубежных китайцев, проживающих в этой стране. Среди них: «хокло» (группа «хоккен», приехавшая с острова Тайвань, а также из провинции Фуцзянь), «теочиу» из провинции Гуандун, кантонцы, «хакка» («кэцзя»), хайнаньцы, группа «фучоу», «хэнхуа» («путянь»), шанхайцы и «хочча» («фуцин»)⁷⁴.

Разделение китайских диаспор по территориально-этническому признаку в рамках внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики вызывало бы атомизацию структуры диаспоры. По этой причине Канцелярия Государственного Совета Китайской Народной Республики по взаимодействию с зарубежными китайцами пользуются специальными определениями в отношении зарубежных китайцев, которые искусственно объединяют их в одно сообщество⁷⁵. Термины, используемые для обозначения зарубежных китайцев, официальные, хотя используются не только в правительственных структурах, но и в официальной прессе Китайской Народной Республики.

Определение, заложенное в терминологическую основу Государственного совета, «хуацяо» (华侨). Определение «хуацяо» (华侨) относится к этническим китайцам, которые обладают видом на жительство в стране проживания. При этом можно утверждать, что термин «хуацяо» является эквивалентом термину «зарубежные китайцы». Появление этого

⁷² Skinner, G. William. "The Chinese Minority", in McVey, Ruth, *Indonesia*, Survey of World Cultures, New Haven, C.T.: Yale University Southeast Asia Studies, 1963.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Edmond Lee Eu Fah. Profile of the Singapore Chinese Dialect Groups / Singapore Department of Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://www.howardscott.net/4/Swatow_A_Colonial_Heritage/Files/Documentation/Lee%20Eu%20Fah.pdf (Дата обращения: 3.10.2017)

⁷⁵ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

термина относят к концу XIX века. При этом данный термин выступает синонимом двум другим словам, а именно «хуажэнь», «человек из Китая», (华人) и «хуаи», «китайского происхождения», (华裔). Оба термина имеют отношение к обозначению китайцев с точки зрения этнической и национальной принадлежности. Все обозначенные термины являются синонимами и означают принадлежность человека либо группы людей к каким-либо отношениям с Китаем. При этом в политической жизни Китайской Народной Республики различия между группами эмигрантов используются крайне редко. Подавляющее большинство литературы о зарубежных китайцах на китайском языке использует составной термин «хуацяо хуажэнь» (华侨华人), который подчеркивает отношение ко всем без исключения группам зарубежных китайцев⁷⁶. Коннотация слова «хуацяо» максимально положительна. Корень слова «хуа» (华) относится к этнической составляющей определения и в означает «Китай» или «китайский». Корень «цяо» (侨) в свою очередь означает «мост». Таким образом коннотация базового определения для зарубежных китайцев обладает национальным смыслом, объединяя подгруппы зарубежных китайцев, а также подчеркивает идею связанности, идею «моста» между китайцами, проживающими за рубежом и гражданами Китая. Вместе с этим исследователи отмечают, что другой коннотацией данного термина является «китайский временный житель». Отметим, что в данной работе термин «зарубежные китайцы» используется как эквивалент термину «хуацяо хуажэнь» и относится ко всем группам китайцев, проживающих в Малайзии, Индонезии и Сингапуре.

Вместе с этим на официальном уровне может быть использовано определение «зарубежная диаспора китайцев». «Зарубежная диаспора китайцев» представлена потомками бывших зарубежных китайцев, либо

---

⁷⁶ Barabantseva Elena. The Party-State's Transnational Outreach: Overseas Chinese Policies of the PRC's Central Government // Greater China Occasional Paper Series, #2, Institute of Chinese and Korean Studies, University of Tübingen, August 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/sinologie/sino/gcs/papers/paper2.pdf> (дата обращения: 25.04.2017)

нынешних жителей Китайской Народной Республики, которые имеют гражданство другого государства или вид на жительство. Отметим, что основные льготы для зарубежных китайцев в Китайской Народной Республике распространяются на представителей «зарубежной диаспоры китайцев»⁷⁷.

Также отмечается такое определение, как «вернувшиеся хуацяо». «Вернувшиеся хуацяо» являются группой зарубежных китайцев, которые возвратились на Родину для постоянного проживания.

Интересно заметить, что отдельно отмечена группа «учащихся хуацяо». Они представляют собой группу зарубежных китайцев, которые получают образование в Китайской Народной Республике, но не проживают непосредственно в Китае. В целом их статус сопоставим со статусом студентов, приехавших на учебу по обмену.

Также отмечаются такие группы зарубежных китайцев, как «вернувшиеся учащиеся хуацяо», «родственники соотечественников и «жители Сянгана, Аомэня и Тайваня»⁷⁸.

Таким образом Государственный Совет Китайской Народной Республики официально обозначает группу населения, которая включена в официальную государственную политику по отношению к зарубежным китайцам. Важно заметить, что определения включают не только зарубежных китайцев, постоянно проживающих за пределами КНР, но и их родственников, проживающих в Китае, а также зарубежных китайцев, возвратившихся в КНР. Такая структура терминов в отношении зарубежных китайцев указывает, что Китайская Народная Республика стремится установить контакт не только с самой диаспорой, но и с её окружением, включая родственников в Китае.

Наряду с официальным делением зарубежных китайцев существует неофициальное разделение, которое встречается в литературе. Подобные

---

⁷⁷ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

⁷⁸ Там же.

определения никогда не используются в официальных документах, однако употребляются в СМИ и в повседневной жизни⁷⁹.

1) «*Хуашан*» (华裔), «китайский торговец». Термин «*хуашан*» можно понимать двояко. С одной стороны, термин «*хуашан*» обозначает торговца, который самостоятельно перевозит товары через границу мелкими партиями. С другой стороны, это человек, уезжающий на сезонные работы за границу. Другими словами термином «*хуашан*» может быть обозначена группа зарубежных китайцев, работающих вне Китая, но постоянно проживающих в КНР.

2) «*Хуагун*» (华工), «чернорабочий». Термином «*хуагун*» - принято обозначать зарубежных китайцев или отправившихся на зарубежные сезонные работы людей, которые происходят из бедных крестьянских семей или городской бедноты.

3) «*Хайгуи*» (海归), «возвратившиеся из за моря». Термин «*хайгуи*» относится к группам зарубежных китайцев, которые вернулись на постоянное место жительства в Китайскую Народную Республику после долгого пребывания за границей. Отметим, что в данном ключе сосуществуют два термина: «*хайгуи*» и «*хуаи*». Отличительной особенностью «*хайгуи*» является то, что, они не успели натурализоваться в стране проживания. Таким образом «*хуаи*» привозят в КНР новый стиль жизни и новую культуру, являясь чуждыми китайцам культурно, но родственными этнически.

4) «*Синь иминь*» (新移民), «новые мигранты». Термин «*синь иминь*» относится к группе зарубежных китайцев, которые эмигрировали из Китайской Народной Республики после начала политики реформ и открытости в 1978 году.

---

⁷⁹ Сергеева А.А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 13, Востоковедение, №1, 2011. С.43-53

В исследовательской литературе, к вопросу об изучении категории «*Синь иминь*», отмечают четыре основные группы «новых мигрантов»⁸⁰. Их разделение происходит по категориям, соответствующим цели, маршруту и структуре занятости выезда за рубеж. Условно эти группы отмечают: иностранных студентов, рабочих неквалифицированного труда, мигрантов-бизнесменов, включающих в себя в том числе инвестиционную иммиграцию, приглашение высококвалифицированного персонала, квалифицированные кадры. Таким образом следует заметить, что среди структуры миграции «*Синь иминь*» высок потенциал для того, чтобы занимать высокое положение в общественной структуре стран-реципиентов⁸¹.

Вместе с этим в исследованиях существуют другие подходы к разделению зарубежных китайцев на группы. Исследователь феномена китайской эмиграции Ван Гуну отмечает, что зарубежные китайцы могут быть разделены на четыре основные категории⁸²:

1) Эмигранты, которые имеют связи с Китаем и ассоциируют себя только с Китайской Народной Республикой;

2) Эмигранты, которые открыто отмечают свою национальную и этническую идентичность, но не политизируют этот факт. Данная группа преимущественно сосредоточена на торговле, профессиональных занятиях и повседневной жизни диаспоры. Эта подгруппа зарубежных китайцев не стремится принимать культуры, языка и традиций новой страны проживания. Отметим, что вся их деятельность сосредоточена на жизни

---

⁸⁰ Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

⁸¹ Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

⁸² Wang Gungwu. Greater China and the Chinese Overseas // The China Quarterly, December 1993, P. 926 - 948

диаспоре, они редко покидают границы компактного расселения зарубежных китайцев в городе;

3) Эмигранты, ассоциирующие себя с Китаем, но постепенно склоняющиеся к самоидентификации в сторону страны проживания. К этой группе населения в большей степени относится молодежь и «*синь иминь*». Эта группа активно изучает язык страны проживания, охотно принимает участие в городской общественной и политической жизни, нередко вступает в брак с представителями титульной нации;

4) Эмигранты, которые не ассоциируют себя с Китаем.

Таким образом нельзя сказать, что среда зарубежных китайцев однородна. Более того, скорее стоит говорить об отдельных группах китайцев, чем о целостной диаспоре. Сплоченность зарубежных китайцев в одну большую группу обуславливается лишь внешними факторами традиционной китайской жизни, культурой и кухней, а также китайским мировоззрением⁸³. Вместе с этим единство зарубежных китайцев обуславливается политикой КНР по их искусственному объединению в единую социальную группу через собственное законодательство.

Важным фактором определения представителей зарубежных китайцев является то, что согласно исторической традиции все представители диаспоры фактически являлись гражданами Китая⁸⁴. Можно предположить, что этот исторический фактор послужил причиной тому, что зарубежные китайцы привыкли держатся единой замкнутой группой. При этом в среде зарубежных китайцев существуют многочисленные малые группы, которые делятся по отраслевому принципу, обладают своей спайкой. Подобного рода разделение преследует своей целью мирный труд с соблюдением местных законов.

---

⁸³ Смолин Е.А. Некоторые аспекты существования китайской диаспоры // Благовещенский государственный педагогический университет [Электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/nekotorie-aspekti-sushestvovaniya-kitajskoj-diaspori> (Дата обращения: 12.11.2016)

⁸⁴ Там же.

Несмотря на то, что терминологически зарубежные китайцы подразделяются на подгруппы, обладающие собственными характеристиками и как правило гомогенными качествами, с середины-конца 1970-х гг. в исследовательском сообществе происходит процесс, который призывает рассматривать группы зарубежных китайцев в рамках диаспоры⁸⁵.

Термин «диаспора» появился в исследованиях о зарубежных китайцах в виду нескольких причин. Во-первых, множество старых теоретических рамок для изучения китайской миграции оказались неэффективными к середине 1970-х в виду сложных процессов китайской миграции и оседания мигрантов на новых местах. Во-вторых, использование термина «диаспора», а также теоретических рамок изучения диаспоральной политики в середине-конце 1970-х гг. внушали надежду на том, что столь пространная концепция как «диаспора» позволит изучать зарубежных китайцев в комплексе, возвышаясь над всеми нюансами разделения групп зарубежных китайцев⁸⁶. Однако исследователи зарубежных китайцев (китайской диаспоры), никогда не были едины во мнении о необходимости теоретически объединять всех представителей сообщества в единую рамку. Напротив, существует мнение о необходимости обращать внимание на очевидные различия и ключевые элементы традиционной (европейской) концепции «диаспоры» и комплексности и неоднородности волн миграции зарубежных китайцев⁸⁷.

Говоря о типичном понимании диаспоры в теоретических рамках её изучения, важно отметить шесть основных факторов, которые могут характеризовать группу лиц как диаспору. Среди этих факторов отметим: расселение сообщества в более чем двух местах; существование

---

⁸⁵ Skeldon R. The Chinese Diaspora or the Migration of Chinese Peoples // The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity, Rowman and Littlefield, Lanham, 2003. P. 51 - 61

⁸⁶ Ma Laurence. Space, Place, and Transnationalism in the Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity // The The Chinese Diaspora, Rowman and Littlefield, Lanham, 2003. P. 1 - 50

⁸⁷ Gao Jia. The Diasporistaion of Contemporary Overseas Chinese: From Alienation to an Alternative Way of Life // [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.539.4037&rep=rep1&type=pdf> (Дата обращения: 1.02.2017)

коллективной мифологии о Родине, разделяемой всеми членами диаспоры; видимое отделение от принимающего общества; идеализация мечты о возвращении на Родину; постоянные продолжающиеся связи с Родиной; наличие группового сознания⁸⁸. Учитывая, что существуют и другие пути обобщения структуры диаспоры⁸⁹, заметим, что удовлетворение двух и более описанных характеристик может характеризовать группу людей в качестве диаспоры.

Важной характеристикой изучения зарубежных китайцев в период с 1978 по 2013 гг. является то, что среди исследователей в этот период наметился тренд на использование теоретической рамки и теоретических подходов «диаспоры» в отношении зарубежных китайцев. Так, данный подход достиг апогея своей популярности в исследованиях в 1990-е гг. Основной характеристикой данного подхода и удобства его изучения считалось то, что он позволяет увидеть в комплексе всю природу среды и стиля жизни мигрантов как с географической, так и с общественной, экономической и культурологической точек зрения⁹⁰. При этом важным замечанием является то, что параллельно с принятием новой «комплексной» методологии в исследованиях происходил процесс обновления, а также пополнения числа зарубежных китайцев.

К этому необходимо добавить, что зарубежных китайцев нельзя рассматривать в рамках, присущих китайцам, которые проживают непосредственной в Китайской Народной Республике. Исследователи приходят к выводу, что сообщества мигрантов, долго проживающих с принимающими обществами, постепенно вырабатывают собственную уникальную культуру и экономическую стратегию, что отделяет их

---

⁸⁸ Tsagarousianou R. Rethinking the Concept of Diaspora // Westminster Papers in Communication and Culture, vol. 1, 1991. P. 83 - 99

⁸⁹ Stratton J. Coming out Jewish: Constructing Ambivalent Identities / Routledge, New York, 2000. P. 142

⁹⁰ Ma Laurence. Space, Place, and Transnationalism in the Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity // The Chinese Diaspora, Rowman and Littlefield, Lanham, 2003. P. 1 - 50

одновременно от принимающего общества и от исторической Родины⁹¹. Такой взгляд позволяет нам рассматривать сообщество зарубежных китайцев в качестве актора международных отношений в Юго-Восточной Азии. Появляется возможность в рамках данной работы рассматривать предложенную систему взаимоотношений региона в виде остроугольного треугольника отношений. Так, вершиной треугольника с острым углом является Китайская Народная Республика, две другие вершины - сообщество зарубежных китайцев и страны Юго-Восточной Азии. Такая теоретическая конструкция концептуализации отношений позволяет нам обратить внимание на большую близость стран-реципиентов и сообщества зарубежных китайцев и необходимости КНР выстраивать взаимосвязанную политику, которая должна учитывать не только желание построить отношения с сообществом бывших соотечественников, но и учитывать структуру и взаимосвязь межгосударственных отношений в регионе.

Важным нюансом рассматриваемого периода является то, что группы зарубежных китайцев, выезжающих за рубеж на сезонные работы или на постоянно место жительства до начала политики реформ и открытости составляли рабочие, жители прибрежных провинций, ханьцы по национальности, как правило в одиночку⁹². Среди основных факторов, повлиявших на формирование сообщества зарубежных китайцев к 1978 г., следует отметить следующие нюансы. Во-первых, группы зарубежных китайцев, покинувшие территорию КНР на момент 1978 г. не представляли из себя людей, сделавших решение об отъезде в связи с какими-либо значительными событиями в истории Китая⁹³. Во-вторых, до сих пор

---

⁹¹ Chew K.S.Y., Liu J.M. Hidden in Plain Sight: Global Labor Force Exchange in the Chinese American population, 1880-1940 // *Population and Development Review*, vol.30(1), 2004. P. 57 - 58

⁹² Ларин А.Г. О некоторых подходах китайских ученых к эмиграционным и диаспоральным проблемам // *Внутренняя политика КНР: история и современность*, выпуск 26, М., ИДВ РАН, 2011. С. 264 - 288

⁹³ Gao Jia. The Diasporisation of Contemporary Overseas Chinese: From Alienation to an Alternative Way of Life // [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.539.4037&rep=rep1&type=pdf> (Дата обращения: 1.02.2017)

сохраняется спор среди исследователей, стремящихся понять истинную природу миграции китайцев до 1978 г. Однако можно предположить, что миграция, особенно в страны Юго-Восточной Азии воспринималась как естественный процесс движения китайской нации и естественный процесс колонизации территорий. Учитывая, что основными регионами-донорами китайской миграции, составившими базу сообщества зарубежных китайцев к 1978 г. были южные приморские провинции Китая, предположим, что дальнейшее продвижение на юг, а именно в регион Юго-Восточной Азии, воспринимался как естественный процесс колониальной миграции в после «лучшей доли». Заметим, что исследователи традиционной китайской культуры отмечают важность направленности к югу⁹⁴. Не меньшую важность в данном предположении занимают различия в менталитете и представлениях о жизни и обществе между северным и южным Китаем. По причине того, что южный Китай, его менталитет и ценности, формировались на так называемой «культуре риса» (в противовес северной «культуре просо»), то структура семей и кланов предполагала большую слаженность и взаимозависимость⁹⁵. По этой причине появляется предположение, что переселенцы были вынуждены покидать свои общины в виду дефицита пахотной земли и невозможности прокормить всех членов сообщества.

При этом политика реформ и открытости ознаменовалась новой волной миграции из Китая. В период после 1978 г. новые мигранты («*Синь иминь*» (新移民) из Китайской Народной Республики имели значительные отличия от уже сформированного к тому времени сообщества зарубежных китайцев. Основными отличиями «*Синь иминь*» (新移民) являлось то, что они представляли собой предпринимателей, специалистов, обладающих квалификацией, а также интеллигенцию и студентов. Начался процесс, когда из Китайской Народной Республики совершали миграцию целые семьи.

---

⁹⁴ Малявин В.В. Пространство в китайской цивилизации / изд-во Феория, М., 2014. С. 372

⁹⁵ Малявин В.В. Китайская цивилизация / изд-во АСТ, М., 2001. С. 632

Другим отличием стала география мигрантов, которая включила в себя всю территорию КНР, включая северо-восточные провинции. Изменился и этнический состав, так как в число «Синь иминь» (新移民) вошли национальные меньшинства КНР (少数民族)⁹⁶.

Отметив некоторые общие особенности, относящиеся к описанию зарубежных китайцев, необходимо рассмотреть численность китайской диаспоры, а также уточнить количество представителей зарубежных китайцев в Малайзии, Индонезии и Сингапуре в 1978 - 2013 гг.

Существует множество статистических отчетов, по которым можно определить численность представителей зарубежных китайцев. Однако результаты этих отчетов отличаются на определенный процент. Данные о численности зарубежных китайцев, проживающих в Малайзии, Индонезии и Сингапуре на 2008 г. приведены в Приложении А⁹⁷.

Другая статистика приведена на сайте Комиссии по отношениям с зарубежными соотечественниками Республики Китай, Тайвань. Данные статистические показатели за период 2004 - 2005 гг. для Индонезии, Малайзии и Сингапура приведены в Приложении Б⁹⁸.

По статистике Собрания мировых китайских бизнесменов к концу рассматриваемого периода мире проживало около 41 млн. зарубежных китайцев, а 32 млн. из этого числа были сосредоточены в регионе Юго-Восточной Азии⁹⁹.

Существуют и другие цифры подсчетов зарубежных китайцев. Так, Информационное агентство Синьхуа оценивает количество хуацяо в мире в

---

⁹⁶ Liu Hong. New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism // Journal of Contemporary China, 2005, vol. 14, №43. P. 291 - 316

⁹⁷ Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163

⁹⁸ The Ranking of Overseas Chinese // The Overseas Compatriot Affairs Commission, R.O.C. (Taiwan) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ocac.gov.tw/english/public/public.asp?selno=1163&no=1163&level=B> (Дата обращения: 10.11.2017)

⁹⁹ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

50 млн. человек. При этом до 90% хуацяо, из 50 млн., представляют собой иностранных граждан по отношению к КНР¹⁰⁰.

Другой вариант подсчета предложен Государственным советом КНР, отмечающим, что в мире на 2010 г. насчитывалось порядка 45 млн. зарубежных китайцев¹⁰¹. При этом, что касается стран Юго-Восточной Азии, отмечено, что к 2007 г. общее количество зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии составляло около 33 млн. человек. Причем среди общего количества зарубежных китайцев в регионе проживало около 2,5 млн. «новых мигрантов». Это составляло около 6% от населения региона¹⁰².

Что касается Индонезии, то отмечено, что общее число зарубежных китайцев в стране должно составлять более 10 млн. человек. Однако Индонезии не хватает всестороннего анализа численности китайского населения. При оценке естественного прироста населения и темпов миграции, на 2007 г. число зарубежных китайцев в Индонезии должно было составлять 9,6 - 10 млн. человек¹⁰³.

При этом в рассматриваемый период времени мы наблюдаем убедительное укрепление демографических позиций китайской диаспоры в Индонезии и её стабилизацию в 1990-е гг. При этом другие источники отмечают, что китайское население Индонезии могло составлять от 5 млн. до 7 млн. человек. Проблемой точного подсчета является то, что у правительства Индонезии нет точной статистики на этот счет¹⁰⁴.

---

¹⁰⁰ Борисова А. Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня, №5, 2002. С.28-33

¹⁰¹ Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyjt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyjt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

¹⁰⁴ Инъни 2005 ниэнь хуажэнь жэнькоу тунци туи гу (印尼 2005 年華人人人口統計推估) // National Taiwan University Library Open Access E-books, октябрь 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://ebooks.lib.ntu.edu.tw/1_file/ocac/31/Indonesia.pdf (Дата обращения: 6.12.2017)

В свою очередь согласно статистическим данным Малазийского бюро статистики, в 2006 году в Малайзии проживало около 6,13 млн зарубежных китайцев. Добавляя новых китайских иммигрантов и китайских рабочих, которые еще не успели ассимилироваться и не имеют гражданства Малайзии, общее количество зарубежных китайцев в Малайзии в 2006 году составляло около 6,45 млн. человек¹⁰⁵.

Что касается Сингапура, то сумма числа зарубежных китайцев в стране рассчитывается из числа китайских сингапурцев, зарубежных китайцев, которые поселились в стране, а также числа китайских сезонных рабочих. Так, в июне 2007 г. около 2,8 млн сингапурских китайцев, однако вместе с этим число зарубежных китайцев в Сингапуре составляет около 3,5 млн. человек¹⁰⁶.

Проблема сосредоточенности значительного числа зарубежных китайцев именно в странах Юго-Восточной Азии может быть объяснена двумя главными факторами. Первый фактор касается естественного колониационного движения китайцев, которое на протяжении столетий имело южный вектор¹⁰⁷. Второй фактор касается расистской политики, проводимой США, Канадой и Австралией в конце XIX - начале XX вв. В этот период времени в США¹⁰⁸, Канаде¹⁰⁹ и Австралии¹¹⁰ были приняты законы, которые не позволяли китайским мигрантам закрепляться в общественной структуре этих стран. Таким образом, поскольку для китайцев были закрыты

---

¹⁰⁵ Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Мальвин В.В. Китайская цивилизация / изд-во АСТ, М., 2001. С. 632

¹⁰⁸ Chinese Exclusion Act // Forty-Seventh Congress, Session I, Chap. 126 [Электронный ресурс]. URL: <http://legisworks.org/congress/47/session-1/chap-126.pdf> (Дата обращения: 12.03.2017)

¹⁰⁹ Chinese Immigration Act 1885 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asian.ca/law/cia1885.htm> (Дата обращения: 12.03.2017)

¹¹⁰ Lee Joseph. Anti-Chinese Legislation in Australasia // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 3, No. 2 (Jan., 1889), pp. 218-224

наиважнейшее страны-реципиенты миграции конца XIX - начала XX вв., к 1978 г китайская диаспора оказалась сосредоточена в Юго-Восточной Азии естественным для нее образом.

Сложность в подсчетах точного количества зарубежных китайцев вызвана тем, что многие зарубежные китайцы во время переписи населения приписывают себя к титульной нации. Часто это вызвано страхом перед местным населением, которое не всегда готово принять китайцев в свое общество¹¹¹.

Исследователь зарубежных китайцев Чжуан Готу (庄国土) отмечает, что на протяжении 30 лет, с 1980 г. по 2010 г. сообщества зарубежных китайцев обладают двумя важнейшими характеристиками¹¹².

Во-первых, в названный период времени сообщество зарубежных китайцев отличалось сравнительно быстрым ростом числа новых мигрантов. Причем рост новой миграции сопровождался ростом образовательных и финансовых стандартов зарубежных китайцев. В период 1980 - 2010 гг. по причине массового увеличения числа новых иммигрантов из Китая, включая Гонконг, Макао и Тайвань, а также естественного прироста населения китайских общин, число зарубежных китайцев возросло. Важно заметить, что по сравнению со старыми мигрантами уровень образования и экономической грамотности среди «синь иминь» был значительно выше.

Во-вторых, в данный период произошло изменение в распределении зарубежных китайцев в мире. Тренд на сохранение высокой концентрации зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии был изменен, однако доля зарубежных китайцев, проживающих в Юго-Восточной Азии, сохранилась на

---

¹¹¹ Thuno Mette. Reaching out and Incorporating Chinese Overseas: The Trans-territorial Scope of the PRC by the End of the 20th Century // The China Quarterly, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.cctr.ust.hk/materials/library/Reaching_Out_and_Incorporating_Chinese_Overseas.pdf (Дата обращения: 15.04.2017)

¹¹² Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

уровне 73% от общего числа зарубежных китайцев в мире. Главным нюансом периода стало то, что увеличилось число стран-реципиентов, куда направляется поток китайской миграции. Следует отметить, что миграция перестала быть региональной.

Среди основных принципов и методов оценки количества зарубежных китайцев в странах Юго-Восточной Азии необходимо отметить следующие нюансы. Во-первых, после Второй мировой войны большинство китайцев из Юго-Восточной Азии присоединились к местным титульным нациям, что послужило причиной одновременной ассоциации как с исторической Родиной, так и со страной-реципиентом. Примером такой страны является Индонезия. Во-вторых, проблема зарубежных китайцев в рассматриваемый период считалась проблемой правительств стран Юго-Восточной Азии. Информация об их истинном количестве часто фальсифицировалась. За исключением Сингапура и Малайзии имеется мало достоверных статистических данных об этнической структуре населения во второй половине XX века. Наконец, статистика иммиграции раннего и изучаемого периода неполна. Отсутствуют достоверные данные о пересечении границ¹¹³.

При этом нюанс определения отношения человека к группе зарубежных китайцев - мигрантов имеет терминологический и методологический нюанс. Так, обращаясь к глоссарию Закона о международной миграции, заметим то, как сформулировано определение. Так, «миграция - это передвижение лица или группы лиц через границу или в рамках государства». Мигрант в свою очередь определен как «лицо, которое пересекло международную границу либо переместилось внутри государства»¹¹⁴. Таким образом, если мы будем опираться на установленное международным правом понятие «миграции» и

---

¹¹³ Чжуан Готу (庄国土). Дуннанья хуацяо хуажэнь шулян дэ синь гусуань (东南亚华侨华人数量的新估算) // Журнал университета Сямынь (издание философии и социальных наук) (厦门大学学报 (哲学社会科学版)) [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/5108/东南亚华侨华人数量的新估算.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 22.12.2017)

¹¹⁴ Key Migration Terms // International Organisation for Migration [Электронный ресурс]. URL: <http://belgium.iom.int/key-migration-terms%E2%80%8B> (Дата обращения: 26.04.2017)

«мигранта», то мы отметим, что проживающие в странах-реципиентах потомки мигрантов во втором, третьем и последующих поколениях не могут быть мигрантами, а являются постоянными гражданами страны. При этом китайский подход к определению миграции отличается от практики международного права и включает в число членов диаспоры «потомков китайцев» («хуаи») ¹¹⁵. Таким образом статистика, приводимая Китайской Народной Республикой также не является достоверной, поскольку она отличается от методологии подсчета, принятой в ООН.

Заметим, что в странах Юго-Восточной Азии китайская диаспора часто обладает большей экономической мощью, чем титульная нация. Такая ситуация сложилась по причине того, что многие страны Юго-Восточной Азии никогда не имели миграционной квоты, что делало их наиболее удобным вариантом для эмиграции. Экономическая мощь зарубежных китайцев прослеживается в их вкладе в экономики Малайзии, Индонезии и Сингапура, статистика приведена в Приложении В ¹¹⁶.

Отметим, что значительная экономическая сила зарубежных китайцев, проживающих в рассматриваемых странах распространяется как на финансовый сектор (80 частных банков Индонезии, 4 крупных банка в Малайзии), сферу туризма (80% туристических фирм Малайзии), сферу торговли (большая часть торговых сетей Индонезии), а также промышленность (мука, цемент, деревообработка, автомобили и табак в Индонезии, сталь, цемент, фанера, сахар, микросхемы и высокие технологии в Малайзии и пищевая промышленность и высокие технологии в Сингапуре) и сельское хозяйство (Индонезия и Малайзия). Во всех странах развиты

---

¹¹⁵ Ли Минхуань. Гоцзи иминь дэ данъи юй лэйбэ - цзянь лунь чжунго иминь вэньти // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю, 2009, №2. С. 9

¹¹⁶ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

китайские компании в сфере строительства и транспорта, сектора недвижимости¹¹⁷.

В данном контексте существует вопрос о том, не является ли массовое переселение китайцев в страны Юго-Восточной Азии демографической экспансией. Однако страх перед так называемой «китайской угрозой» среди населения стран Юго-Восточной Азии надуман и не имеет под собой реальную подоплеку. В доказательство этому следует привести статистику эмиграции из КНР после 1978 года¹¹⁸. В период с 1978 по 2013 год из КНР эмигрировало около 10 миллионов человек. Причем порядка 7 миллионов отправились в страны Европы, США и Канаду. Только 3 миллиона выбрали для эмиграции страны Юго-Восточной Азии. Также стоит отметить численность китайской диаспоры в процентном соотношении с населением КНР. Так некоторые европейские диаспоры составляют до 50% от населения родной страны. В случае китайцев процент хуацяо составляет лишь 3-4% от населения КНР¹¹⁹. Более того Китай, являясь главным источником миграционных потоков мира, принял список мер против нелегальной миграции. В итоге КНР сотрудничает более чем с 40 странами по борьбе с нелегальной миграцией, что свидетельствует об отсутствии экспансионистских настроений¹²⁰.

Таким образом, рассмотрев основные положения, касающиеся диаспоры зарубежных китайцев, следует перейти к рассмотрению институциональной и законодательной стороны отношений между КНР и зарубежными китайцами.

---

¹¹⁷ Афанасьева А.В. Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии: перспективы для Китая // Общество и государство в Китае, т. XLIV, М., ИВ РАН, 2014. С. 179 - 186

¹¹⁸ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

¹¹⁹ Ларин А.Г. Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня, №10, 2007. С.22-28

¹²⁰ Ларин А.Г. Китайская эмиграция и политика Китая // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И.Думана, ИВ РАН, М.: Вост. лит., 2007. С. 287-299

1.2. Законодательная и институциональная база Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев

Китайская Народная Республика выстраивала отношения с зарубежными китайцами в рассматриваемый период в рамках сложной парадигмы, которая одновременно включала в себя элементы внешней политики и элементы внутренней политики. В целом эпоха Дэн Сяопина базировалась на стратегии позволяющей Китайской Народной Республике полностью подчинять свою внешнюю политику приоритетами национального развития. Вместе с этим стремление к внутриэкономическому развитию было сопряжено с внешнеполитической стратегией по стабилизации в отношении КНР как международной, так и региональной среды, что в целом позволяло сосредоточиться на экономической модернизации и развитии. Таким образом можно согласиться с исследователями, называющими «власть», «богатство» и «статусность» тремя основными целями внешней политики КНР в 1978-2013 гг.¹²¹.

29 сентября 1977 г. в преддверии годовщины образования КНР Дэн Сяопин в своей речи отметил, что «отношения с зарубежными китайцами являются тем, что необходимо встроить в новую государственную политику»¹²². В ноябре 1977 г. газета «Жэньминь Жибао» поддержала идею Дэн Сяопина о восстановлении отношений с зарубежными китайцами, выразив уверенность в необходимости развитии и укреплении контактов¹²³. Окончательно возрождение политики КНР по отношению к зарубежным китайцам было официально начато в рамках 3 пленума ЦК Коммунистической партии Китая 11 созыва в 1978 г. Основой начала

---

¹²¹ Denny Roy. *China's Foreign Relations* / Palgrave; 1998. P. 264

¹²² Paul J. Bolt. *China and South-East Asia's Ethnic Chinese* / Westport, Connecticut. London, 2000

¹²³ Хун Цзязэ(洪嘉泽). Дуй хайвай хуажэнь хуацяо цзиньцзи юй чжунго гуань ми дэ чунсинь сыкао (对海外华人华侨经济与中国关系的重新思考)// Пекинский университет международных отношений, *The Border Economy and Culture*, №8, 2009

возрождения политики активного взаимоотношения КНР и хуацяо является заявление, указывающее, что «зарубежные китайцы являются неотъемлемой частью китайского общества». В декабре 1978 г. была положена первая законодательная инициатива по развитию экономических взаимодействий между КНР и зарубежными китайцами, которая разрешила развитие фирм с частной формой собственности, а также инвестирование, развитие предприятий с участием иностранного капитала¹²⁴.

Этапы развития отношений КНР и китайской диаспоры можно условно разделить на 5 этапов¹²⁵.

Первый этап является наиболее продолжительным по времени и занимает промежуток с 1978 по 1991 гг. Этот период можно охарактеризовать вальным поступлением инвестиций от зарубежных китайцев в экономику КНР, что было следствием низкого уровня развития экономики и необходимостью дальнейшего совершенствования инвестиционного законодательства. При этом на протяжении этого периода, а особенно в 1988 - 1991 гг., в соответствии с политикой реформ и открытости были приняты соответствующие законодательные акты. Это привело к первой крупной волне инвестиций зарубежных китайцев в КНР в рассматриваемый период. Для удобства инвесторов Китай с 1984 г. открыл 14 ранее закрытых для иностранцев городов, а с 1985 г. в КНР появились первые свободные экономические зоны. Основными инвесторами на этом этапе выступили крупные и средние компании из Гонконга (Сянган)¹²⁶.

Второй этап развития отношений КНР и зарубежных китайцев пришелся на 1992 - 1998 гг. Главным фактором развития в этот период стала возможность слома сопротивления консервативных сил, которые стремились

---

¹²⁴ Кириллова Е.С. Инвестиционная политика КНР в отношении китайских эмигрантов хуацяо после начала внешней открытости // Материалы конференции «Студенческий научный форум», 2010

¹²⁵ Афонасьева А.В. Как зарубежные китайцы помогают КНР // Азия и Африка сегодня, №8, 2011. С. 30-36

¹²⁶ Там же.

к полному уничтожению частной собственности в китайской экономике. Эта победа стала возможной благодаря инспекционной поездке Дэн Сяопина на юг страны в 1992 г. с целью поддержать начатую перестройку системы хозяйствования. На протяжении этого периода правительство КНР всячески поощряло капиталовложения зарубежных китайцев во все сферы экономики. Началось инвестирование в северные провинции КНР, тогда как в предыдущий период (1978 - 1991 гг.) все инвестиции зарубежных китайцев приходились на юг страны. С 1992 г. в экономику КНР начинают активнее поступать инвестиции от зарубежных китайцев, проживающих в странах Юго-Восточной Азии. Это можно объяснить тем, что в этот период экономики стран Юго-Восточной Азии получили быстрое развитие, что вызывало появление свободной денежной массы¹²⁷.

Третий этап условно можно назвать «переходным». Его хронологические рамки занимают 1999 - 2000 гг. Этот период характеризуется быстрым сокращением объема инвестирования в экономику КНР, но стабилизацией ситуации в инвестиционной политике в дальнейшем развитии. Такая ситуация была вызвана высокой заполненностью рынка Китайской Народной Республики при фактическом сохранении и отсутствии роста объемов рынка. Принятые меры свели возможность повторения подобного кризиса. В эти годы объем прямых иностранных инвестиций от зарубежных китайцев балансировал на уровне 53-54% от общего объема¹²⁸.

На четвертом этапе (2001 - 2008 гг.) развития отношений КНР и хуацяо столкнулись с общемировой проблемой, а именно большей степенью закрытости границ. После терактов 11 сентября 2001 г. большинство стран мира ввели защитные меры, что вызвало общее сокращение потока иностранных инвестиций. Однако благодаря емкому рынку КНР и привлечению бизнеса, Китаю удалось занять свое место в структуре

---

¹²⁷ Афонасьева А.В. Как зарубежные китайцы помогают КНР // Азия и Африка сегодня, №8, 2011. С. 30-36

¹²⁸ Там же.

мирового инвестирования. За этот период объем инвестиций зарубежных китайцев в КНР вырос на 98%, средний прирост в год составлял 14%. Этот рост был вызван тем, что в этот период КНР приняла важные законодательные меры, которые открыли доступ на внутренние рынки КНР¹²⁹.

Последний этап развития в рамках хронологических рамок данной работы относится к 2008 - 2013 гг. Отличие этого этапа заключается в том, что зарубежные китайцы начали вкладывать деньги в высокие технологии, которые имеют конкурентоспособность на мировом рынке. Более того, зарубежные китайцы получили совещательный голос в принятии решения на уровне как уездов и провинций, так и всей страны¹³⁰.

Отметив основные этапы становления политики Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев, необходимо уделить особое внимание законодательному и институциональному развитию Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев. Заметим, что основная законодательная база, касающаяся зарубежных китайцев относится к экономическому аспекту взаимодействия. Лишь небольшая часть документов направлена на решение политических и общественных споров.

С 1978 г. в КНР происходил процесс либерализации выездного законодательства, что значительно отразилось как на новой миграции, так и на зарубежных китайцах, которые уже долгое время проживали за рубежом. Так, важным аспектом проводимых реформ являлось то, что они требовали грамотного сопровождения их процесса. С одной стороны они придерживались общего стиля, который был обозначен Дэн Сяопином в афоризме «идти вброд, ощупывая дно». С другой стороны было очевидным,

---

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Афонасьева А.В. Как зарубежные китайцы помогают КНР // Азия и Африка сегодня, №8, 2011. С. 30-36

что нельзя было допустить резкого напора на государственные службы КНР¹³¹.

С другой стороны важно заметить, что реформирования законодательства в отношении зарубежных китайцев и новых мигрантов происходило в двух плоскостях. В одной плоскости происходила непосредственная работа по совершенствованию и развитию миграционного законодательства и регулирования правил въезда и выезда из страны. Другая плоскость касалась законов в отношении хуацяо, регулирующих другие сферы общественной жизни¹³². В целом в рамках рассматриваемого периода законодательство КНР в отношении зарубежных китайцев стало более комплексным и развитым по сравнению с предыдущим периодом.

В рассматриваемый период времени (1978 - 2013 гг.) в Китайской Народной Республике действовали две конституции. Короткий период времени в рассматриваемых границах приходится на период действия третьей Конституции Китайской Народной Республики, принятой в 1978 г¹³³. Основной период в рассматриваемых хронологических рамках касается действия четвертой Конституции КНР, принятой в 1982 г¹³⁴.

Важным аспектом законодательной базы взаимоотношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в рамках всего рассматриваемого этапа является включение положений о зарубежных китайцах в обе конституции.

В главе о фундаментальных правах и обязанностях граждан Китайской Народной Республики Конституции КНР 1978 г. в статье 54 отмечено, что

---

¹³¹ Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию // Томский государственный университет, Томск, 2012. С. 248

¹³² Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию // Томский государственный университет, Томск, 2012. С. 248

¹³³ The Constitution of the People's Republic of China // 5 марта 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/peoples-republic-of-china-constitution-1978.pdf> (Дата обращения: 3.12.2017)

¹³⁴ Чжунхуа жэньминь гунхэго сианьфа (中华人民共和国宪法) // Пекин, фалю чубаньшэ (法律出版社), 2011.

«государство защищает права и интересы зарубежных китайцев и их родственников»¹³⁵. В свою очередь глава о фундаментальных правах и обязанностях граждан Китайской Народной Республики Конституции КНР 1982 г. в статье 50 отмечает, что «Китайская Народная Республика охраняет надлежащие права и интересы зарубежных китайцев, законные права и интересы китайцев-репатриантов и членов семей зарубежных китайцев»¹³⁶.

Таким образом, опираясь на конституции КНР 1978 г. и 1982 г. появляется возможность сделать три промежуточных вывода. Во-первых, на протяжении всего рассматриваемого периода Китайская Народная Республика рассматривала отношения с зарубежными китайцами как приоритетное направление внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, отмечая положения о данной группе в конституции. Во-вторых, несмотря на модернизацию политической и экономической жизни страны, а также открытость и участие в международных институтах, Китайская Народная Республика сохранила традиционное видение зарубежных китайцев, традиционно относя мигрантов и их родственников, а также потомков к китайскому обществу. Наконец, учитывая, что статьи конституции о зарубежных китайцах в обоих вариантах находятся в главах о фундаментальных правах и обязанностях граждан Китайской Народной Республики, заметим, что конституционный строй КНР предполагает возможность наделения зарубежных китайцев схожими с гражданами КНР правами и обязанностями.

При этом законодательно возникают некоторые нюансы, которые вызывают сложность при толковании в европейской законодательной практике. Такое понятие как «зарубежные китайцы» в целом относится ко

---

¹³⁵ The Constitution of the People's Republic of China // 5 марта 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/peoples-republic-of-china-constitution-1978.pdf> (Дата обращения: 3.12.2017)

¹³⁶ Чжунхуа жэньминь гунхэго сианьфа (中华人民共和国宪法) // Пекин, фалю чубаньшэ (法律出版社), 2011.

всем китайским гражданам, которые эмигрировали и получили право на проживание в другой стране. При этом юридическая концепция определения зарубежных китайцев несколько отличается от бытовой и политической. Эта концепция в юридическом смысле означает, что понятие «зарубежные китайцы» является правовым статусом и отражают отношения между зарубежными китайцами и Китайской Народной Республикой, то есть отношения между правами и обязательствами зарубежных китайцев и КНР¹³⁷.

1 июля 1979 г. был принят Закон КНР «О предприятиях с участием иностранного капитала»¹³⁸. Это был первый законодательный акт, направленный непосредственно на поддержку зарубежных китайцев. Он предполагал начало реформирования экономической системы в два этапа. На первом этапе предполагалось сохранение ведущей роли плановой экономики при укреплении частной формы собственности как особенности инвестиционной политики. Второй этап характеризовался установлением смешанной формы собственности как особенности инвестиционной политики на переходном этапе экономического развития страны. Такое реформирование в экономике было направлено на получение прямых иностранных инвестиций от зарубежных китайцев.

10 сентября 1980 г. был принят Закон КНР «О гражданстве»¹³⁹. С конца 1960-х годов Китайская Народная Республика стремилась преодолеть противоречия со странами Юго-Восточной Азии, которые рассматривали зарубежных китайцев как агентов влияния Пекина по причине их двойного гражданства¹⁴⁰.

---

¹³⁷ Хуацяо дэ фалю гайнянь (华侨的法律概念) // Хуигань байкэ (汇感百科). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hgzz.net/baike/92233.html> (Дата обращения: 3.04.2017)

¹³⁸ Thuno Mette. Reaching out and Incorporating Chinese Overseas: The Trans-territorial Scope of the PRC by the End of the 20th Century // The China Quarterly, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.cctr.ust.hk/materials/library/Reaching_Out_and_Incorporating_Chinese_Overseas.pdf (Дата обращения: 15.04.2017)

¹³⁹ Закон Китайской Народной Республики «О гражданстве» 10 сентября 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship (Дата обращения: 2.02.2017)

¹⁴⁰ Борисова А. Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня, №5, 2002. С.28-33

Закон «О гражданстве» был принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 10 сентября 1980 г., опубликован Приказом №8 Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10 сентября 1980 г., вступил в силу с 10 сентября 1980 г. Данный закон позволил одновременно решить вопрос с многочисленными этническими и лингвистическими группами зарубежных китайцев, а также наладить отношения со странами Юго-Восточной Азии. Так, закон подчеркивает, что в КНР «лица различных национальностей имеют гражданство КНР» (ст. 2), что приближает терминологию и понимание гражданства от китайского термина «государство-семья» (*гоцзя* - 国家) к международному «государство-нация»¹⁴¹. Принятый Закон «О гражданстве» сочетает в себе «принцип крови» и «принцип почвы»: «Родившееся за рубежом лицо, один или оба родителя которого являются гражданами КНР, имеет гражданство КНР; однако если лицо, один или оба родителя которого имеют гражданство КНР, но постоянно проживают за рубежом, имеет со дня рождения гражданство другого государства, такое лицо не имеет гражданства КНР» (ст. 5)¹⁴². Такая трактовка дает основания для избежания конфликтов со странами-реципиентами китайской миграции с одной стороны, но не противоречит статьям конституции, сохраняя даже за гражданами другого государства юридический статус «зарубежного китайца».

При этом юридически разводятся понятия «*хуацяо*» и «*хуажэнь*». Первое юридическое различие заключается в том, что согласно трактовке понятий «*хуацяо*» обладает гражданством КНР, а «*хуажэнь*» является гражданином иностранного государства. При этом подчеркивается, что по

---

¹⁴¹ Закон Китайской Народной Республики «О гражданстве» 10 сентября 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship (Дата обращения: 2.02.2017)

¹⁴² Закон Китайской Народной Республики «О гражданстве» 10 сентября 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship (Дата обращения: 2.02.2017)

причине кровного родства, долгих и переплетенных отношений два термина тем не менее обладают связью в рамках юридического описания¹⁴³.

На протяжении 1980-х и 1990-х годов были выпущены постановления Государственного Совета КНР. В этой связи необходимо отметить Постановление Государственного Совета КНР «О поощрении иностранных инвестиций» от 11 октября 1986 года¹⁴⁴; Постановление Государственного Совета КНР «О поощрении инвестиций тайваньских соотечественников» от 3 июля 1988 года¹⁴⁵; Постановление Государственного Совета КНР «О поощрении инвестиций хуацяо и соотечественников из Сянгана и Аомэня» от 19 августа 1999 года¹⁴⁶; поясняющий документ «Вопросы инвестирования в Китае для хуацяо, хуажень и соотечественников из Сянгана и Аомэня».

Эти документы представляют важность с точки зрения создания благоприятного инвестиционного климата в КНР. Однако особенно важно отметить положения, касающиеся зарубежных китайцев. Эти документы отмечают возможность для зарубежных китайцев осваивать землю в Китайской Народной Республике и развивать различные формы хозяйства. Отмечается, что родственники эмигрантов могут быть законными представителями интересов зарубежных китайцев, проживающих за рубежом. Законодательно зарубежные китайцы наделялись льготами по оплате аренды за землю и при открытии предприятий. В постановлениях отмечено, что КНР поддерживает совместные предприятия, а также обязывает администрации провинций давать преимущество зарубежным

---

¹⁴³ Хуацяо юй хуажэнь дэ гоцзи цюбиэ цзи фадин лианьси (华侨与华人的国籍区别及法定联系) // Foreign Affairs Office of the Fijian Provincial People's Government, 18.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fjfao.gov.cn/ztlz/ktx/swfl/fljz/201709/t20170918_1597144.htm (Дата обращения: 26.12.2017)

¹⁴⁴ Китайская Народная Республика. Законодательные акты. Перевод с китайского/Сост.: К. А. Егоров; под ред. А. М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1989.

¹⁴⁵ Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. Экспресс-информация N2 (147), М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008, с. 52-59

¹⁴⁶ Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. – Томск : Томский государственный университет, 2012. – 248 с.

китайцам в получении услуг и доступе к инфраструктуре провинций и уездов.

7 сентября 1990 г. был принят закон КНР «О защите прав и интересов китайских реэмигрантов и членов их семей»^{147 148}. Во многом этот закон повторяет положения постановлений Государственного Совета КНР 1980-х годов и различных положений государственной политики Китая. Согласно закону, защита зарубежных китайцев возлагалась на правительства уездных уровней и абсолютно все уровни народного представительства. Этот пункт закона послужил в будущем развитию провинциальных законодательств о защите хуацяо. При этом в обязанность провинциальным правительствам и ВСНП вверялось привлекать зарубежных китайцев к репатриации, поощрять граждан КНР к получению образования за границей. Правительство брало на себя обязательство поощрять вернувшихся китайцев инвестировать в разные отрасли экономики КНР, а также устраиваться на работу по специальности.

В январе 1991 г. в этот закон были внесены поправки, которые расширили его применение не только на репатриантов, но и на членов семей зарубежных китайцев. Таким образом с 1991 года семьи, чьи родственники постоянно проживают за пределами КНР, обладают специальными инвестиционными и социальными привилегиями¹⁴⁹. В 2000 г. новые поправки к закону были добавлены статьи о возможности КНР выплачивать

---

¹⁴⁷ «О защите прав и интересов китайских реэмигрантов и членов их семей» (中华人民共和国归侨侨眷权益保护法) // Overseas Chinese Affairs Office of the State Council, 7.09.1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/userobject7ai1272.html> (Дата обращения: 4.10.2017)

¹⁴⁸ Грудошникова Л.М., Трощинский П.В. и др. Современное право Китайской Народной Республики (1978 - 2010 гг.) / часть 1 (1978 - 2001 гг.), М., ИДВ РАН, 2012.

¹⁴⁹ Thuno Mette. Reaching out and Incorporating Chinese Overseas: The Trans-territorial Scope of the PRC by the End of the 20th Century // The China Quarterly, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.cctr.ust.hk/materials/libary/Reaching_Out_and_Incorporating_Chinese_Overseas.pdf (Дата обращения: 15.04.2017)

пособия для репатриантов, внесены дополнительные меры по защите интересов и прав¹⁵⁰.

Начиная с 1992 г. происходит развитие законодательства по отношению к зарубежным китайцам на провинциальном уровне. Важно отметить, что такими нормативно-правовыми актами в первую очередь обзавелись провинции и города центрального подчинения с наибольшим процентом инвестиций зарубежных китайцев, а также приморские города и провинции традиционного выезда зарубежных китайцев. Первой провинцией, которая приняла свой закон «О защите прав и интересов зарубежных китайцев» стала провинция Гуандун¹⁵¹. Через два года, в 1994, аналогичный документ был составлен для города Пекина. К 2011 г. такими документами обладали практически все провинции КНР¹⁵². Заметим при этом, что катализатором принятия местных провинциальных законов в отношении зарубежных китайцев является «Закон КНР о пожертвованиях на общественные блага», принятый в 1999 г. Согласно этому закону местные народные правительства от уездного уровня и выше содействуют передаче благотворительным общественным организациям и учреждениям КНР даров от зарубежных китайцев. Помимо этого, зарубежные дарители освобождаются частично или полностью от таможенных пошлин по импорту¹⁵³.

2000-е годы были ознаменованы принятием двух общественнозначимых законов. 4 июня 2004 г. правительством КНР был опубликован документ под названием «Реализация законодательных мер о репатриантах в КНР»¹⁵⁴. Этот документ обобщал всю законодательную базу, принятую с 1979 года, отмечал

---

¹⁵⁰ Грудошникова Л.М., Трощинский П.В. и др. Современное право Китайской Народной Республики (1978 - 2010 гг.) / часть 1 (1978 - 2001 гг.), М., ИДВ РАН, 2012.

¹⁵¹ Wang Gungwu. Migration and Its Enemies. Migration and the Chinese // Times Academic Press. Singapore. 2011. P.10

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Грудошникова Л.М., Трощинский П.В. и др. Современное право Китайской Народной Республики (1978 - 2010 гг.) / часть 1 (1978 - 2001 гг.), М., ИДВ РАН, 2012.

¹⁵⁴ Отчет «О реализации законодательных мер о репатриантах КНР» // Канцелярия Государственного Совета КНР по делам хуацяо. 4 июля 2004

успехи и неудачи политики, а также подтверждал ответственность провинций за соблюдение прав и интересов репатриантов и зарубежных китайцев. 14 марта 2005 г. был принят закон КНР «против притеснения интересов хуацяо в КНР»¹⁵⁵, а также уточненный список материалов, которые могут подтвердить идентичность репатрианта, который был принят 9 февраля 2010 года¹⁵⁶. Закон против притеснения зарубежных китайцев имеет положения о равенстве и невозможности притеснения, однако направлен на жителей Тайваня, чем на китайцев из Юго-Восточной Азии.

Отдельно заметим, что в рамках уточнения мер по соблюдению законов и их истолковываю основное место занимают такие провинции, как Юньнань¹⁵⁷, Сычуань¹⁵⁸, Гуанси¹⁵⁹ и Гуандун¹⁶⁰. Отметим, что такое сочетание провинций, для которых существует специальное толкование законов либо же собственное развитое законодательство опосредованно тем, что в данных провинциях находится сосредоточение деревень и поселков, которые являются традиционным донором китайской миграции.

---

¹⁵⁵ Закон КНР «Против притеснения интересов хуацяо в КНР по земляческому признаку» // «反分裂国家法» 全文, МИД КНР. 14 марта 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/zlb/zcwj/t187116.htm> (Дата обращения: 5.02.2017)

¹⁵⁶ Материалы к представлению для подтверждения идентичности репатрианта // Канцелярия Государственного Совета КНР по делам хуацяо. 9 февраля 2010.

¹⁵⁷ Юньнань шэн шиши “чжунхуа жэньминь гунхэго гуицяо цяоцзиань цюань баоху фа” баньфа (云南省实施《中华人民共和国归侨侨眷权益保护法》办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35353.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)

¹⁵⁸ Сычуань шэн хуацяо хуйго динцзю шиши баньфа (四川省华侨回国定居实施办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35354.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)

¹⁵⁹ Гуанси шиши “чжунхуа жэньминь гунхэго гуицяо цяоцзюань цюаньли баоху фа” баньфа (广西实施《中华人民共和国归侨侨眷权益保护法》办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35357.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)

¹⁶⁰ Гуандун цяоу фачжи цзяньшэ синь тупо цяо и баоху тбяоли цзян шиши (广东侨务法治建设新突破 侨益保护条例将实施) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0930/36672.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)

Кроме того, в Китае было принято законодательство, которое позволяет зарубежным китайцам вступать в права наследства в отношении умерших родственников, проживавших в КНР. Согласно трактованию этого закона, зарубежные китайцы не имеют ограничений в вопросах наследования, обладают равными с гражданами КНР правами¹⁶¹.

Таким образом за рассматриваемый период (1978 - 2013 гг.) в Китайской Народной Республике была создана законодательная база в отношении зарубежных китайцев. Появившаяся в рассмотренный период нормативно-правовая база регулирует отношения между КНР и зарубежными китайцами как в экономической, так и в политической сферах. Важным аспектом является то, что все положения нормативно-правовой базы проистекают от Конституции КНР, базируются на ст. 50 (Конституция 1982 г.).

Далее рассмотрим институциональную структуру Китайской Народной Республики, направленную на работу с зарубежными китайцами.

Всего в Китайской Народной Республике действует пять структур, которые занимаются развитием отношений с зарубежными китайцами на государственном и провинциальном уровне от имени официального Китая. Этими структурами являются: Комитет Всекитайского Собрания Народных Представителей (ВСНП) по делам хуацяо; Канцелярия Государственного Совета КНР по делам хуацяо; Комитет по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и хуацяо ВК НПКСК; Партия Китая Чжигундан; Всекитайская ассоциация реэмигрантов¹⁶².

Поскольку Всекитайское Собрание Народных Представителей является главным политическим органом КНР, то его комитет - основная структура по взаимодействию с зарубежными китайцами. Комитет ВСНП по делам хуацяо имеет широкие полномочия в разработке законопроектов в сфере работы и

---

¹⁶¹ Хуацяо хуажэнь жухэ цзичэн зай чжунго дэ фанчань? (华侨华人如何继承在中国的房产?) // Канцелярия по вопросам эмигрантов провинции Хайнань [Электронный ресурс]. URL: http://dfoca.hainan.gov.cn/wsqbzw/sqzs/200910/t20091015_10348.html (Дата обращения: 5.05.2017)

¹⁶² Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского Государственного Университета, сентябрь 2012, №362. С.65-68

политики с зарубежными китайцами; проверка исполнения законов; изучении ситуации, связанной с хуацяо; выдвижении предложений исполнительным органам; мониторинге ситуации для модернизации законодательства; исполнении представительских функций. Следует отметить, что работа Комитета ВСНП по делам хуацяо носит не только аналитический и законотворческий характер. Так, Комитет 6-о созыва принял более 500 зарубежных китайцев из 16 стран для рассмотрения их предложений, а Комитет 9-о созыва совершил поездки 11 делегаций более чем в 30 стран для встреч с местными парламентариями для знакомства с китайской политикой. Данный Комитет работает и на провинциальном уровне в рамках Собраний народных представителей¹⁶³.

Исполнительным органом по взаимодействию с хуацяо является Канцелярия Государственного Совета КНР по делам хуацяо. В его ведении находится реализация политики, её разработка, формирование инструментов для реализации на низших и средних уровнях. По Конституции КНР Канцелярия обладает функциями охраны прав и интересов хуацяо, реэмигрантов и родственников эмигрантов и реэмигрантов; разработкой и направлением работы по отношению к этим группам населения; контролем за исполнением политики и законов; обеспечением единого планирования и координации деятельности органов власти и общественных организаций; формировании отраслевых программ. В ведении Канцелярии находятся несколько высших учебных заведений (Цзинаньский университет, Университет хуацяо, Пекинский институт китайского языка и литературы), а также издательство «Голос хуацяо». На региональном уровне действуют провинциальные управления по делам хуацяо¹⁶⁴.

Не менее важной структурой является Комитет по делам хуацяо ВК НПКСК (Всеитайский Комитет Народного политического консультативного

---

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского Государственного Университета, сентябрь 2012, №362. С.65-68

совета Китая). Комитет ВК НПКСК занимается содействием Комитету ВСНП и Канцелярии Государственного Совета КНР. Его работа проявляется в выдвижении законопроектов, реализации законодательств и пропаганде и освещении работы с хуацяо. Немаловажен факт, что ВК НПКСК обеспечивает расширение участия зарубежных китайцев в формировании политического курса и политической жизни страны. С 2001 года ВК НПКСК приглашает видных деятелей среди хуацяо к участию в политической жизни страны, а также на заседания НПКСК с правом совещательного голоса. Наибольшее количество хуацяо приняли участие в НПКСК 10 созыва в 2003 году, тогда на заседании присутствовали 120 хуацяо. ВК НПКСК также организует экскурсии для бизнесменов хуацяо с целью показать развитие КНР и транслировать это знание не только в эмигрантской среде, но и в среде бизнес сообщества, взаимодействующего с хуацяо¹⁶⁵.

Важным институтом является партия Китая «Чжигундан» («Партия стремления к справедливости»). Эта партия была организована в 1925 г. в Сан-Франциско как партия эмигрантов из Китая. Однако сегодня она работает в КНР и представляет интересы реэмигрантов, эмигрантов и их родственников в ВСНП и НПКСК, причем в ВСНП «Чжигундан» принимает участие вместе с Коммунистической партией Китая. Партия «Чжигундан» участвует в выработке государственной политики, организует мероприятия по работе с хуацяо, привлекает капиталы и инвестиции в КНР¹⁶⁶.

Важно отметить, что с 1979 г. партия Китая «Чжигундан» стала рассматривать своей основной целью содействие социалистической модернизации КНР. Таким образом в рамках рассматриваемого периода партия Китая «Чжигундан» в рамках своей стратегии абсолютно солидарна с линией Коммунистической партии Китая и направлена на построение начальной стадии социализма. При этом партия Китая «Чжигундан»

---

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского Государственного Университета, сентябрь 2012, №362. С.65-68

способствовала развитию структуры многопартийности, находящейся под «зонтиком» КПК¹⁶⁷. Нюансом взаимодействия партии «Чжигундан» и КПК в рамках рассматриваемого этапа является то, что Коммунистическая партия Китая, как основная политическая сила КНР, могла обогащать собственную теорию по вопросам «социализма с китайской спецификой» через базу, имевшуюся у партии «Чжигундан». Важным аспектом являлось то, что партия «Чжигундан» обладала не только собственными наработками, соединяя идеи социализма и традиционной культуры, но и находилась в диалоге с зарубежными китайцами, что давало возможность проводить взаимодействие между КНР и зарубежными китайцами в том числе в рамках выстраивания идеологии¹⁶⁸.

Вместе с этим партия «Чжигундан» активно направляет делегации за границу для выстраивания отношений с представителями зарубежных китайцев, активно ведет работу на провинциальном уровне¹⁶⁹. Анализируя интернет-сайт партии Китая «Чжигундан» можно прийти к выводу, что работа данной политической структуры направлена прежде всего на построение личных отношений с зарубежными китайцами через взаимодействие с так называемыми «гусьян» (故乡)¹⁷⁰. Термин «гусьян» можно

---

¹⁶⁷ Чжунго Чжигундан цзяньцзе (中国致公党简介) // Чжунго чженсе синьвэнь ван (中国政协新闻网), 10.11.2005, [Электронный ресурс]. URL: <http://cppcc.people.com.cn/GB/45580/45600/3845306.html> (Дата обращения: 18.05.2018)

¹⁶⁸ Лю Чжэнь, Пан Ху (刘珍, 庞虎). Канчжань цяньхоу дэ чжунго чжи гун дан юй макэсы чжуи чжунго хуа (抗战前后的中国致公党与马克思主义中国化) // Journal of Jining University, #36 (4), August 2015. P. 23 - 26

¹⁶⁹ Чжунго Чжигундан цзяньцзе (中国致公党简介) // Чжунго чженсе синьвэнь ван (中国政协新闻网), 10.11.2005, [Электронный ресурс]. URL: <http://cppcc.people.com.cn/GB/45580/45600/3845306.html> (Дата обращения: 18.05.2018)

¹⁷⁰ Чжунго Чжигундан (中国致公党) // Интернет-сайт партии Китая «Чжигундан», [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zg.org.cn/was5/web/search?page=325&channelid=214442&searchword=华侨&keyword=华侨&orderby=-DOCRELTIME&perpage=10&outlinepage=10&searchscope=&timescope=&timescopecolumn=&orderby=-DOCRELTIME&andsen=&total=&orsen=&exclude=> (Дата обращения: 18.05.2018)

понимать как «родные места», «место, где жил и работал». При этом другим значением термина «*гусян*» является обозначение традиционных мест эмиграции зарубежных китайцев в Южном Китае¹⁷¹. Данный аспект говорит о том, что партия «Чжигундан» обладает каналами прямого взаимодействия с зарубежными китайцами, что оказывало влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику КНР, учитывая роль зарубежных китайцев в подсистеме международных отношений Юго-Восточной Азии в рамках рассматриваемого этапа.

Оставшиеся организации во многом повторяют функции уже названных институтов, их деятельность в большей степени направлена по отношению к определенным группам, что отражено в их названии.

1.3. Характеристики законодательной базы Малайзии, Индонезии и Сингапура в отношении зарубежных китайцев

Говоря о законодательной базе Малайзии, Индонезии и Сингапура, оказавшей влияние на становление и развитие отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в том виде, в котором они сложились в 1978 - 2013 гг. необходимо отметить несколько принципиальных моментов.

Во-первых, в рассматриваемый период времени происходил процесс, когда зарубежные китайцы сформировались в особого актора политической и экономической жизни региона Юго-Восточной Азии. Особенность зарубежных китайцев заключалась в том, что по отношению к исторической Родине в обозначенный период выстраивалась особая система отношений, которая с одной стороны включала их в общественную и экономическую жизнь Китайской Народной Республики и обозначала неотъемлемой частью китайского общества, но с другой стороны рассматривала в качестве зарубежного актора и признавала гражданами и частью государств-

---

¹⁷¹ Большой китайско-русский словарь // [Электронный ресурс]. URL: bkrs.info

реципиентов. По этой причине зарубежные китайцы стали той третьей вершиной треугольника отношений «Китайская Народная Республика - зарубежные китайцы - страны Юго-Восточной Азии» в регионе.

Во-вторых, экономическое положение и сферы экономической деятельности, считающиеся традиционной сферой занятости у зарубежных китайцев в Малайзии и Индонезии вызваны в первую очередь дискриминационной политикой названных стран в изучаемый период. Таким образом зарубежные китайцы изначально занимали ту экономическую нишу, где они могли встретить наименьшее давление государства, но не ту, где они могли получить наибольшие экономические возможности.

В-третьих, дискриминационные законы подталкивали зарубежных китайцев к взаимодействию с Китайской Народной Республикой, настаивающей в статьях конституции как 1978 г., так и 1982 г. на том, что КНР защищает права и интересы зарубежных китайцев.

Рассмотрим на примере существовавших в изучаемый период норм положение зарубежных китайцев в Индонезии и Малайзии, обратим внимание на становление экономических и общественно-политических связей, порожденных непосредственно политикой стран Юго-Восточной Азии в отношении меньшинств.

Существовавшая с 1971 по 1991 гг. «Новая экономическая политика» Малайзии была ответом малазийской политической и экономической элиты на этнические выступления 1969 г.¹⁷². Важно заметить, что «Новая экономическая политика» давала преимущество в общественной, политической и экономической жизни представителям коренного малазийского населения. При этом она наносила урон экономическим, образовательным и культурным интересам зарубежных китайцев, проживающих в стране.

---

¹⁷² Heng Pek Koon. The New Economic Policy and the Chinese Community in Peninsular Malaysia // The Developing Economies, XXXV-3, 1997, September. P. 262 - 292

Отметим, что малайское общество состоит из трех основных этнических групп, которые представлены малайцами, китайцами и индийцами. Малайцы являются абсолютным большинством в Малайзии. При этом, несмотря на то, что китайцы и индийцы составляют значительную часть малазийского общества, а также проживают на территории современной Малайзии долгое время, со стороны малайцев они считаются иностранцами, неполноценными с точки зрения гражданских прав членами общества¹⁷³.

«Новая экономическая политика», которая подразумевала благоприятствование фирмам, зарегистрированным на малайцев (бумипутерцев). Малазийские китайцы в свою очередь нашли возможности для развития собственного дела в новых экономических условиях. Так, наиболее богатые хуацяо приступили к формированию политических альянсов для переговоров и политического торга с малазийской национальной элитой. Средние и небогатых хуацяо в свою очередь начали развитие бизнеса в сферах, где присутствовала наименьшая поддержка от государства¹⁷⁴. Интересно отметить, что в рамках нахождения в «Новой экономической политике» в Малайзии зарубежные китайцы вышли в такие профессии, как архитекторы, бухгалтеры, инженеры, стоматологи, врачи, ветеринары, геодезисты и юристы, имели возможность к аккумуляции значительных средств (таблица сравнения в приложении Г)¹⁷⁵.

Проблематика малазийского общества, которая привела к необходимости введения «Новой экономической политики» крылась в том, что к рассматриваемому периоду времени в Малайзии коренное население стало составлять около 74% бедных. При этом зарубежные китайцы, проживавшие

---

¹⁷³ Brant Robin. Malaysia questions ethnic preferences // BBC News, 23 July 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8165746.stm> (Дата обращения: 4.04.2017)

¹⁷⁴ Lim Guanie. China's Investments in Malaysia: Choosing the «Right» Partners // International Journal of China Studies, Vol. 6, No1, April 2015. P. 1-30

¹⁷⁵ Chin James. The Malaysian Chinese Dilemma: The Never Ending Policy (NEP) // Chinese Southern Diaspora Studies, Volume 3, 2009 (南方华裔研究杂志, 第三卷, 2009) [Электронный ресурс]. URL: http://chl-old.anu.edu.au/publications/CSDS/csds2009/07_CSDS_2009_Chin.pdf (Дата обращения: 15.06.2017)

в стране занимали высокое социальное и экономическое положение. Так, китайцы к 1970-м доминировали в экономике Малайзии и составляли большинство городского населения страны¹⁷⁶. Нюанс малазийского экономического национализма в этот период времени заключался в том, что в рамках «Новой экономической политики» была осуществлена государственно-интервенционистская стратегия по увеличению доходов коренных жителей Малайзии через сокращение масштабов нищеты, расширению возможностей занятости и увеличению доли малайского капитала с 2,4% до 30% к 1990 г. При этом доля китайцев могла возрасти не более чем до 40% к 1990 г., а иностранная доля должна была быть уменьшена до 30%¹⁷⁷.

Отметим, что в экономической теории принято выделять более 6 основных причин развития инвестиционной деятельности за рубежом. При этом в 1980-е годы инвестиционная активность в Азии характеризовалась лишь стремлениями к сокращению затрат на производство и преодолению высоких таможенных заградительных тарифов¹⁷⁸. Важно, что в 1980-е годы зарубежные китайцы из Малайзии начали инвестировать в КНР по тем же экономическим причинам, по которым они переехали в Малайзию ранее, а именно появление значительных возможностей для обогащения и сокращение экономических возможностей в стране проживания. При этом важным нюансом для двусторонних отношений КНР и Малайзии, а также отношений в рамках треугольника «КНР - зарубежные китайцы - страны Юго-Восточной Азии» является то, что как принятие новой политики КНР в отношении зарубежных китайцев, так и «Новая экономическая политика» Малайзии в 1971 - 1991 гг. позволили снять определенное напряжение в

---

¹⁷⁶ Heng Pek Koon. The New Economic Policy and the Chinese Community in Peninsular Malaysia // The Developing Economies, XXXV-3, 1997, September. P. 262 - 292

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Liew Ching Wen. Malaysian Investment in China: A Study of Selected Public Listed Companies / Dissertation, Department of Chinese Studies of University of Malaya, Kuala Lumpur, 1999.

рамках обозначенных отношений, что открыто возможности для выхода на новый уровень взаимодействия¹⁷⁹.

Следует добавить несколько нюансов для понимания положения зарубежных китайцев в Малайзии в рассматриваемый период. Во-первых, малазийское правительство расценивало зарубежных китайцев как агентов Пекина по продвижению идеологии КНР в обществе. Причем в рассматриваемый период наблюдалось волновое отношение к зарубежным китайцам, которое выражалось в ослаблении политического давления на зарубежных китайцев после визита Дэн Сяопина в страны АСЕАН в 1978 г. и принятия Закона КНР «О гражданстве» в 1980 г., но нового витка давления в 1984 г. после вскрытия посещения зарубежными китайцами КНР через Гонконг на протяжении периода «культурной революции»¹⁸⁰.

Во-вторых, в обозначенный период изменилось политическое поведение зарубежных китайцев Малайзии. Так, нужно учитывать, что малазийский электорат в конце рассматриваемого периода стал отличается от того, что было в 1978 г. Китайское население Малайзии в 1978 - 2013 гг. стало относиться к своему статусу более осознанно, появилось понимание себя как малазийских граждан. В свою очередь в данный период стал катализировался процесс, когда зарубежные китайцы Малайзии стали меньше связывать себя с КНР с гражданской точки зрения. Таким образом был снят политический вопрос взаимодействия в треугольнике «КНР - малазийские китайцы - Малайзия». При этом Пекин с 1989 г. самостоятельно стремится укрепить свои связи с зарубежными китайскими общинами, что встраивает отношения

---

¹⁷⁹ Heng Pek Koon. The New Economic Policy and the Chinese Community in Peninsular Malaysia // The Developing Economies, XXXV-3, 1997, September. P. 262 - 292

¹⁸⁰ Liow Joseph Chinyong. Malaysia's Post-Cold War China Policy: A Reassessment // National Institute for Defence Studies (Japan) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series4/pdf/4-2.pdf (Дата обращения: 5.06.2017)

КНР и зарубежных китайцев в определенные рамки, которые не вызывают недовольства у государств-реципиентов¹⁸¹.

Говоря об индонезийском примере выстраивания политики в отношении зарубежных китайцев, проживающих в стране, необходимо отметить следующие нюансы. Так, на большую часть рассматриваемого в данной работе периода приходится период ограничений и притеснения зарубежных китайцев в Индонезии, который продолжался с 1958 по 1998 гг. Политический режим Индонезии в рамках данного периода скептически относился к политической лояльности зарубежных китайцев, проживавших в стране. В итоге были предприняты меры по изменению умеренной политики в отношении зарубежных китайцев на более жесткую, в повседневную жизнь хуацяо Индонезии были введены значительные ограничения¹⁸².

В рамках реализации мер по ограничению деятельности китайцев в Индонезии правительство Индонезии экономически отрезало источники финансирования ежедневных операций зарубежных китайских ассоциаций. При этом новые меры касались экономической деятельности китайского бизнеса. Так, были введены требования по передаче управления предприятиями в руки индонезийцев, что произвело удар по 85% китайских предприятий в стране. Другие меры вынуждали зарубежных китайцев Индонезии либо вступать в смешанные браки, либо покидать пределы страны¹⁸³. В итоге, к началу изучаемого периода китайское сообщество Индонезии претерпело значительные изменения и находилось в притесненном состоянии. На начало рассматриваемого периода, в 1980-х гг. в

---

¹⁸¹ Liow Joseph Chinyong. Malaysia's Post-Cold War China Policy: A Reassessment // National Institute for Defence Studies (Japan) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series4/pdf/4-2.pdf (Дата обращения: 5.06.2017)

¹⁸² Дин Лисин (丁丽兴). Цун бэйдун шиин дао чжудун жонжу: индунисия хуацяо хуажэнь шэтуань дэ лишэ яньцзюнь (从被动适应到主动融入:印度尼西亚华侨华人社团的历史演进) // 东南亚纵横 AROUND SOUTHEAST ASIA, 2009, 08. С. 24 - 27

¹⁸³ Там же.

Индонезии проживало около 300 000 зарубежных китайцев, причем лишь 5% были рождены в Индонезии¹⁸⁴.

Так, режим Сухарто принимал различные меры для содействия ассимиляции и ограничения существования в Индонезии китайского образа жизни. Правительство запрещало китайцам участвовать в местных политических делах, но призывает индонезийских зарубежных китайцев организовать благотворительные мероприятия¹⁸⁵.

После мая 1998 г. индонезийское общество и зарубежные китайцы Индонезии вступили в новый этап исторического развития, который был связан с началом проведения реформ в стране. Начался период формирования китайских национальных ассоциаций в общественно-политическом ландшафте страны. По неполным статистическим данным после 1998 г. в Индонезии насчитывалось от 400 до 500 общественно-политических и экономических организаций, созданных зарубежными китайцами. Эти организации охватывали различные сферы деятельности¹⁸⁶.

Важным нюансом в рамках отношений Индонезии и проживающих в ней зарубежных китайцев является то, что развернувшаяся борьба между про- и анти- коммунистическим движением в рамках модели «управляемой демократии» в Индонезии привели к разрыву в отношениях с КНР, а также поставили под бой отношения внутри страны с группой зарубежных

---

¹⁸⁴ Сю Чжаолин (许肇琳). Ши си эрчжань хоу дуннанья хуацяо хуажэнь шэхуй дэ бианьхуа фачжань (试析二战后东南亚华侨华人社会的变化发展) // 华侨华人历史研究, 1996年, 第2期. С.3 - 15

¹⁸⁵ Дин Лисин (丁丽兴). Цун бэйдун шиин дао чжудун жонжу: индунисия хуацяо хуажэнь шэтуань дэ лиши яньцзюнь (从被动适应到主动融入: 印度尼西亚华侨华人社团的历史演进) // 东南亚纵横 AROUND SOUTHEAST ASIA, 2009, 08. С. 24 - 27

¹⁸⁶ Там же.

китайцев. Восстановление отношений КНР и Индонезии произошло лишь в 1990 г¹⁸⁷.

Таким образом рассмотренная ситуация отмечает несколько нюансов положения зарубежных китайцев, которые мы отметили выше. Среди них: формирование осознанного национально-этнического сознания у групп зарубежных китайцев, проявившегося под давлением дискриминационной политики; закрепление зарубежных китайцев в определенных сферах деятельности в странах-реципиентах; развитие взаимодействия с Китайской Народной Республикой в рамках экономической логики поиска большей прибыли, чем было возможно получить в странах проживания из-за существовавшей дискриминационной политики и её последствий.

---

¹⁸⁷ Fischer Clare Benedicks, Dr . Chinese Indonesian: Possibilities for Civil Society // Starr King, School for the Ministry [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sksm.edu/wp-content/uploads/2014/03/chineseindonesian.pdf> (Дата обращения: 1.02.2018)

Глава II. Развитие отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в экономической сфере

2.1. Роль зарубежных китайцев в развитии экономической политики реформ и открытости в КНР

Важно обратить внимание на факт того, что вклад в развитие экономики Китайской Народной Республики был внесен в том числе зарубежными китайцами.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. Дэн Сяопин отметил, что «Китай имел немного возможностей для бурного развития, но отличался от других стран мира наличием десятков миллионов патриотических соотечественников, живущих за пределами Китая»¹⁸⁸. Эти слова в значительной степени отражают вопрос о роли зарубежных китайцев и их вкладе в экономическое развитие и модернизацию Китайской Народной Республики в рассматриваемый период. Отметим, что развитие КНР в 1978 - 2013 гг. во многом базировалось на привлечении прямых иностранных инвестиций в экономику страны.

Говоря о базе развития инвестиционного сотрудничества КНР и зарубежных китайцев, а также о вкладе зарубежных китайцев в модернизацию страны необходимо отметить такие факторы, как общеидеологические основания взаимодействия КНР и зарубежных китайцев и законодательную базу и её влияние на тип двусторонних отношений.

Говоря об идеологических основаниях инвестиционного взаимодействия КНР и хуацяо, а также привлечения зарубежных китайцев к модернизации КНР заметим, что Китайская Народная Республика является государством так называемого «ленинского типа»¹⁸⁹. Главная особенность такого типа государства для изучения его внешней политики является невозможность

---

¹⁸⁸ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

¹⁸⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, том 33 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, Изд-во политической литературы, 1969. С. 433

разделения внешней политики собственно государства и политической партии как основной политической силы. Таким образом в отношениях КНР и зарубежных китайцев необходимо учитывать нюанс, который заключается в том, что зарубежные китайцы выстраивают отношения со своей исторической Родиной через призму Коммунистической партии Китая, её внутривластных и личных интересов. Таким образом экономическая и модернизационная сторона отношений КНР зарубежных китайцев является одновременно аспектом внешней и внутренней политики.

В процессе ведения строительства социализма с китайской спецификой и продвижения политики реформ и открытости Дэн Сяопин изначально придавал большое значение роли зарубежных китайцев. Он активно продвигал идею о необходимости сотрудничества с хуацяо, чтобы помочь Родине создать мост к миру, он также поддерживал идею о включении зарубежных китайцев для участия в социалистической модернизации¹⁹⁰. Важным аспектом, отмечаемым в начале рассматриваемого периода, является то, что китайские исследователи взаимодействия КНР и зарубежных китайцев сопрягают курс «четырех модернизаций» и необходимости привлечения зарубежных китайцев к помощи КНР. Отметим, что курс «четырех модернизаций» преследовал цель преобразования в четырех областях – сельском хозяйстве, промышленности, армии, науке и технике¹⁹¹. Таким образом изначально идеологическая мотивация КПК и КНР в отношении зарубежных китайцев базировалась на привлечении их к развитию технологий, а также вложению средств в экономику КНР.

При этом важно отметить, что идеи Дэн Сяопина по вопросу взаимодействия с зарубежными китайцами являются результатом сочетания

---

¹⁹⁰ Цзян Шупин (姜淑萍). Синь шици Дэн Сяопин чжонши хайвай хуацяо хуажэнь зуойон лунь си (新时期邓小平重视海外华侨华人作用论析) // Жэньминь ван, 12.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0512/c69113-25005167.html> (Дата обращения: 12.01.2018)

¹⁹¹ Абилекова Г.К. КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина // KazNU Bulletin, Oriental series, No1 (58), 2012 С. 9-13

основных принципов марксизма-ленинизма и современных китайских практик и характеристик времени. Важным аспектом данного нюанса является то, что Дэн Сяопин объединил коллективную идеологию теории и практики с идеями отдельных людей и унаследовал теорию единого фронта КПК, созданного Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, с новыми идеями¹⁹². Учтем и то, что экономическая политика Китайской Народной Республики обладает принципом преемственности, что соединяет идеи всех поколений руководителей КНР¹⁹³. Таким образом политика, начатая Дэн Сяопином не ломает логику, присущую руководству КНР до начала рассматриваемого периода, но перерабатывает и обновляет существовавшие идеи. Преемственность в отношении этих идей поддерживались третьим и четвертым поколениями руководителей¹⁹⁴.

Обращая внимание на рассмотренную законодательную и институциональную базу Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев (см. Глава I, 1.2.), мы также можем обратить внимание на значительное преобладание норм, регулирующих экономическое взаимодействие зарубежных китайцев и КНР над другими типами норм.

Таким образом мы можем отметить, что в начале рассматриваемого периода и на всем его протяжении КНР рассматривала зарубежных китайцев в первую очередь как модернизационный и экономический инструмент внутреннего развития.

Исследователи отмечают, что до 80% поступивших в Китайскую Народную Республику прямых иностранных инвестиций в рассматриваемый

---

¹⁹² Лу Ди (卢荻). Лунь Дэн Сяопин дэ цяоу сысян (论邓小平的侨务思想) // 上海党史与党建 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hprc.org.cn/pdf/SDSY200105002.pdf> (Дата обращения: 5.05.2017)

¹⁹³ Пивоварова Э.П. Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР / М., ИДВ РАН, 2018. С. 52

¹⁹⁴ Жэнь Гуйсян (任贵祥). Цзян Цзэминь цяоу сысян шупин (江泽民侨务思想述评) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 31.08.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/49157/49163/6197687.html> (Дата обращения: 3.03.2017)

период времени являются инвестициями зарубежных китайцев¹⁹⁵. Отсюда возникают несколько вопросов, которые будут рассмотрены в рамках данного раздела: 1) Каким образом зарубежные китайцы достигли экономического успеха в странах Юго-Восточной Азии?; 2) С какой целью зарубежные китайцы инвестировали в развитие КНР в рассматриваемый период?; 3) Каково назначение полученных КНР инвестиций?; 4) Укладывается ли инвестиционная логика зарубежных китайцев в отношении КНР в экономические модели, характерные для инвестиционной деятельности вне диаспоральных отношений.

Зарубежные китайцы, проживающие в странах Юго-Восточной Азии, включая рассматриваемые Малайзию, Индонезию и Сингапур, обладают значительными сбережениями и составляют заметную экономическую силу в странах региона.

Ученый из Японии, занимающийся изучением психологии народов Азии, Минео Накаджима связывает быстрое развитие Азии и Китайской Народной Республики в рассматриваемый период с тем, что они являются странами так называемого «конфуцианского культурного круга», или иначе говоря «Китайского культурного круга», поскольку ранее эти территории находились в культурно-идеологической зависимости от Китая¹⁹⁶. Ученый из Пекинского института международных отношений Хун Цзязэ отмечает, что зарубежные китайцы в любом обществе самоидентичны, т.е. они являются так называемым «видимым меньшинством» и сохраняют культурную и семейную верность группе. При этом в странах Юго-Восточной Азии их отличает именно «конфуцианский капитализм». Его основные черты - коллективизм, непрерывное обучение и этика¹⁹⁷.

---

¹⁹⁵ Золотухин И.Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №3, 2012. С. 103-108

¹⁹⁶ Хун Цзязэ (洪嘉泽). Дуй хайвай хуажэнь хуацяо цзинци юй чжунго гуаньси дэ чунсиннь сыкао (对海外华人华侨经济与中国关系的重新思考) // Пекинский университет международных отношений, *The Border Economy and Culture*, №8, 2009

¹⁹⁷ Там же.

Названные черты «конфуцианского капитализма» имеют большой вес в ведении бизнеса в современной экономике, поскольку не позволяют совершить фатальных ошибок в процессе принятия решений.

Что касается коллективизма, в своей группе зарубежные китайцы всегда готовы поддержать члена своей группы или клана, в том числе материально, если у него плохо идут дела. Непрерывное обучение позволяет китайским бизнесменам внедрять как новейшие производственные технологии, так и новые гуманитарные представления об управлении своим бизнесом. Наконец этика отношений позволяет сохранять гармонию в общении с конкурентами и не наживать себе врагов. Таким образом зарубежные китайцы выстраивают особый тип товарно-денежных отношений, который в большей степени отвечает запросам времени. Особый акцент бизнесмены-хуацяо уделяют интересам людей, координации отношений, бережливости. Они делают акцент на образование и единство семьи. Эти качества во многом стали залогом того, что зарубежные китайцы добились высокого экономического положения в странах Юго-Восточной Азии.

В этой связи необходимо отметить и особую структуру информирования в китайской бизнес-диаспоре, которую часто называют «бамбуковой сетью». Это сеть неформальных связей, которая позволяет быстро распространять информацию среди «своих», что положительно сказывается на ведении бизнеса¹⁹⁸. Заметим, что 2/3 китайского бизнеса сосредоточено в торговле или малом бизнесе, что говорит о включенности в экономическую жизнь значительной доли среднего класса зарубежных китайцев. Средний класс зарубежных китайцев готов вкладывать деньги в те дела, где минимальны риски, обеспечен быстрый оборот средств. Этими отраслями являются торговля и мелкое производство. Вместе с этим к областям экономики, в которых заняты хуацяо относят: сферу обслуживания, металлургию,

---

¹⁹⁸ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

химическую промышленность, легкую и пищевую промышленность, производство электронного и телекоммуникационного оборудования, строительство, агробизнес и добывающую промышленность¹⁹⁹. Добавим к этому, что в Малайзии значительная доля зарубежных китайцев занята не только в торговле или бизнесе, но и в сферах производства, требующих высоких квалификаций работника и высокого уровня образования²⁰⁰.

К указанным качествам зарубежных китайцев стоит добавить, что исследователи отмечают трудолюбивость хуацяо, они поощряют приобретение новых полезных контактов и дорожат ими, а также обладают удивительным умением постоянно снижать издержки без ухудшения качества продукции. Другими словами, фактором успеха китайского бизнеса в странах Юго-Восточной Азии является совокупность характеристик, присущая китайскому характеру, которую можно назвать «китайскостью»²⁰¹.

Рассматривая Малайзию, Индонезию и Сингапур, отметим, что, учитывая невозможность точного расчета процента зарубежных китайцев в составе населения этих стран, тем не менее численность хуацяо в Малайзии составляет около 28%, в Индонезии около 3,9%, в Сингапуре около 58,7% по состоянию на 2008 г. (см. Главу I).

Американский исследователь Пол Болт отмечал, что зарубежные китайцы владеют примерно 50% экономики стран Юго-Восточной Азии. Однако в конце 2000-х годов этот показатель составлял уже от 60% до 80% в зависимости от страны²⁰². В конце рассматриваемого периода, в 2013 г. по

---

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Chin James. The Malaysian Chinese Dilemma: The Never Ending Policy (NEP) // Chinese Southern Diaspora Studies, Volume 3, 2009 (南方华裔研究杂志, 第三卷, 2009) [Электронный ресурс]. URL: http://chl-old.anu.edu.au/publications/CSDS/csds2009/07_CSDS_2009_Chin.pdf (Дата обращения: 15.06.2017)

²⁰¹ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

²⁰² Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

подсчетам экономистов зарубежные китайцы сосредоточили в своих руках от 1,5 до 2 триллионов долларов США как в валюте, так и в ценных бумагах и производственных мощностях²⁰³.

Обращаясь к странам проживания хуацяо, заметно абсолютное доминирование зарубежных китайцев в экономике. В Индонезии зарубежные китайцы составляют от 2,8% до 3,9% от общего количества населения. Однако в их руках находится 75% частного капитала государства. Под контролем хуацяо в Индонезии находится ряд транснациональных компаний, которые являются основой экономики страны. В Малайзии хуацяо составляют от 28% до 32,1% населения, при этом по разным подсчетам им принадлежит до 70% национальных богатств страны²⁰⁴. По статистике, приведенной Би-Би-Си, восемь из десяти самых богатых людей Малайзии являются этническими китайцами (к концу изучаемого периода, на 2011 г.)²⁰⁵. Если же взять рейтинг из 200 богатейших людей мира, то шестнадцать из них будут зарубежными китайцами²⁰⁶. Несколько компаний, созданных хуацяо, сегодня входит в число пятисот крупнейших транснациональных компаний мира²⁰⁷. Таким образом можно сделать вывод, что зарубежные китайцы представляют собой не только реальную экономическую силу в странах региона, обладая значительным количеством национального богатства, они являются и большой политической силой.

---

²⁰³ Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С. 157-163

²⁰⁴ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

²⁰⁵ Pak Jennifer. Will China's rise shape Malaysian Chinese community // BBC News Asia, 30 dec. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-16284388> (Дата обращения: 3.12.2017)

²⁰⁶ Золотухин И.Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №3, 2012. С. 103-108

²⁰⁷ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

Несмотря на негативное отношение к зарубежным китайцам и рассмотрение их в странах проживания в большей степени как иностранцев по отношению к аборигенному большинству, политики и экономисты признают их в качестве реальной движущей силы региона. Так, в 2003 году, премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад отметил, что «китайская диаспора является третьей экономикой мира после США и Японии»²⁰⁸. Основой такого заявления служил не только факт того, что китайская диаспора обладает значительными денежными средствами, но и то, что зарубежные китайцы активно инвестируют как в экономики стран проживания, так и в экономику Китайской Народной Республики. Так, Малайзия, отменив дискриминационные законы, направленные против зарубежных китайцев, получила значительный экономический рост, вызванный деятельностью зарубежных китайцев, проживающих в стране²⁰⁹. Экономическая и торговая деятельность зарубежных китайцев, спрос на китайские товары и массовый сбыт товаров своих предприятий в КНР делают страны Юго-Восточной Азии основными торговыми партнерами КНР. Однако каков бы ни был вклад хуацяо в экономики стран Юго-Восточной Азии, инвестиции, которые направлены в КНР, превышают вклады в местные экономики в 2,5 раза²¹⁰.

Такое положение вещей вызывает вопрос по поводу причин инвестирования зарубежных китайцев в экономику КНР в рассматриваемый период. Исследователи этого феномена выделяют четыре основные причины инвестиций зарубежных китайцев.

---

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

²¹⁰ Там же.

Первой причиной служит экономический рост южных провинций КНР²¹¹. В начале периода реформ и открытости была разработана идеологическая база развития, согласно которой в начале должны разбогатеть некоторые провинции и города КНР, которые позже станут локомотивом развития Китая. Обладая удобным географическим положением и большими экономическими возможностями, юго-восточные районы КНР стали быстро обогащаться. Результаты собственной работы провинций стали дополняться и инвестициями зарубежных китайцев. Большая часть зарубежных китайцев, проживающих в рассматриваемых странах и в целом в Юго-Восточной Азии, происходят родом из южных провинций Китая. Узнав о возможностях, которые открылись на Родине, зарубежные китайцы стали переводить значительные средства своим семьям для развития домашних предприятий. В дальнейшем зарубежные китайцы продолжали инвестировать именно в свои землячества, но уже более крупные суммы.

Второй важной причиной стало наличие огромного потребительского рынка в КНР²¹². Данный фактор имеет основополагающее значение при инвестировании и открытии производств и развитии торговли. Рынок потребительских товаров в КНР на протяжении всего рассматриваемого периода не был заполнен полностью, что позволяло открывать новые производства и расширять экономическую деятельность. Именно этот фактор позволял Китаю иметь столь высокий экономический рост даже в период экономического кризиса в мире.

Не менее важным моментом является наличие родственных связей и знание всех нюансов ведения дел в Китае²¹³. Родственники хуацяо по закону могут играть роль представителей инвестора в Китае, что значительно облегчает инвестирование, так как отсутствует необходимость поиска

---

²¹¹ Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163

²¹² Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163

²¹³ Там же.

доверенного лица со стороны. Зарубежные китайцы могут сравнительно легче вести дела в Китайской Народной Республике, поскольку они знакомы с местным деловым этикетом и законодательством, что гораздо сложнее для представителя неконфуцианской культуры, который решил бы заняться бизнесом в КНР самостоятельно. Немаловажен и тот факт, что зарубежные китайцы знают китайский язык и диалекты провинций, из которых они уехали, что позволяет им самостоятельно решать вопросы в местных органах власти.

Наконец необходимо отметить и стабильность политической и социальной обстановки в КНР²¹⁴. Любой инвестор не станет вкладывать свои деньги в государство, где может произойти политический или общественный кризис, что приведет к убыткам. Китай рассматриваемого периода представлял собой стабильное и централизованно-автономное государство. Имеется в виду два основных аспекта. Во-первых, правила инвестирования и политика в отношении инвесторов были непоколебимы на протяжении всего рассматриваемого времени, что благоприятно сказывалось на ожиданиях инвесторов. С другой стороны так называемый «автономный» характер провинций КНР давал возможность локального принятия решений по инвестированию и развитию торговли и производства, что значительно упрощало вход инвестиций хуацяо в экономику КНР.

Вместе с этими критериями выделяют и некоторые особые моменты. Исследователи отмечают общую тенденцию экономики КНР к росту. Данное положение важно тем, что зарубежные китайцы не смогут бесконечно вкладывать именно в свои провинции и уезды. Экономика южных регионов КНР уже становятся переполненными. Однако западные и северные провинции нуждались в значительных средствах. По этой причине поток инвестиций зарубежных китайцев перемещается на север Китая. Такое

---

²¹⁴ Там же.

положение позволяет КНР сохранять высокий экономический рост на протяжении всего рассматриваемого периода²¹⁵.

При этом, возникает важный вопрос касательно мотивации инвестирования зарубежных китайцев в экономику КНР: была ли эта мотивация вызвана исключительно этническими и национальными идеями, описанными выше, либо же эта мотивация базируется на экономической базе, которая в целом укладывается в представления об экономической теории товарно-денежных отношений.

Во-первых экономисты-международники установили факт того, что общие этнические связи способствуют расширению торговых кредитов в развивающихся странах, а также более продуктивным формам финансовых операций, таких как использование долгосрочных контрактов на более длительные контракты наличными. Также этнические сети способствуют облегчению включения в потоки информации, а также помогают распространению сложных знаний, например научных²¹⁶. Такая ситуация возникает по причине того, что представители диаспор хорошо понимают экономическую и деловую специфику как страны-донора, так и страны-реципиента, что помогает им быть успешным в экономическом взаимодействии в обоих случаях.

Во-вторых, обращаясь к статистике, в которой приведены данные по экономическому взаимодействию Китайской Народной Республики с компаниями, представленными этническими китайскими компаниями и компаниями, представленными другими этническими группами в экономической структуре КНР в 1998 - 2005 гг., мы можем сделать важный вывод касательно экономической стратегии КНР и китайской диаспоры в

---

²¹⁵ Столярова Е.С. Внешнеэкономическая стратегия КНР в начале XXI века и миграционная политика // Вестник Томского Государственного Университета, №327, 2009. С. 86-89

²¹⁶ Huang Yasheng, Jin Li, and Yi Qian. Does Ethnicity Pay? Evidence from Overseas Chinese FDI in China / Review of Economics and Statistics 95, no. 3 (July 2013). P. 868-883

рассматриваемый период²¹⁷. Так, важно обратить внимание, что в рамках приведенной статистики невозможно абсолютно точно определить приверженность Китайской Народной Республики или зарубежных китайцев к построению приоритетного взаимодействия на этнической почве. По этой причине в рамках рассматриваемого периода мы должны учитывать, что этнические связи бесспорно оказывают определенное влияние на развитие отношений между государством-донором и представителями диаспоры, однако основным аспектом сотрудничества является уверенность в экономическом успехе развиваемых проектов, что полностью лишает этнических аргументов какой-либо экономической расчет.

Основной целью инвестиций хуацяо все же является получение прибыли. Необходимо отметить и их вклад в благотворительность. Часто зарубежные китайцы вкладывают свои средства не в прибыльные сферы экономики, а в наиболее бедные уезды своей родной провинции. Такое вложение средств зарубежных китайцев позволяло КНР не тратить больших сил на преодолении бедности в отдельных уездах, а сосредоточиться на более крупных проблемах²¹⁸.

В истории инвестирования малазийских хуацяо в КНР можно выделить три этапа. Первый этап можно назвать временем, когда хуацяо осторожно и с определенным недоверием относились к КНР и не стремились инвестировать значительные средства. Этот период начался в 1985 году, когда делегация премьер-министра Малайзии прибыла с визитом в КНР. В состав делегации входил видный бизнесмен Лим Кимхун, задачей которого было исследовать возможность инвестирования в обновляющийся Китай. Однако в период с 1985 по 1990 год в КНР инвестировали лишь 6 китайских предприятий из Малайзии. Бум инвестиций хуацяо начался после 1989 года, когда политика

---

²¹⁷ Huang Yasheng, Jin Li, and Yi Qian. Does Ethnicity Pay? Evidence from Overseas Chinese FDI in China / *Review of Economics and Statistics* 95, no. 3 (July 2013). P. 868-883

²¹⁸ Phạm Cảnh. Chinese Overseas in Southeast Asia / East Asia Analytical Unit, Department of Foreign Affairs and Trade, Australia, 1995. С. 370

санкций стран Запада привела к выводу из КНР значительной части инвестиций крупных компаний. В период с 1990 по 1994 г.г. КНР привлекла порядка 64 предприятий малазийских хуацяо. Дополнительный эффект создавало движение КНР к унификации экономических процедур и стремлении вступить в ГАТТ (ВТО). Начиная с 1995 года ажиотаж малазийских хуацяо по отношению к КНР начал спадать как по причине определенного насыщения рынка, так и в виду возвращения европейских и американских инвесторов в КНР²¹⁹.

При этом показателен пример Малайзии, «Новая экономическая политика» которой создала базу для искусственного этнического разделения в экономике страны, что сказалось на сферах деятельности зарубежных китайцев, а также на сферах экономики, оказавшихся под китайским влиянием. Китайские инвестиции в Малайзию распределены неравномерно по секторам экономики. Государственные предприятия получают 76% китайских ПИИ в сфере строительства, однако лишь 29% в производстве и 25% в высоких технологиях, сфере услуг и прочих отраслях. Иная картина с хуацяо, которые получают лишь 18% ПИИ КНР в сфере строительства, однако 43% в производстве и 33% в иных сферах²²⁰. Таким образом можно сделать вывод, что особенности малазийской экономики привели хуацяо к развитию тех отраслей, которые позволяют иметь наименьшие контакты с правительством Малайзии и регионов страны.

В рамках рассматриваемого периода китайские исследователи выделяют две фазы. Первая фаза занимает промежуток с 1978 г. по 2006 г., когда внутренние и внешние возможности экономики Китайской Народной Республики достигли значительного прогресса. Вторая фаза условно относится к 2007 г. и характеризуется началом перестройки в экономической

---

²¹⁹ Liew Ching Wen. *Malaysian Investment in China: A Study of Selected Public Listed Companies / Dissertation, Department of Chinese Studies of University of Malaya, Kuala Lumpur, 1999.*

²²⁰ Lim Guanle. *China's Investments in Malaysia: Choosing the «Right» Partners // International Journal of China Studies, Vol. 6, No1, April 2015. P. 1-30*

жизни мира, связанной с экономическим кризисом²²¹. В итоге зарубежные китайцы могут играть разную роль в двух фазах рассматриваемого периода.

Так, перечислены преимущества, которые позволяют выстроить уникальные отношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев. В этой связи отмечены преимущества в культурной сфере, позволяющей разделять культуру и язык, а от этого легче обзаводиться контактами. Преимущества в возможностях привлекать талантливых профессионалов, а также экспертов и ученых из числа зарубежных китайцев. Преимущества в построении бизнеса. Так, отмечено, что зарубежные китайцы используют семейные предприятия в качестве бизнес-модели, однако имеют знания, позволяющие внедрять западный опыт. Наконец, сетевая структура взаимодействия, позволяющая аккумулировать больше информации и опыта²²². Таким образом, КНР рассматривает зарубежных китайцев как особую прослойку глобального китайского общества, обладающую сравнительными преимуществами, которые могут позволить катализировать развитие КНР.

Заметим, что стремление построить экономические отношения между зарубежными китайцами и Китайской Народной Республикой в рассматриваемый период исходило с обеих сторон. Китай не только разрабатывал планы привлечения капиталов зарубежных китайцев, но и реализовал проекты, позволяющие не только инвестировать в КНР, но и участвовать в её развитии.

---

²²¹ Ли Юшу (李优树). Хайвай хуацяо хуажэнь чжу туи чжунго цзинци чжуаньсин дэ дутэ ёши цзи лущин илай — “хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго цзинци чжуаньсин яньцзю” чжайбиань (海外华侨华人助推中国经济转型的独特优势及路径依赖 — 《海外华侨华人与中国经济转型研究》 摘编) // Канцелярия ГС КНР по делам хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/172/2283.shtml> (Дата обращения: 23.05.2017)

²²² Там же.

В 2000 г. на третьей сессии ВСНП XI созыва в КНР была выдвинута стратегия активного выхода на внешние рынки под девизом «идти во вне»²²³. В рамках стратегии предполагалось выращивание групп предприятий, лучшим из которых предоставлялась поддержка и облегченный выход на зарубежный рынок. Также поддержку в развитии получали экспортно ориентированные группы предприятий и транснациональные компании. Важно заметить, что с 2000 г. активизировалась работа Канцелярии по взаимодействию с хуацяо Государственного Совета КНР. По их директиве зарубежные китайцы провозглашались компасом и проводником для китайских предприятий, «идущих во вне». Го Дунпо, тогда возглавлявший Канцелярию по делам зарубежных китайцев Государственного Совета КНР, отмечал, что хуацяо могут «служить проводниками для иностранных предпринимателей, желающих создать совместные предприятия»²²⁴. Такая позиция официального Пекина нашла отклик в китайской диаспоре. Инвесторы из среды зарубежных китайцев, через свои деловые связи, подготовили базу для приведения прямых иностранных инвестиций западных компаний в Китай²²⁵.

Что касается модернизации научно-технической сферы Китайской Народной Республики в рассматриваемый период, то здесь необходимо отметить несколько важных аспектов. Во-первых, в рамках рассматриваемого периода в разное время за пределами КНР работало около 600 000 научно-технических специалистов китайского происхождения. Кроме того за границу с 1978 г. выехало около 1,5 млн. студентов, из которых к 2008 г. вернулись в КНР около 300 000 человек²²⁶. Приведенная статистика говорит о том, что в КНР полностью осознавали перспективы возможностей привлечения

---

²²³ Столярова Е.С. Внешнеэкономическая стратегия КНР в начале XXI века и миграционная политика // Вестник Томского Государственного Университета, №327, 2009. С.86-89

²²⁴ Там же.

²²⁵ Paul J. Bolt. China and Southeast Asia's Ethnic Chinese / Westport, Connecticut. London, 2000

²²⁶ Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник КемГУ, №2 (50), 2012. С. 102 - 106

зарубежных китайцев для поднятия уровня научно-технического развития КНР в рассматриваемый период.

Во-вторых, с начала периода реформ и открытости Китайская Народная Республика обратилась к изучению и использованию опыта Китайской Республики (Тайвань) по интеграции зарубежных китайцев в общественную жизнь страны, а также в процесс принятия политических решений²²⁷.

Китайская диаспора, вместе с этим, стала не только важным поставщиком ценных квалифицированных кадров для предприятий в КНР и важным звеном для привлечения западных инвестиций, она была приглашена и к созданию собственных производств в Китае. В 1987 году на территории КНР было создано 33 специальных торгово-промышленных зоны для развития производств зарубежных китайцев. По специальной программе правительство КНР к 2009 г. создало более 50 индустриальных зон для вернувшихся китайцев. К 2009 г. зарубежные китайцы на территории КНР создали более 5000 предприятий²²⁸. Причем стоит заметить, что заметно выросло число предприятий, предлагающих инновационный продукт. Таким образом хуацяо не только заполняли рынок КНР, но и качественно улучшали его.

В этой связи необходимо отметить работу провинциальных управлений по делам хуацяо. Они налаживают и поддерживают более тесные связи с зарубежными китайцами для получения оперативной информации о зарубежных рынках²²⁹. Образно можно сравнить китайскую диаспору с глобальной экономической агентурной сетью Китая. Выходит, что связи и деловая репутация зарубежных китайцев положительно влияли на

---

²²⁷ Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник КемГУ, №2 (50), 2012. С. 102 - 106

²²⁸ Кириллова Е.С. Инвестиционная политика КНР в отношении китайских эмигрантов хуацяо после начала внешней открытости // материалы конференции «Студенческий научный форум», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.ru/forum2010/28/344> (дата обращения: 04.05.2017)

²²⁹ Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. Экспресс-информация N2 (147), М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008, с. 52-59

конкурентоспособность экономики КНР в мире. Вместе с этим Китай озаботился созданием экспортно ориентированных зон. Необходимость создания таких торговых зон была обусловлена отсутствием площадок для качественной внешней торговли КНР. Первые экспортно ориентированные зоны были открыты в провинциях Гуандун и Фуцзянь²³⁰. В 1979-1980 гг. были открыты еще две в Шеньжэне и Джухае. С присоединением к КНР Сянгана и Аомыня, в Китае появились два капиталистических специальных района, позволявших вести мировую торговлю на качественно новом уровне.

Однако «выход во вне» не был основан только на формировании условий для ведения бизнеса зарубежных китайцев в КНР. Органы по взаимодействию с хуацяо также стремились использовать деловые структуры зарубежных китайцев для содействия выходу на мировой рынок китайских предприятий. Провинциальные органы по сотрудничеству с зарубежными китайцами регулярно проводят съезды землячества, на которых бизнесмены-хуацяо имеют возможность договориться с китайскими промышленниками о производстве и сбыте товара за границу. В пример стоит привести опыт провинции Сычуань. Так, проводя работу с зарубежными китайцами, в период с 1994 по 2004 гг. в провинцию прибыли 3600 высококлассных специалистов в разных сферах. Все эти специалисты были китайскими эмигрантами в первом или втором поколении, проживавшие в странах Юго-Восточной Азии. Благодаря взаимодействию местных производств и хуацяо в Сычуань поступило примерно 1,6 млрд. долларов США²³¹.

Повышая конкурентоспособность товаров из Китая на мировом рынке и распределяя их прежде всего через китайскую диаспору, КНР стремилась стать основным производителем материальных благ в Юго-Восточной Азии.

---

²³⁰ Thuno Mette. Reaching out and Incorporating Chinese Overseas: The Trans-territorial Scope of the PRC by the End of the 20th Century // The China Quarterly, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.cctr.ust.hk/materials/libary/Reaching_Out_and_Incorporating_Chinese_Overseas.pdf (Дата обращения: 15.04.2017)

²³¹ Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского Государственного Университета, сентябрь 2012, №362. С. 65-68

Благодаря возрастающему спросу и растущему производству в Китае в страны АСЕАН поступает масса товаров. Более того, зарубежные китайцы прикладывают особые усилия для того, чтобы между странами АСЕАН и КНР установились плотные экономические связи²³².

В конечном счете благодаря лоббированию интересов транснациональных компаний, принадлежащих зарубежным китайцам, и китайской диаспоре была создана зона свободной торговли КНР-АСЕАН, начавшая функционировать в начале 2010 г.²³³ Предложение о создании такой зоны было высказано еще в 1990-х гг., когда экономики стран Азии переживали кризис. А в 1999 г. председатель Государственного совета КНР Чжу Жунци на третьем саммите Китай-АСЕАН в Маниле высказался за укрепление связей КНР с зоной свободной торговли АСЕАН. На момент открытия в 2010 г. зона свободной торговли Китай-АСЕАН объединяла население в 1,9 млрд. человек, общий объем ВВП равнялся 6 трлн. долларов США, а объем торговли превышал 4,5 трлн. долларов. Стоит заметить, что зона свободной торговли Китай-АСЕАН направлена не только на стимуляцию регионального сотрудничества и подъем экономики, но и на культурные обмены в регионе и укрепление взаимопонимания между странами. В 2010 г. генеральный секретарь АСЕАН Сурин Питсуван отмечал, что зона свободной торговли выгодна как КНР, так и АСЕАН из-за очевидного взаимодополнения экономик²³⁴. Используя диаспору как проводника экономических идей, КНР стремится показать странам АСЕАН, что она азиатская страна, которая готова на равных иметь дело с Юго-Восточной Азией; что она лучше, чем Запад,

---

²³² Создание зоны свободной торговли КНР-АСЕАН - образец взаимовыгодного и взаимовыгодного регионального сотрудничества // Женьминь Жибао-онлайн. 02.01.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6857733.html> (Дата обращения: 12.03.2018)

²³³ Создание зоны свободной торговли КНР-АСЕАН - образец взаимовыгодного и взаимовыгодного регионального сотрудничества // Женьминь Жибао-онлайн. 02.01.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6857733.html> (Дата обращения: 12.03.2018)

²³⁴ Там же.

понимает проблемы АСЕАН и готова помочь; что Китай и Юго-Восточная Азия представляют мир ценностей, который должен быть общим²³⁵.

Однако ряд экспертов рассматривают отношения КНР с АСЕАН как выгодные исключительно для Китая. Распределение ролей в зоне свободной торговли становится таковым, что АСЕАН может превратиться в сырьевой придаток КНР по мере более тесного экономического сотрудничества. Также отмечается неравномерное распределение благ, которое складывается по причине экономической мощи китайской диаспоры. Выходит, что зарубежные китайцы в рассматриваемых странах становятся только богаче и укрепляют свои позиции, в то время как за титульными нациями их государств проживания остается место услуги экономики²³⁶.

Таким образом на сегодняшний день китайская диаспора в Юго-Восточной Азии значительно укрепила свое экономическое положение. Следует отметить, что укрепление позиций ведет к расширению сферы конкуренции с бизнесом из самой диаспоры и к увеличению объемов экспорта в КНР капитала. Ресурс «мягкой силы» хуацяо с экономической точки зрения заключается в постоянном вложении капитала в экономику КНР. Говоря словами Дэн Сяопина «У Китая было мало шансов на развитие, но у него были и есть десятки миллионов патриотических соотечественников, проживающих вне Родины»²³⁷.

Особая роль зарубежных китайцев в китайской модели модернизации и научно-технического развития страны отражена в специфических чертах, которые могут быть связаны с национальной культурой Китая и

---

²³⁵ Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163

²³⁶ Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

²³⁷ Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008

политической культурой КНР²³⁸. Среди этих специфических черт отметим: высокую роль капитала государств Юго-Восточной Азии с преимущественно китайским населением (Сингапур) и большим китайским населением (Малайзия, Индонезия), а также значительный опыт эмиграции и особая интеллектуальная проработка государственной политики и идеологии в отношении зарубежных китайцев.

Таким образом мы можем сделать пять основных выводов к вопросу о роли зарубежных китайцев в развитии экономической политики реформ и открытости в КНР в рассматриваемый период.

Во-первых, идеологические и политические основания включения зарубежных китайцев в процесс экономического развития и модернизации Китайской Народной Республики находились в рамках преемственности идеологической и политической базы между первым и вторым поколениями руководителей КНР. При этом, как можно судить из результатов китайских исследований, политика в отношении зарубежных китайцев была сопряжена с экономическим развитием КНР на первых этапах.

Во-вторых, взаимоотношения в экономической сфере между КНР и зарубежными китайцами нельзя назвать обусловленными этническим происхождением последних. Как показывают исследования экономистов, существовавший в рассматриваемый период процесс инвестирования зарубежных китайцев в КНР носил исключительно экономический характер и был вызван открывшимися экономическими и инвестиционными возможностями.

В-третьих, преимущественно экономические отношения КНР и зарубежных китайцев были вызваны в том числе спецификой законодательных актов, которые направляли отношения акторов в большей степени в экономическую сферу, чем в политическую или общественную.

---

²³⁸ Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник КемГУ, №2 (50), 2012. С. 102 - 106

В-четвертых, в рассматриваемый период используемая стратегия взаимоотношений КНР и зарубежных китайцев представляет собой многослойную теоретическую конструкцию, которая включает в себя нюансы ленинизма (неразрывность партии и государства), маоцзедуньидей, опыта Китайской Республики, а также культурных особенностей китайцев с добавлением теорий и моделей экономического взаимодействия акторов в условиях рынка.

Наконец, говоря о роли зарубежных китайцев в модернизации КНР, важно обратить внимание, что китайские исследователи рассматривают зарубежных китайцев в этом разрезе как прослойку китайского глобального общества, обладающую уникальными знаниями для развития КНР.

2.2. Структура экономического взаимодействия КНР и зарубежных китайцев рассматриваемых стран: вопросы инвестиций

В первые годы проведения экономической политики реформ и открытости, говоря о привлечении инвестиций, политика в отношении зарубежных китайцев в основном затрагивала родственников зарубежных китайцев, проживающих в Китайской Народной Республике, а также репатриантов, поскольку правительство КНР рассматривало их в качестве важных каналов для поступления в Китай денежных переводов и пожертвований от хуацяо. Согласно китайской официальной статистике, с 1979 г. по 1989 г. Китайская Народная Республика получила около 5,5 млрд. юаней в качестве переводов от хуацяо своим родственникам²³⁹. При этом к середине 1980-х гг. стало очевидно, что подобные переводы валюты от родственников, а также пожертвования являются недостаточными каналами для привлечения в страну иностранной валюты. В результате были сделаны политические выводы по вопросу необходимости расширения масштаба по реализации стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций от зарубежных китайцев в КНР. В 1984 г. действующий на тот момент генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Ху Яобан встретился с лидерами зарубежных китайцев. Он отметил значительные финансовые активы зарубежных китайцев, проживающих в Юго-Восточной Азии и Северной Америке, выразив надежду на привлечение в Китайскую Народную Республику 10% этой суммы, которая эквивалентна порядка 20 млрд. долларов США²⁴⁰.

---

²³⁹ Barabantseva Elena. Trans-Nationalizing Chinese Nation-State: Overseas Chinese in the PRC's Modernization Strategies // ASIEN, no. 96 (July 2005): 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asienkunde.de/articles/Barabantseva96.pdf>. (Дата обращения: 13.12.2017)

²⁴⁰ Thuno Mette. Reaching out and Incorporating Chinese Overseas: The Trans-territorial Scope of the PRC by the End of the 20th Century // The China Quarterly, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.cctr.ust.hk/materials/library/Reaching_Out_and_Incorporating_Chinese_Overseas.pdf (Дата обращения: 15.04.2017)

Так, рассматривая возможности привлечения прямых иностранных инвестиций от зарубежных китайцев, Китайская Народная Республика предприняла некоторые действия, которые следовали бы принципам рыночной экономики и возможности извлечь прибыль, следуя экономическому духу, присущему зарубежным китайцам. Одним из центральных решений в рамках экономической политики реформ и открытости на первом этапе стало учреждение так называемых «специальных экономических зон», которые были направлены на привлечение инвесторов в КНР. Четыре первых «специальных экономических зоны» были учреждены в Сямэне, Шэньчжэне, Чжухае и Шаньтоу, располагающихся в провинциях Фуцзянь и Гуандун. Подобный выбор был сделан по причине существующих связей между этими провинциями и проживающими в Юго-Восточной Азии зарубежными китайцами²⁴¹.

Логика подобного привлечения инвестиций от зарубежных китайцев, опирающаяся на представления о родовых деревнях и необходимости держаться семейственности в экономической сфере является важным аспектом психологических особенностей китайской нации, опирающейся на местную культуру²⁴². Так, отметим несколько факторов. Во-первых, определенную долю недоверия к новым партнерам, что ставит в необходимость либо близко познакомиться с новым человеком для реализации своих дел, либо обратиться к родственнику, хоть и дальнему. Во-вторых, среди зарубежных китайцев существует представление, что каких бы вершин они не добивались за пределами Китая, они не могут с уверенностью сказать о своем успехе до того, как их успех будет признан соотечественниками. Из этого проистекает определенная доля желания самореализации, тем более, что эта самореализация могла быть соединена с возвращением в родные края, откуда уехали предки или родители. Наконец,

---

²⁴¹ Pail J. Bolt. *China and Southeast Asia's Ethnic Chinese* / Westport, Connecticut. London, 2000

²⁴² Спешнев Н.А. *Китайцы: особенности национальной психологии* / изд-во КАРО, СПб, 2014. С. 336

отметим, что китайские представления о порядочности говорят о стыде интеллигентного человека перед разговорами о выгоде. При этом, понимая прежде всего экономическую подоплеку взаимодействия, инвестиции могли быть расценены как шаг к благотворительности и помощи своей стране.

Отметим при этом, что каждая организованная «специальная экономическая зона» была предназначена для определенной группы инвесторов из числа зарубежных китайцев, инвестирующих из Гонконга (Сянган), Макао (Аомынь), Тайваня или Юго-Восточной Азии. Были законодательно установлены привелегии для зарубежных китайцев, являющихся гражданами Гонконга и Тайваня, а также жду тех зарубежных китайцев, которые хотели бы инвестировать в экономику КНР²⁴³.

При этом отметим определенный нюанс в процессе инвестирования. В приложении Д приведена динамика поступления инвестиций в экономику КНР в период с 1987 по 2005 гг²⁴⁴. На диаграмме показана динамика инвестиций, поступающих в Китайскую Народную Республику (в том числе и в специальные экономические зоны Китайской Народной Республики) от четырех групп акторов: (1) инвесторов из Гонконга, Тайваня, Макао, а также из офф-шоров; (2) из США, стран Европы, а также Японии; (3) страны Азии, Корея и АСЕАН; (4) другие страны. Данная диаграмма позволяет нам обратить внимание два основных аспекта, касательно вопроса инвестирования в КНР в рамках рассматриваемого этапа.

Во-первых, очевидно, что начало «бума» инвестиций в Китайскую Народную Республику приходится на 1991 - 1994 гг. До этого периода все четыре группы акторов находились в примерно равной пропорции относительно количества инвестиций в экономику КНР. При этом интересна последовательность включения акторов в более активное инвестирование.

---

²⁴³ Barabantseva Elena. Trans-Nationalizing Chinese Nation-State: Overseas Chinese in the PRC's Modernization Strategies // ASIEN, no. 96 (July 2005): 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asienkunde.de/articles/Barabantseva96.pdf>. (Дата обращения: 13.12.2017)

²⁴⁴ Naughton Barry. The Chinese Economy: Transitions and Growth / The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, 2007. P. 409

Так, после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. в отношении КНР были введены экономические и дипломатические санкции (на примере США)²⁴⁵. Таким образом для экономических акторов стало невыгодно инвестировать напрямую в Китайскую Народную Республику с точки зрения с одной стороны деловой этики, но с другой стороны с точки зрения дальнейших возможностей развития бизнеса и взаимодействия с компаниями из США. В итоге наиболее приемлемым путем инвестирования стало использование офф-шоров, а также через Гонконг и Макао. Включение в активное инвестирование со стороны группы, куда входит АСЕАН-5 можно объяснить тем, что основной поток инвестиций от этих стран приходился на группы зарубежных китайцев, которые, в свою очередь активнее и удобнее использовали пути инвестирования через Гонконг и Макао, что объясняет значительную инвестиционную активность городов с населением около 5-6 млн. человек и 500 - 600 тыс. человек соответственно.

Во-вторых, данный нюанс не позволяет нам с точностью оценить объем инвестиций зарубежных китайцев в экономику Китайской Народной Республики в рамках изучаемого периода. Такая ситуация происходит в виду трех причин. Первая причина заключается в том, что инвестирование через офф-шор не дает возможности узнать точные объемы инвестированных средств от того либо иного экономического актора. Таким образом значительная часть инвестиций, поступивших в Китайскую Народную Республику в рассматриваемый период, условно объединяемая в группу «инвестиции из Гонконга, Тайваня, Макао, а также из офф-шоров» является темным пятном, невозможно точно определить происхождение этих средств. Вторая причина - желание многих инвесторов уйти от налогов, что ведет их в офф-шоры. Это значит, что в рамках группы «инвестиции из Гонконга, Тайваня, Макао, а также из офф-шоров» могут находиться представители

---

²⁴⁵ Rennack Dianne E. China: Economic Sanctions / CRS Report for Congress, Updated February 1, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL31910.pdf> (Дата обращения: 2.02.2017)

всех трех других групп. Наконец, подобный путь инвестирования выбран изначально как путь обхода санкций и сохранения деловой репутации, но позже выбран как удобная возможность взаимодействия с экономикой КНР.

Заметим, что эксперты особенно отмечают 1986 г., когда в Китайской Народной Республике было завершено формирование четких стандартов инвестирования зарубежных китайцев. Считается, что это повлияло на доминирование хуацяо в экономике КНР²⁴⁶.

Из приложения Е отметим, что в период с 1975 г. по 2000 г. эксперты оценивают количество прямых иностранных инвестиций, поступивших от зарубежных китайцев в 65% - 66% от общего количества поступивших прямых иностранных инвестиций в рассматриваемый период²⁴⁷. Несмотря на подобную довольно точную оценку, остается открытым важный вопрос, какова общая сумма инвестиций зарубежных китайцев.

Как мы можем судить из приложения Е, а также приведенного комментария к нему, у нас нет четких оснований с точностью оценивать объем прямых иностранных инвестиций от зарубежных китайцев, учитывая, что подавляющая часть инвестиций в рассматриваемый период поступала из офф-шоров.

Другие эксперты подтверждают, что чаще всего зарубежные китайцы используют как проводника своих инвестиций крупные компании из Гонконга (Сянгана)²⁴⁸. Это дает нам определенные основания добавить точности в расчеты, однако можно привести лишь примерные цифры, но не говорить о точности. Так, например, по подсчетам других исследователей от

---

²⁴⁶ Barabantseva Elena. The Party-State's Transnational Outreach: Overseas Chinese Policies of the PRC's Central Government // Greater China Occasional Paper Series, no. 2, Institute of Chinese and Korean Studies, University of Tübingen (August 2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/sinologie/sino/gcs/papers/paper2.pdf> (Дата обращения: 12.12.2017)

²⁴⁷ Barabantseva Elena. The Party-State's Transnational Outreach: Overseas Chinese Policies of the PRC's Central Government // Greater China Occasional Paper Series, no. 2, Institute of Chinese and Korean Studies, University of Tübingen (August 2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/sinologie/sino/gcs/papers/paper2.pdf> (Дата обращения: 12.12.2017)

²⁴⁸ Pail J. Bolt. China and Southeast Asia's Ethnic Chinese / Westport, Connecticut. London, 2000

70% до 80% прямых иностранных инвестиций в Китай является вкладом зарубежных китайцев. Причем предприятия в Китае, которые получали в рассматриваемый период денежные вливания из за границы производили примерно 50% промышленных товаров КНР.

Примерно подсчитано, что за первые десятилетия правления коммунистической партии с 1949 по 1966 гг. зарубежные китайцы вложили в развитие КНР порядка 100 млн. долларов США²⁴⁹. Однако во время культурной революции, с 1966 по 1978 гг., хуацяо ничего не вложили в развитие КНР²⁵⁰. В период экономической политики реформ и открытости китайская диаспора стала чувствовать себя спокойнее, а в 1980-е гг. даже укрепила свое положение в странах Юго-Восточной Азии. Это положительно сказалось на уровне инвестиций. С 1979 по 2000 гг. в КНР от зарубежных китайцев поступило примерно 500 млрд. долларов США²⁵¹.

При этом четко отмечается, что зарубежные китайцы, производя инвестирование в Китайскую Народную Республику порождают возможности к развитию нескольких групп факторов²⁵². Во-первых, интеграция зарубежного китайского капитала в экономику Китайской Народной Республики порождает интеграцию и формирование сложной комбинации, которая включает элементы экономической деятельности обеих культур, т.е. локальной и привнесенной.

---

²⁴⁹ Кириллова Е.С. Инвестиционная политика КНР в отношении китайских эмигрантов хуацяо после начала внешней открытости // материалы конференции «Студенческий научный форум», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.ru/forum2010/28/344> (дата обращения: 04.05.2017)

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Кириллова Е.С. Инвестиционная политика КНР в отношении китайских эмигрантов хуацяо после начала внешней открытости // материалы конференции «Студенческий научный форум», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.ru/forum2010/28/344> (дата обращения: 04.05.2017)

²⁵² Ли Юшу (李优树). Хайвай хуацяо хуажэнь чжу туй чжунго цзинци чжуаньсин дэ дутэ ёши цзи лущин илай — «хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго цзинци чжуаньсин яньцзю» чжайбиань (海外华侨华人助推中国经济转型的独特优势及路径依赖 — 《海外华侨华人与中国经济转型研究》 摘编) // Канцелярия ГС КНР по делам хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/172/2283.shtml> (Дата обращения: 23.05.2017)

Во-вторых, это в том числе инвестирование в человеческий капитал. Так, с 2008 г. в КНР развивалась так называемая «Программа тысячи талантов» (*Цианьжэнь цзихуа* - 千人计划)²⁵³. Так, к концу 2010 г. общее количество привлеченных профессионалов высокого уровня для «Программы тысячи талантов» достигло 1 143. Помимо привлечения талантов на общегосударственном уровне, многие районы и города в КНР вызвали желание привлечения зарубежных талантов на местном уровне²⁵⁴.

Наконец, структура привлекаемых в КНР инвестиций от зарубежных китайцев позволила с одной стороны привлечь в Китай транснациональные корпорации, в том числе из западных стран, а также вывести китайские национальные компании на международный рынок в страны проживания зарубежных китайцев²⁵⁵.

Показательно влияние инвестиций зарубежных китайцев на отдельные провинции Китайской Народной Республики. Рассмотрим вопросы инвестирования и влияние зарубежных китайцев на примере провинции Фуцзянь²⁵⁶. Так, отмечается, что в целом прослеживаемые на провинциальном уровне тенденции совпадали с общегосударственными

---

²⁵³ Цианьжэнь цзихуа ван (千人计划网) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1000plan.org/qjrh/section/2?m=rcred> (Дата обращения: 21.11.2017)

²⁵⁴ Ли Юшу (李优树). Хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго цзинци чжуансин яньцзю” чжайбиань (海外华侨华人助推中国经济转型的独特优势及路径依赖 — 《海外华侨华人与中国经济转型研究》 摘编) // Канцелярия ГС КНР по делам хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/172/2283.shtml> (Дата обращения: 23.05.2017)

²⁵⁵ Ли Юшу (李优树). Хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго цзинци чжуансин яньцзю” чжайбиань (海外华侨华人助推中国经济转型的独特优势及路径依赖 — 《海外华侨华人与中国经济转型研究》 摘编) // Канцелярия ГС КНР по делам хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/172/2283.shtml> (Дата обращения: 23.05.2017)

²⁵⁶ Ли Хунцзе (李鸿阶). Фуцзянь синь хуацяо хуажэнь идун цюши цзи ци дуй цяо сян фачжань инсиан (福建新华侨华人移动趋势及其对侨乡发展影响) // Дунья луньвэнь, 1.2.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/CWP80.pdf> (Дата обращения: 6.04.2017)

тенденциями развития отношений с зарубежными китайцами в рассматриваемый период. Основной вклад зарубежных китайцев в развитие провинции Фуцзянь заключается в пяти основных аспектах.

Во-первых, зарубежные китайцы являются важным ресурсом поступления в провинциальный бюджет прямых иностранных инвестиций. К 2007 г. в провинции Фуцзянь было создано более 20 000 предприятий, принадлежащих зарубежным китайцам, инвестировано более 30 млрд. долларов США. К тому же к 2010 г. зарубежные китайцы «синь иминь» и «хуацяо» не только инвестировали в свою родную провинцию, но также разрабатывали множество инвестиционных проектов для инвестирования в соседние провинции²⁵⁷.

Во-вторых, активно развивалась система стабильного перечисления денег из за границы на личные счета родственников или представителей зарубежных китайцев. Этот процесс повышал кредитоспособность внешнего долга страны по причине аккумуляции иностранной валюты внутри КНР²⁵⁸.

В-третьих, по оценкам экспертов на провинциальном уровне зарубежные китайцы в рассматриваемый период стали основным источником поступления средств в благотворительные организации. После начала экономической политики реформ и открытости, Фуцзянь получила в общей сложности 17 464 млрд. юаней в виде пожертвований от зарубежных китайцев. Кроме того, 1926 человека, пожертвовавших провинции на благотворительность, получили высокую награду со стороны провинциального правительства²⁵⁹.

---

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ там же.

²⁵⁹ Ли Хунцзе (李鸿阶). Фуцзянь синь хуацяо хуажэнь идун цюши цзи ци дуй цяо сянь фачжань инсиан (福建新华侨华人移动趋势及其对侨乡发展影响) // Дунья луньвэнь, 1.2.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/CWP80.pdf> (Дата обращения: 6.04.2017)

В-четвертых, зарубежные китайцы, а в особенности «синь иминь» стали важным каналом для связи родной провинции и экономик зарубежных стран, что позволило использовать связи зарубежных китайцев для качественного экономического роста и роста импорта провинции²⁶⁰.

Наконец, зарубежные китайцы на провинциальном уровне расценивались как важный источник инвестиций в человеческий капитал, который также был направлен во благо экономического развития провинции²⁶¹.

В рамках рассматриваемого периода, Китайская Народная Республика ввела определенные нюансы, касающиеся инвестирования, производимого из Гонконга и Макао в Китайскую Народную Республику²⁶². Выше мы отмечали, что Гонконг и Макао имеют центральное значение для привлечения инвестиций от зарубежных китайцев в КНР в рассматриваемый период. Отметим ниже некоторые нюансы, связанные с процессом инвестирования.

КНР отмечает, что в соответствии с потребностями национального экономического строительства инвесторы из числа зарубежных китайцев могут инвестировать в КНР как индивидуальные предприниматели или в рамках совместного предприятия, совместной деятельности. Кроме того, также возможно инвестировать в облигации²⁶³.

Говоря о помощи в инвестировании, КНР отмечает, что инвесторы могут подавать заявки на инвестиционные проекты соответствующим представителям органов государственной власти КНР. Также возможно

---

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Гуаньюй хуацяо хуажэнь, гуанан тунбао лай чжунго далу тоуцзы вэнти (关于华侨华人、港澳同胞来中国大陆投资问题) // 中华人民共和国驻洛杉矶总领事馆网站, 8.04.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://losangeles.china-consulate.org/chn/lingqiao/lsbhtxjwtd/t27571.htm> (Дата обращения: 3.02.2018)

²⁶³ Гуаньюй хуацяо хуажэнь, гуанан тунбао лай чжунго далу тоуцзы вэнти (关于华侨华人、港澳同胞来中国大陆投资问题) // 中华人民共和国驻洛杉矶总领事馆网站, 8.04.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://losangeles.china-consulate.org/chn/lingqiao/lsbhtxjwtd/t27571.htm> (Дата обращения: 3.02.2018)

обратиться в зарубежные китайские агентства с просьбой о помощи в поиске контактов и для сотрудничества. Кроме того, в КНР проводятся многочисленные ярмарки и мероприятия по поиску инвесторов²⁶⁴.

Дополнительно отмечено, что КНР поощряет зарубежных китайцев продавать свою продукцию, произведенную в КНР на международный рынок²⁶⁵.

Таким образом можно сделать промежуточный вывод, касающийся вопросов инвестирования зарубежными китайцами в экономику КНР в рамках рассматриваемого периода. Ранее отмечалось, что согласно исследованиям мы не можем говорить об абсолютном значении этнического фактора в вопросах инвестирования в КНР в рамках рассматриваемого периода. При этом важно заметить, что тем не менее зарубежные китайцы имели большее количество возможностей для входа на китайский рынок по причине особой политической, идеологической и законодательной поддержки зарубежных китайцев со стороны правительства КНР и руководства КПК.

Необходимо заметить, что с точки зрения экономики политика в отношении инвестиций, поступающих от зарубежных китайцев может быть рассмотрена с двух сторон. С одной стороны мы будем наблюдать развитие инвестиционной политики зарубежных китайцев, которая находится в рамках социалистической плановой экономической системы. Она взаимодействует с государственной собственностью как основой. С другой стороны инвестиционная политика зарубежных китайцев будет производиться в рамках системы социалистической рыночной экономики²⁶⁶.

В рамках рассматриваемого периода происходило постепенное изменение в отношениях между китайским обществом и зарубежными

---

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Жень Гуйсян (任贵祥). Чжунго гайгэ кайфан юй хуацяо тоуцзы (中国改革开放与华侨投资) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 20.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/1020/c40531-25867944-3.html> (Дата обращения: 2.11.2017)

китайцами. Так, КНР и зарубежные китайцы прошли путь от условного «вклада» в развитие КНР до полноценного и взаимовыгодного сотрудничества²⁶⁷.

Отмечается, что сотрудничество КНР и зарубежных китайцев в экономической сфере в целом позитивно повлияло на развитие Китая в 1978 - 2013 гг. Подчеркиваются инвестиции как в производство, так и в человеческий капитал, в новые технологии. При этом отмечена роль, которая была сделана зарубежными китайцами для развития более плотных экономических связей между КНР и странами АСЕАН²⁶⁸.

Вместе с этим, важным дополнением к пониманию торгового взаимодействия КНР и зарубежных китайцев является нюанс, касающийся развития торгового сотрудничества на первых этапах. Опираясь на пример Малайзии, мы можем установить, что в рамках торговли с КНР в качестве поддержки государственных институтов исполнительной власти Малайзии выступали торговые палаты зарубежных китайцев, например: «Объединенная китайская палата промышленности и торговли Малайзии», «Торговая палата китайцев Пинанга» и другие объединения²⁶⁹.

Важным замечанием в этой связи является то, что в многочисленных исследованиях и публикациях по вопросам сотрудничества КНР и зарубежных китайцев часто игнорируется традиция тесных экономических и

²⁶⁷ Не Дэнин (聂德宁). Цун “гунсянь” дао “хэзуо”: хуацяо хуажэнь юй чжунго гуаньси дэ фа чжань бианьхуа — чжуан готу синьчжэ “хуацяо хуажэнь юй чжунго дэ гуаньси” пинцзе (从“贡献”到“合作”: 华侨华人与中国关系的发展变化 — 庄国土新著 《华侨华人与中国的关系》 评介) // Overseas Chinese History Studies, №1, март 2002

²⁶⁸ Ян Можу (杨默如). Хуацяо хуажэнь шиэ юй вого цзиньци фачжань фанши чжуаньбиань дэ сяньху зуойон (华侨华人事业与我国经济发展方式转变的相互作用) // Канцелярия ГС КНР по взаимодействию с хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/175/2377.shtml> (Дата обращения: 4.03.2018)

²⁶⁹ Ide-Jetro and Seri. Trade, Investment and Economic Cooperation Between China and Southeast Asia: The Case of Malaysia // Joint research between Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organisation and Environmental Research Institute, nov. 2003 - feb.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpiasia.net/v3/index.php/foreign-relations-treaties/169-malaysia-china/544-trade-investment-a-economic-cooperation-between-china-and-southeast-asia-the-case-of-malaysia> (Дата обращения: 2.10.2016)

торговых связей между зарубежными китайцами и Южным Китаем, которая формировалась в течение сотен лет. Считается, что сотрудничество между зарубежными китайцами и Китаем может привести к формированию так называемой «Большой китайской экономической сферы» с политическими намерениями, что поставит под угрозу стабильность экономического и политического ландшафта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, понимание китайской культуры и эмоциональных отношений в европейском дискурсе по-прежнему поверхностно, к тому же невозможно изучить и понять эволюцию отношений между КНР и зарубежными китайцами с исторической точки зрения, имеющиеся данные крайне односторонни²⁷⁰.

Таким образом, основываясь на изложенных фактах, у нас есть возможность сделать пять основных выводов касательно вопроса взаимодействия КНР и зарубежных китайцев в экономической сфере в рамках рассматриваемого периода.

Во-первых, экономическая сфера являлась основой отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев. Таким образом успех в экономических отношениях и успех в реализации инвестиционной политики находился в прямой зависимости от успеха в отношениях КНР и зарубежных китайцев в рамках остальных общественных сфер. При этом взаимоотношения КНР и зарубежных китайцев отчасти можно считать частью экономического блока политики реформ и открытости.

Во-вторых, мы не можем установить прямую связь между этническим и экономическим факторами взаимодействия КНР и зарубежных китайцев в инвестиционной и торговой сферах. Бесспорно, мы отмечаем, что КНР подчеркивала положительные условия для инвестирования и экономического взаимодействия с зарубежными китайцами, однако существующие

---

²⁷⁰ Не Дэнин (聂德宁). Цун “гунсянь” дао “хэзуо”: хуацяо хуажэнь юй чжунго гуаньси дэ фа чжань бианьхуа — чжуан готу синьчжэ “хуацяо хуажэнь юй чжунго дэ гуаньси” пинцзе (从“贡献”到“合作”: 华侨华人与中国关系的发展变化 — 庄国土新著 《华侨华人与中国的关系》 评介) // Overseas Chinese History Studies, №1, март 2002

исследования не показывают корреляции в уровне доходов и экономических успехов между китайскими и некитайскими зарубежными инвесторами в КНР в рассматриваемый период.

В-третьих, мы также не можем с точностью посчитать количество инвестиций, вложенных зарубежными китайцами в Китайскую Народную Республику по причине значительной диверсификации путей инвестирования, а также офф-шоризации. Приблизительный уровень инвестиций зарубежных китайцев в КНР в рассматриваемый период при этом не оценивается ниже 65% от общей суммы прямых иностранных инвестиций.

В-четвертых, экономическое взаимодействие зарубежных китайцев и КНР совпадает по своей структуре как на общегосударственном, так и на провинциальном уровне. Основными сторонами взаимодействия в рассматриваемый период являются инвестиции, торговля, выход китайских предприятий за рубеж, а также инвестиции в человеческий капитал.

Наконец, очевидна проблема того, что с одной стороны столь важная сфера как вопрос экономического взаимодействия КНР и зарубежных китайцев не обладает достаточными данными для более точного экономического анализа, но с другой стороны исследования европейских экспертов являются несколько поверхностными, так как не учитывают китайской специфики и исторического опыта.

Глава III. Развитие отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в политической сфере в 1978 - 2013 гг.

3.1. Взаимоотношения КНР и зарубежных китайцев в политике: основы, идеология, цели

Говоря о политических взаимоотношениях Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев, необходимо установить что мы можем понимать в рамках данной сферы под термином «политические отношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев».

«Политическое» принято понимать как действия или решения, которые включают в себя деятельность органов государственной власти и государственного управления, а также вопросы и события общественной жизни, которые связаны с функционированием государства²⁷¹. Таким образом «политическое», с точки зрения политологии и европейской науки о международных отношениях включает в себя все нюансы государственной структуры. Необходимо уточнить, что Китайская Народная Республика в рассматриваемый период представляло собой государство так называемого «ленинского» типа, которое обращает внимание на невозможность отделения партийного аппарата от государства²⁷². Таким образом в рамках данной работы понятие «политическое» означает не только уровень государственных органов власти, но и уровень, включающий в себя решения, органы и видение ситуации со стороны Коммунистической партии Китая.

С другой стороны, необходимо уточнить вопрос, касающийся государственности, что значительно влияет на понимание «политического». Идея национального государства - центральный принцип европейской философии модерна, где государство представляет собой целостный

---

²⁷¹ Федощев А.Г. Политология: учебное пособие в схемах и определениях / изд-во «Книжный мир», М., 2010. С. 128

²⁷² Ленин В.И. Полное собрание сочинений, том 33 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, Изд-во политической литературы, 1969. С. 433

организм, а жители этого государства представляют собой единую гражданскую нацию. В случае с Китаем существует два способа перевода идеи «национальное государство»: неологизм «*миньзу гоцзя*» (民族国家) и термин «*гоцзя*» (国家). Начиная с последнего, отметим, что термин «*гоцзя*» является одним из старейших терминов китайского языка и означает понятие «государство-семья»²⁷³. При этом, говоря о современной трактовке этого термина в китаезычной сфере важно заметить его соединение с идеями Макиавелли, трактовкой термина «*Il Stato*» в «Государе»²⁷⁴. Вместе с этим страница Википедии на традиционном китайском языке *вэньяне* не делает ссылку на Макиавелли, указывая при этом, что термин «*гоцзя*» объединяет такие понятия как государство, страна и народ, понимая это как собрание на определенной территории²⁷⁵. Интересно отметить, что китайские справочные системы также делают ссылки в статьях о термине «государство» исключительно на западных философов, что указывает на чуждость и привнесенность термина в его современном значении²⁷⁶. Сложность определения понятия «*гоцзя*» не снимается и при рассмотрении другого его описания в термине «*миньзу гоцзя*». Действительно, термин «*миньзу*» переводится с современного китайского языка как «нация», «народ», «этнос», «этническая группа», а также как прилагательное «гражданский»²⁷⁷. При этом использование данного термина допускается как для определения «национальных меньшинств» (*шаошу миньзу*), так и для понятия

---

²⁷³ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Москва, изд-во Наука, 1981. С. 332

²⁷⁴ Го (чженчжи) 國 (政治) // Статья с китайской версии сайта Википедия [Электронный ресурс]. URL: [https://zh.wikipedia.org/wiki/國_\(政治\)](https://zh.wikipedia.org/wiki/國_(政治)) (Дата обращения: 13.03.2017)

²⁷⁵ Го 國 // Статья из версии Википедии на *вэньяне* [Электронный ресурс]. URL: <https://zh-classical.wikipedia.org/wiki/國> (Дата обращения: 13.03.2017)

²⁷⁶ Го цзя 国家 // Статья из Байкэ Байду [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/item/国家/17205?fr=aladdin> (Дата обращения: 13.02.2017)

²⁷⁷ Большой китайско-русский словарь // [Электронный ресурс]. URL: bkrs.info

«национальное самоопределение» (*миньзу зыцзюэ*), которые строго разведены в западной теории. Идея о создании гражданской нации в Китае (*чжонхуа миньзу*) впервые была предложена Сунь Ятсеном²⁷⁸. Однако она базировалась на западных идеях лишь частично, поскольку во многом символично объединяла в себе «пятерницу» китайских этносов, которые и составляли «чжонхуа миньзу», что созвучно с базовой идеей китайской философии о пяти первоэлементах, стоящих в основе всего на свете. Вместе с этим семантика термина «*миньзу*» восходит к принципу/термину «*миньбэнь*» (народоосновие), что означает принцип «народного корня», иначе - базы социальной жизни государства, которая вправе применять революцию «*гэмин*» при утрате правителем своих моральных принципов²⁷⁹. Такое рассмотрение вопроса ставит власть вне нации, что также неидентично западным идеям. При этом отметим, что для Китая характерен культизм правителя, что выражается в наделении его внеполитическими статусами, а также проведением ритуалов лояльности²⁸⁰.

Идею о «политических взаимоотношениях Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев» следует понимать как систему отношений между органами государственной власти КНР и зарубежными китайцами, куда должны быть включены нюансы взаимоотношения зарубежных китайцев с Коммунистической партией Китая. При этом обязательно должен быть учтен нюанс, который подчеркивает инаковость понимания государства и нации, абсолютный авторитет и возможность установления «*sttus quo*» правителем Китая и всеобъемлющий характер понимания нации.

---

²⁷⁸ Титаренко М.Л. (глав.ред.). Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / Москва, изд-во Восточная литература РАН, том 4 историческая мысль, политическая и правовая культура, 2009. С. 935

²⁷⁹ Лукин А.В. Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Возвышающийся Китай и будущее России, Москва, изд-во «Международные отношения», 2015. С. 165-197

²⁸⁰ Lu Xing. Chinese Political Communication: Roots in Tradition and Impacts on Contemporary Chinese Thought and Culture // International Communication Studies, XI - 1, 2002, P. 97 - 116

В базе политических отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев лежат идеи развития КНР, предложенные Дэн Сяопином, а в дальнейшем дополненные руководителями третьего и четвертого поколения руководителей в рамках рассматриваемого периода.

В главе II мы уже отмечали, что базовая идея взаимоотношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев находилась в сопряжении с политикой реформ и открытости, а также во взаимодействии с политикой модернизации КНР. Отмечено, что 3 пленум ЦК КПК XI созыва сделал историческое решение, которое перенесло фокус деятельности партии на экономическое строительство и осуществление реформ, внешнюю открытость Китая²⁸¹.

Базовой идеей, легшей в основу мыслей Дэн Сяопина о взаимодействии с зарубежными китайцами является идея о том, что зарубежные китайцы имели значительную экономическую мощь, научно-техническую базу и обильные человеческие ресурсы. Вместе с этим зарубежные китайцы разделяли сильные патриотические настроения в отношении развития и укрепления исторической Родины²⁸². Однако важно отметить, что идеи Дэн Сяопина различают инвестиционные отношения с зарубежными китайцами и с иностранными инвесторами. Отмечается, что подавляющее большинство зарубежных китайцев желает защищать и развивать Китай, что отличает их от иностранных инвесторов²⁸³.

Важная роль в отношении политического влияния зарубежных китайцев отводилась в рамках политики по воссоединению Китая. Так, в рамках рассматриваемого периода роль зарубежных китайцев в политической жизни рассматривалась в том числе с точки зрения восстановления суверенитета

---

²⁸¹ Цзян Шупин (姜淑萍). Синь шици Дэн Сяопин чжонши хайвай хуацяо хуажэнь зуйюун лунь си (新时期邓小平重视海外华侨华人作用论析) // Жэньминь ван, 12.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0512/c69113-25005167.html> (Дата обращения: 12.01.2018)

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же.

КНР над Гонконгом (Сянганом) и Макао (Аомынем), а также осуществления мирного воссоединения материка и Тайваня. Важным аспектом в данном отношении являются две базовые идеи воссоединения Китая, которые были включены в идеи Дэн Сяопина. Первая базовая идея касалась того, что зарубежные китайцы смогут выиграть от объединения Китая, что отразится как на их международном положении, так и позволит экономически укрепиться в КНР. Другим базовым аспектом является то, что политика по концептуализации идеи объединения Китая в рамках идеи «одна страна, две системы» создавалась в сопряжении с позицией и отношением к данному процессу со стороны зарубежных китайцев²⁸⁴.

Как уже отмечалось выше идеи Дэн Сяопина в отношении зарубежных китайцев являются результатом сочетания основных принципов марксизма-ленинизма и китайских практик и характеристик времени, относящихся к концу 1970-х - началу 1980-х гг. Важнейшим аспектом здесь является то, что Дэн Сяопин смог объединить коллективную мысль теории и практики с идеями отдельных людей, сопряг теорию единого фронта КПК, созданного Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, с новыми идеями, характерными для развития КНР в 1978 - 2013 гг²⁸⁵.

Таким образом мы можем сказать, что теория Дэн Сяопина о зарубежных китайцах в её политическом аспекте затрагивает три основные сферы. Среди этих сфер: вопросы экономической и модернизационной составляющей сотрудничества КНР и зарубежных китайцев; вопросы научной составляющей, а именно преемственность старым формам взаимодействия Китая и диаспоры при определенной модернизации старых идей; а также вопросы воссоединения нации, где зарубежные китайцы

²⁸⁴ Цзян Шупин (姜淑萍). Синь шици Дэн Сяопин чжонши хайвай хуацяо хуажэнь зуойон лунь си (新时期邓小平重视海外华侨华人作用论析) // Жэньминь ван, 12.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0512/c69113-25005167.html> (Дата обращения: 12.01.2018)

²⁸⁵ Лу Ди (卢荻). Лунь Дэн Сяопин дэ цяоу сысян (论邓小平的侨务思想) // 上海党史与党建 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hprc.org.cn/pdf/SDSY200105002.pdf> (Дата обращения: 5.05.2017)

получают возможность укрепления своего положения в мире через способствование восстановлению суверенитета КНР над Гонконгом (Сянганом), Макао (Аомынем) и Тайванем.

Нюанс значительной экономической составляющей в политическом аспекте отношений объясняется тем, что китайский термин «*цзин цзи*», который принято переводить как «экономика» в китайском восприятии означает много больше, имеет более широкое значение. Фактически данный термин означает стремление к «гармонизации и вспомоществованию», он означает процесс упорядоченной гармонизации мира, что тем самым окажет помощь народу. С 1868 г. в Японии, а позже и в Китае, этот термин понимается в рамках западного термина «экономика». Однако китайские политики, в частности Чан Кайши, отмечали, что китайская экономика много шире, чем на Западе²⁸⁶.

В качестве надстройки политической теории Дэн Сяопина выступают теоретические политические конструкции, предложенные в 1990-х - 2000-х гг. Цзян Цзэминь внес в теоретическую базу Дэн Сяопина идею о важности традиционной китайской культуры. При этом отношения КНР и зарубежных китайцев дополнительно были сопряжены с теорией тройного представительства²⁸⁷.

Концептуализируя вышесказанное, отметим, что зарубежные китайцы в политическом аспекте рассматривались в 1978 - 2013 гг. как «мост» позволяющий соединить КНР и экономики других стран, выйти из относительной изоляции; как ресурс инвестиций и инноваций для

---

²⁸⁶ Титаренко М.Л. (ред). Китайская философия, энциклопедический словарь / Москва, изд-во Мысль 1994. С. 652

²⁸⁷ Жэн Гуйсян (任贵祥). Цзян Цзэминь цяоу сысян шупин (江泽民侨务思想述评) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 31.08.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/49157/49163/6197687.html> (Дата обращения: 3.03.2017)

модернизации страны; а также как инструмент политического воссоединения Китая²⁸⁸.

В целом политически регион Юго-Восточной Азии исторически рассматривался Китаем как территория, которая априорно является зоной влияния китайской нации. По этой причине китайские поселения торговцев и промышленников в Юго-Восточной Азии появились еще в XV в. Однако на тот момент отсутствовала проблема национальной принадлежности к государству и проблема идеологического влияния, которые вышли на первый план после провозглашения КНР и получения всей полноты власти Коммунистической партией Китая, а также после закрепления в странах Азии принципов и идей, характерных для политического процесса европейских международных отношений.

Определенным отзвуком того времени в политической картине рассматриваемого периода является концепция «Большого Китая». Эта идея получила максимальное развитие в 1980-1990 гг. В этом аспекте отношений отмечалось, что зарубежные китайцы являются не только посредниками между Китайской Народной Республикой, странами Юго-Восточной Азии и развитыми странами, но и представляют из себя экономическое единство, которое скреплено этнической общностью. Эксперты отмечают, что такая структура отношений между государством и диаспорой является одной из важнейших долгосрочных тенденций, которая формировалась в Азиатско-тихоокеанском регионе в рассматриваемый период. При этом политическая часть концепции «Большого Китая» указывает на применение некоторой формы экономического проникновения в государства за счет транснациональных компаний, которые могут лоббировать интересы, выгодные Китайской Народной Республике. Культурная часть концепции распространяется на бизнес-диаспору и предполагает распространение

---

²⁸⁸ Чжао Хунин (赵红英). “Хайвай гуаньси” юй гайгэ кайфан (“海外关系”与改革开放) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 9.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/10959859.html> (Дата обращения: 4.03.2017)

китайского делового этикета в Юго-Восточной Азии, что автоматически создает благоприятную почву для развития китайских транснациональных компаний²⁸⁹.

При этом идея «Большого Китая» теоретически обладает значительными возможностями, так как может включать в себя как политические, так и экономические, и даже культурологические аспекты, что дает возможность говорить о глобальной китайской нации. При этом существует несколько ограничительных аспектов. Первым ограничительным аспектом является территория применения идеи о «Большом Китае», включает ли она лишь КНР, Тайвань, Гонконг и Макао; простирается ли она на страны Юго-Восточной Азии либо относится ко всему миру²⁹⁰.

Другим ограничительным аспектом является разделение зарубежных китайцев, проживающих в странах-реципиентах китайской миграции условно на три группы (см. Приложение Ж)²⁹¹. В итоге мы видим политическую неоднородность сообщества зарубежных китайцев, что отмечает важность диверсификации политики КНР в отношении хуацяо в рамках рассматриваемого периода.

Интересно отметить, что обладая экономическим потенциалом и развивая денежные отношения, китайская диаспора добивается международных политических решений. В свете теории «Большого Китая» следует признать, что отличительной чертой мировой китайской «неформальной культурной группы» является то, что она в силу своей численности, экономического веса, а также глубокой интеграции в экономику

---

²⁸⁹ Сергеева А.А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 13 Востоковедение, №1, 2011. С.43-53

²⁹⁰ Wang Gungwu. Greater China and the Chinese Overseas // The China Quarterly, December 1993, P. 926 - 948

²⁹¹ Там же.

Китая и региона АТР играет уникальную роль в мировой экономике и политике²⁹².

В рамках рассматриваемого периода (1978 - 2013 гг.) политика КНР в отношении зарубежных китайцев претерпела огромные изменения. Наиболее важной особенностью этих изменений является то, что быстрый экономический рост и увеличение числа образованных зарубежных китайцев привели к коренным изменениям в подходах к политике КНР²⁹³.

Первым аспектом, который влиял на изменение политики КНР в отношении зарубежных китайцев являлся рост числа диаспоры, который был вызван прежде всего либерализацией выезда из КНР после 1978 г. Другой особенностью является уровень образования и материального обеспечения «синь иминь». Важным аспектом являлось желание правительства КНР выстроить такие отношения с государствами-реципиентами, которые бы не вступали в противоречие с политикой в отношении хуацяо²⁹⁴.

Одной из особенностей политической стратегии КНР в отношении зарубежных китайцев в рассматриваемый период является стремление преодолеть стигматизацию мигрантов в странах-реципиентах. При этом невозможно не отмечать абсолютное сопряжение политических и экономических инструментов взаимодействия в рамках рассматриваемого этапа²⁹⁵.

Целью политической стороны взаимодействия КНР и зарубежных китайцев в 1978 - 2013 гг. являлась координация действий зарубежных

---

²⁹² Сергеева А.А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 13 Востоковедение, №1, 2011. С.43-53

²⁹³ Чжуан Готу (庄国土). 1978 ниань илай чжунго чжэнфу дуи хуацяо хуажэнь тайду хэ чжэнцэ дэ бианьхуа (1978年以来中国政府对华侨华人 态度和政策的变化) // 南洋问题研究, 2000 年第三期. С. 1 - 13

²⁹⁴ Чжуан Готу (庄国土). 1978 ниань илай чжунго чжэнфу дуи хуацяо хуажэнь тайду хэ чжэнцэ дэ бианьхуа (1978年以来中国政府对华侨华人 态度和政策的变化) // 南洋问题研究, 2000 年第三期. С. 1 - 13

²⁹⁵ Там же.

китайцев с задачами Коммунистической партии Китая и правительства КНР. Бесспорно, что общей задачей политики было продвижение законных прав и интересов зарубежных китайцев в странах проживания, но целью КПК и КНР была синхронизация действий для качественного экономического взаимодействия с диаспорой²⁹⁶.

«На местах» зарубежные китайцы стараются проявлять политическую лояльность местным правительствам, а также относительно дистанцироваться от процесса принятия политических решений на национальном уровне стран проживания²⁹⁷. Национальные общества Малайзии и Индонезии неохотно принимают зарубежных китайцев в государственных и общественных структурах. Сами зарубежные китайцы не переставали быть замкнутой группой населения по причине того, что они боятся потерять равновесие, которое было достигнуто в отношениях с местным населением. Большинство зарубежных китайцев подчеркнуто дистанцированы от политической сферы. Можно сказать, что зарубежные китайцы ведут политику консервативно-охранительного характера в отношениях с обществами-реципиентами. Необходимо отметить, что позиция Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев могла нести экономическую деполитизированную официальную повестку в рамках рассматриваемого этапа по причине того, что КНР была также заинтересована в гармонизации отношений обществ стран Юго-Восточной Азии и зарубежных китайцев²⁹⁸.

Китайская Народная Республика в своей политике по отношению к зарубежным китайцам стремится к разрешению трех основных проблем. Первая проблема заключается в том, что Китай, в своих отношениях со странами Юго-Восточной Азии, имеет дело с нестандартной ситуацией, а

---

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Amy Chang. Beijing and the Chinese Diaspora un Southeast Asia: To Serve the People // The National Bureau of Asian Research, NBR Special Report #43, June 2013

²⁹⁸ Ларин А.Г. Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня, №10, 2007. С.22-28

именно ведение международных связей с государствами, часть населения которых считается неотъемлемой частью китайского общества²⁹⁹.

Вторая проблема заключается в том, что большая часть законов КНР по отношению к зарубежным китайцам были заимствованы из периода правления партии Гоминьдан в Китае. Необходимо отметить, что среди зарубежных китайцев эти документы изначально вызывали опасение и недоверие³⁰⁰.

Третьей проблемой для КНР являлась интеграция зарубежных китайцев в общества стран Юго-Восточной Азии. Сохранение традиционного китайского уклада жизни и замкнутость группы постоянно вызывают опасения местных жителей. Таким образом зарубежные китайцы смогли полноценно включиться в политический и экономический аспект международной повестки КНР лишь после разрешения трех вышеуказанных проблем³⁰¹.

Заметим, что на законодательном уровне в Китайской Народной Республике закреплена возможность участия зарубежных китайцев в процессе принятия решений органов государственной власти. Так, путем переговоров между странами-реципиентами китайской миграции была достигнута возможность, позволяющая зарубежным китайцам участвовать в консультативных сессиях при процессе принятия решений парламентом КНР³⁰².

Также есть мнение, что зарубежные китайцы в рассматриваемый период оказывали значительное влияние на политические решения в странах Юго-

---

²⁹⁹ Suyanaryan V. Peoples Republic of China's Policy towards Overseas Chinese / South Asia Analyses Group. 7.11.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiareview.com/07112012-peoples-republic-of-chinas-policy-towards-overseas-chinese-analysis/> (Дата обращения: 12.05.2017)

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник КемГУ, №2 (50), 2012. С. 102 - 106

Восточной Азии. Важно при этом, что они делали это независимо от Китайской Народной Республики, преследуя свои коммерческие цели³⁰³.

Зарубежные китайцы проводят пропагандистско-просветительскую работу, чтобы создать вокруг диаспоры атмосферу толерантности. При этом следует отметить, что существует некий морально-психологический рубеж, который зарубежные китайцы не готовы переходить. Чаще всего политическое влияние зарубежных китайцев происходит посредством экономических рычагов давления. Однако вместе с экономической силой хуацяо нередко оказывают прямое влияние через политических лидеров - представителей диаспоры, а иногда и через целые китайские партии. Все чаще на высшем представительском уровне появляются представители диаспоры. Нельзя не учитывать факты, когда зарубежные китайцы добиваются своего с помощью общественного демарша³⁰⁴.

Самым ярким примером прямого влияния китайской диаспоры на внутреннюю политику государства является Малазийская китайская партия. Это политическое объединение было создано в 1949 г. Отметим при этом, что данная партия является политической силой, занимающей несколько мест в парламенте страны на протяжении нескольких политических циклов³⁰⁵.

Малазийская китайская партия акцентирует внимание на то, что она является партией, которая полностью поддерживает и толерантно относится к политическому курсу Малайзии. Статья 6 устава отмечает, что партия стоит на защите сложившейся политической системы Малайзии; её деятельность распространяется не только на китайцев, но на всех граждан страны. Вместе с этим необходимо заметить, что в статье 6 пункте 15 Устава указано, что

---

³⁰³ Смолин Е.А. Некоторые аспекты существования китайской диаспоры // Благовещенский государственный педагогический университет [Электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/nekotorie-aspekti-sushestvovaniya-kitajskoj-diaspori> (Дата обращения: 12.11.2016)

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Brief Info on MCA / Malaysian Chinese Association, 6.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mca.org.my/2/Content/SinglePage?_param1=30-032018-19-03-201830&_param2=M (Дата обращения: 5.08.2017)

партия стоит за распространение и охрану использования и изучения китайского языка в стране. Однако членство в партии возможно только для китайцев с малазийским гражданством, о чем говорит статья 9 пункт 1 Устава. Таким образом можно сделать вывод, что все же основным объектом работы партии являются этнические китайцы, но не все малазийское население. Согласно статье 45 пункту 14 Устава партии она ведет работу с государственными органами по политическим вопросам. Средства на деятельность партии согласно Уставу поступают по денежным переводам, в том числе из за границы(ст.137п.1); пожертвований граждан (ст.137п.2) и средств, поступающих в центральный комитет партии (ст.132п.3)³⁰⁶.

Малазийская китайская партия приняла так называемый «План действий из восьми пунктов», направленный на улучшение имиджа китайской диаспоры в стране и привлечению электората. Среди его пунктов необходимо отметить то, что партия поставила целью максимально привлекать молодежь как для вступления в партию (китайцев), так и для голосования (малазийцев). Вместе с этим в 2000-е гг. партия стремилась к привлечению внимания общественности на свои проекты при помощи социальных сетей. Данный факт указывает на то, что на заключительном этапе рассматриваемого периода партии был особенно важен молодежный электорат. Последним пунктом партия обращает внимание на необходимость толерантного отношения в стране, указывая, что все её проекты не являются этноцентричными. Постановка идеи выше этнических целей также стремится сделать китайскую диаспору более прозрачной и привлекательной для титульной нации³⁰⁷.

Таким образом в Малайзии китайская партия не только создает положительный имидж китайцев в стране, но и участвует в политической

---

³⁰⁶ Constitution of the Malaysian Chinese Association (Устав Китайской партии Малайзии) / Incorporated all the amendments and adopted by the MCA Extraordinary Meeting of the General Assembly up to 13-03-2011, approved by Registrar of Societies as 17-03-2011

³⁰⁷ 8 points action plan of MCA // Сайт Malaysian Chinese Association.

жизни на уровне государственных законодательных органов. Однако стоит отметить, что китайцы, являясь второй по численности этнической группой Малайзии, никак не были представлены в правительстве³⁰⁸.

Нюансом политической жизни зарубежных китайцев Малайзии является сохранение преимущественно семейно-кланового образа жизни. Внутри общины зарубежные китайцы общаются на своём диалекте. При этом малайский язык, являющийся государственным, практически не используют для общения внутри диаспоры³⁰⁹.

Добавим, что ряд исследователей рассматривает зарубежных китайцев Малайзии в качестве политического инструмента, используемого КНР для достижения собственных целей в стране. Среди форм политического влияния зарубежных китайцев на внутреннюю и внешнюю политику Малайзии отмечаются прямые и косвенные формы. Прямое давление, прежде всего, осуществляется через политических лидеров: состоятельные бизнесмены из числа представителей китайской диаспоры активно устанавливают связи с влиятельными малазийскими чиновниками. Что касается косвенного, то оно происходит через различные ассоциации³¹⁰. При этом отметим, что у зарубежных китайцев существует и собственная повестка в стране как на политическом, так и на экономическом уровне.

Проявляя гибкость к особенностям социального и культурного окружения, зарубежные китайцы нередко вступают в смешанные браки с представителями титульных наций. Это стало результатом того, что сегодня китайская диаспора все чаще лоббирует свои интересы через родственников-

---

³⁰⁸ Pak Jennifer. Will China's rise shape Malaysian Chinese community // BBC News Asia, 30 dec. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-16284388> (Дата обращения: 3.12.2017)

³⁰⁹ Ульянова И.В. О политическом влиянии китайской диаспоры в Малайзии // Общество и государство в Китае, ИВ РАН. С. 371 - 376

³¹⁰ Там же.

полукровок, которые прошли в государственную администрацию³¹¹. Однако невозможно точно сказать о том, каково количество смешанных браков и насколько много полукровок в правительствах. Это связано прежде всего с тем, что вопрос смешанных браков не изучен, а кандидаты на пост в правительстве часто скрывают свои китайские корни, опасаясь непонимания со стороны населения.

Тем не менее как бы хуацяо не старались создать положительный имидж своей диаспоры и преодолеть непонимание, население стран Юго-Восточной Азии по-прежнему испытывает синофобия, связанную не только со страхом «китайской угрозы», но и с выстроившейся «традицией» дискриминации китайцев. В Индонезии два года подряд, в 1997 г. и в 1998 г., произошли китайские погромы. В этой связи прежде всего стоит отметить 1998 г., когда после очередного погрома зарубежные китайцы начали массовое бегство из страны. Сотни тысяч индонезийских китайцев решили переехать в ближайшие страны или вернуться на Родину. По этой причине из Индонезии в короткий срок было вывезено более 180 млрд. долларов США³¹². Тем не менее с политики «реформ и открытости» КНР китайская диаспора восстанавливает свое положение в странах Юго-Восточной Азии. Так, были отменены или смягчены дискриминационные законы. Вместе с этим капитал китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии стал рассматриваться как важная составляющая национального строительства. Повсеместно было возобновлено обучение на китайском языке.

Отметим, что своей деятельностью китайская диаспора, а точнее её часть, занимающаяся бизнесом, представляет из себя форму альтерглобализма, предлагая азиатскую форму глобализации. Обладая своей культурой капитализма, который отличается не только прагматизмом и

---

³¹¹ Ларин А.Г. Китайская эмиграция и политика Китая // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И.Думана, ИВ РАН, М.: Вост. лит., 2007. С. 287-299

³¹² Золотухин И.Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №3, 2012. С. 103-108

нацеленностью на результат, но и идеей «гармонии». Концепция «гармоничного мира» у зарубежных китайцев является одной из движущих сил их деятельности. Называя эту концепцию «драгоценным богатством», эксперты отмечают её важность как связующего звена между странами Юго-Восточной Азии и Китаем. Зарубежные китайцы выступают не только как сила модернизации Китая, которая соединяет регион Юго-Восточной Азии в единую экономическую систему, но и как ресурс мирного воссоединения Китая, что положительно влияет на внешнеполитический имидж КНР³¹³.

Сделаем основные выводы касательно вопроса основ, идеологии, целей Китайской Народной Республики в отношении зарубежных китайцев в политической сфере.

Во-первых, нам необходимо учитывать многочисленные аспекты, касающиеся трактовки и понимания терминологии и действия в рамках политической и экономической сферы. При описании ситуации в Китайской Народной Республике мы не можем обходиться простым переводом, но вынуждены давать комментарий в виду отличия трактовок таких базовых понятий как «государство» и «нация».

Во-вторых, китайская политика в отношении зарубежных китайцев в 1978 - 2013 гг. была сопряжена с экономической стратегией КНР, что делает определенную сложность в разведении двух сфер в рамках обозначенного периода.

В-третьих, основной целью КНР в политическом плане являлось желание синхронизировать экономическую и политическую деятельность зарубежных китайцев со своими целями и задачами, что привело к относительному установлению контроля за действиями зарубежных китайцев в экономике КНР и в общественной сфере.

---

³¹³ Сергеева А.А. Зарубежные соотечественники как составляющая часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 13 Востоковедение, №1, 2011. С. 43-53

В-четвертых, многочисленность групп в рамках китайской диаспоры не позволяло КНР использовать единую политическую стратегию в отношении зарубежных китайцев, что говорит о значительной диверсификации методов и механизмов работы

Наконец, мы не можем с точностью определить влияла ли политика КНР на процесс принятия решений или на действия представителей китайской диаспоры в рассматриваемых странах, поскольку у зарубежных китайцев также присутствуют экономические и политические цели, которые относятся к их персональной деятельности в странах-реципиентах.

3.2. КНР и зарубежные китайцы: внешнеполитический аспект отношений

Говоря о внешнеполитическом аспекте отношений между Китайской Народной Республикой и зарубежными китайцами важно разделить ситуацию взаимодействия КНР с правительством национального государства, где представлены зарубежные китайцы, а также ситуацию, когда КНР вступает во взаимодействие с зарубежными китайцами как с представителями диаспоры.

Так, рассмотрим ситуацию взаимодействия правительства Китайской Народной Республики и Сингапура с точки зрения международных отношений двух государственных акторов.

Важным аспектом данного взаимодействия, как и позиционирования государства Сингапур в мире стал нюанс китайского происхождения части правящей сингапурской элиты. Так, Ли Куан Ю по своему этнолингвистическому происхождению был хуацяо хакка (*кэцзя*)³¹⁴.

Ли Куан Ю как первый премьер-министр независимого Сингапура был крайне осторожен в вопросах национальной и этнической идентификации страны. Так, нюанс ситуации заключался в том, что Сингапур в составе своего населения более чем на 1/3 составляют этнические китайцы. Таким

---

³¹⁴ Ларин А.Г. О некоторых подходах китайских ученых к эмиграционным и диаспоральным проблемам // Внутренняя политика КНР, М., ИДВ РАН, 2011. С. 264 - 288

образом создавалась проблема самоидентификации, когда Сингапур условно становился «третьим Китаем», становясь в ряд с Китайской Народной Республикой и Китайской Республикой на Тайване³¹⁵. Во многом такая ситуация послужила в качестве «действия», которое создало самоидентификации группы. Причем, если действие в Малайзии и Индонезии носило насильственный характер и выделяло зарубежных китайцев как группу из общественной структуры, то в Сингапуре идентичность встретила политический вызов и преодолела этническое деление.

В итоге этническая черта сингапурской элиты получила влияние на процесс принятия политических решений в стране. Сингапур не устанавливал дипломатические связи с Китайской Народной Республикой до тех пор, пока большая часть стран Юго-Восточной Азии не установила постоянные дипломатические отношения с КНР. Подобная политика была вызвана стремлением сингапурской элиты избежать обвинений в прокитайском курсе в рамках региона³¹⁶. Заметим, что представители китайской элиты Сингапура в рамках рассматриваемого периода проводили переговоры с Китайской Народной Республикой на английском языке, чтобы лишний раз отметить собственную независимость от этнических уз, а также с целью подчеркнуть, что Сингапур не является «Третьим Китаем»³¹⁷.

Можно отметить, что Ли Куан Ю разделял идеи необходимости противостояния коммунизма в мире в целом и регионе Юго-Восточной Азии в частности. Опасаясь так называемой «финляндизации» Сингапура, Ли Куан

---

³¹⁵ Chen Nahui and Xue Li. Lee Kuan Yew's Legacy for China-Singapore Relations // The Diplomat, 5.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2016/12/lee-kuan-yews-legacy-for-china-singapore-relations/> (Дата обращения: 2.02.2018)

³¹⁶ Tommy Koh. Taking stock of Singapore-China ties - past, present and future // Straits Times, 15.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.straitstimes.com/opinion/taking-stock-of-singapore-china-ties-past-present-and-future> (Дата обращения: 10.04.2018)

³¹⁷ Chen Nahui and Xue Li. Lee Kuan Yew's Legacy for China-Singapore Relations // The Diplomat, 5.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2016/12/lee-kuan-yews-legacy-for-china-singapore-relations/> (Дата обращения: 2.02.2018)

Ю стремился сбалансировать свою политику между соседством с Китайской Народной Республикой и партнерскими отношениями с США³¹⁸.

К началу рассматриваемого периода Сингапур и Китайская Народная Республика начали общение, что привело к официальному установлению дипломатических отношений двух стран в 1990 г. В 1981 г. две страны основали торговые представительства, а в 1985 г. начались регулярные авиаперевозки³¹⁹.

Суммируя нюансы построения политических отношений между КНР и Сингапуром, отметим, что политика Сингапура в отношении КНР в рамках рассматриваемого периода определялась набором противоречивых, но постоянных факторов. Эти факторы происходили из нюансов демографического и географического положения Сингапура. В результате правительство Сингапура было вынуждено заниматься постоянным балансированием между необходимым сотрудничеством с КНР и постоянным дистанцированием от неё. Преобладание зарубежных китайцев среди населения Сингапура не является фактором сближения Сингапура и КНР, а наоборот становится одной из весомых причин дистанцирования Сингапура от КНР³²⁰.

В рамках данного примера мы не рассматриваем Малайзию и Индонезию по причине двух основных факторов. Во-первых, зарубежные китайцы, несмотря на то, что в рамках рассматриваемого периода входили в состав парламента Малайзии, не имели большинства и не могли активно влиять на процесс принятия внешнеполитических решений. Вместе с этим зарубежные китайцы в литературе рассматриваются как балансир малазийской внутренней политики и не рассматриваются как активный актер,

---

³¹⁸ Ли Куан Ю. Из третьего мира - в первый: история Сингапура 1965 - 2000 гг. / изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 575

³¹⁹ Кашин В. Сингапур и Китай — противоречивые отношения // Российский совет по международным делам, 19.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/singapur-i-kitay-protivorechivye-otnosheniya/> (Дата обращения: 22.12.2017)

³²⁰ Там же.

влияющий на внешнеполитические решения страны. Заметим, что в Малайзии мы можем четко проследить этническое разделение политических предпочтений между различными группами. При этом определенным нюансом является то, что как правило граждане Малайзии выступают с поддержкой политических партий по этническому принципу, что обуславливает невозможность малайзийских китайцев занять большинство в парламенте³²¹.

Во-вторых, ситуация Малайзии и Индонезии отличается от Сингапура, поскольку «действие», повлиявшее на формирование группы зарубежных китайцев в рамках рассматриваемого периода носило внутривнутриполитический характер, а именно дискриминационные законы. В случае с Сингапуром «действие» носило внешнеполитический характер и формировало группу зарубежных китайцев в стране в рамках противоречия «этнос» - «нация».

В целом во всех странах проживания зарубежных китайцев в рамках рассматриваемого периода наблюдался рост китайского национализма в сообществах зарубежных китайцев. Развитие национализма в сообществах зарубежных китайцев рассматриваемый период объясняется экспертами как с точки зрения того, что в это время сообщества пополнились новыми мигрантами, которые имели гораздо более крепкие связи с КНР, но также и по причине подъема Китая, что отразилось на национальных чувствах членов диаспор³²².

Говоря в контексте внешнеполитического аспекта отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев на уровне национальных государств мы можем сделать два основных вывода.

Во-первых, в рамках рассматриваемого периода на внешнеполитические отношения КНР и рассматриваемых стран оказывало влияние «наследие»

---

³²¹ Lee Hock Guan, Suryadinata Leo. *Malaysian Chinese: Recent Developments and Prospects* / Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 2012. P. 70 - 85

³²² Liu Hong. *New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism* // *Journal of Contemporary China* (2005), 14(43), May. P. 291–316

предыдущего политического периода в Китае. В частности в рассматриваемых странах сохранялось мнение о риске «финляндизации», а также общих рисках, исходящих от КНР.

Во-вторых, этническое происхождение элиты не влияет на добрососедские отношения стран. Данный аспект отмечает, что этнос в рамках отношений национальных государств не играет главной роли. Международная политика строится на национальных интересах.

Что касается политического взаимодействия Китайской Народной Республики с зарубежными китайцами как с представителями зарубежной диаспоры, то в данном случае необходимо рассмотреть аспекты публичной дипломатии, «мягкой силы», а также вопросы распространения культуры и языка.

Базовыми принципами политической стратегии Китайской Народной Республики в рамках работы с зарубежными китайцами стали девять пунктов, которые были опубликованы в 1978 г.³²³ Среди этих пунктов отметим: работу по борьбе с недоверием к зарубежным китайцам в Китае; гарантирование сохранности денежных переводов от зарубежных китайцев их семьям в КНР; помощь в организации поселений реэмигрантам; гарантирование неприкосновенности собственности как зарубежным китайцам, так и их семьям в КНР; упрощение процедуры въезда и выезда из страны для зарубежных китайцев; решение вопросов, связанных с получением образования реэмигрантами и членами их семей; вопросы реабилитации; упрощение процедуры посещения родственников в КНР, а также сохранение родственных и дружеских связей с мигрантами. Базовые пункты политики были объединены в лозунг: «Относиться ко всем одинаково, не допускать дискриминации, учитывать особенности и действовать в соответствии с ними»³²⁴.

---

³²³ Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию // Томский государственный университет, Томск, 2012. С. 248

³²⁴ Там же.

Основными столпами «общественности» зарубежных китайцев в рассматриваемых обществах являются китайские школы, китайские газеты и земляческие либо экономические сообщества и организации (*шэтуань*). В рамках рассматриваемого периода, в особенности начиная с 1990-х гг., китайские сообщества стали переживать период собственной глобализации, что сделало их отчасти самостоятельными акторами мировой политике в региональном и глобальном масштабе³²⁵.

Учитывая базовые принципы политики, необходимо заметить, что страны Юго-Восточной Азии, являясь ближайшими соседями Китайской Народной Республики, в рамках рассматриваемого периода стали одной из ключевых областей дипломатической стратегии Китая³²⁶. Важным аспектом дипломатической стратегии в данном случае бесспорно является публичная дипломатия.

В западной традиции «публичная дипломатия» означает: «комплекс мер, нацеленных на изучение и информирование зарубежной аудитории, а также на установление контактов»³²⁷. При этом мы встречаем проблему, когда ставим перед собой задачу определить, то, чем является «публичная дипломатия» с точки зрения КНР.

Если мы хотим анализировать механизмы и процессы публичной дипломатии КНР, то мы вынуждены вновь дать определение данному термину в виду смысловой и лексической разницы. Вместе с этим мы сталкиваемся с комплексной разницей инакового понимания термина в европейской и китайской политической традиции. «Публичная дипломатия»

---

³²⁵ Liu Hong. Old Linkages, New Networks: The Globalisation of Overseas Chinese Voluntary Associations and Its Implications // The China Quarterly, 1998. P. 582 - 609

³²⁶ Ши Сюэцин (施雪琴). Хуацяо хуажэнь юй чжунго зай дуннанья дэ гунгун вайцзяо: хуйгу юй чжаньван (华侨华人与中国在东南亚的公共外交:回顾与展望) // 2013年第1期 [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/115200/华侨华人与中国在东南亚的公共外交_回顾与展望.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 02.03.2017)

³²⁷ Лебедева М.М. Публичная дипломатия: теория и практика / М., изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 272

является иностранным заимствованным термином в политической культуре КНР, его китайским эквивалентом выступает термин «对外宣» (*дуи вай сюань*) или «外宣» (*вай сюань*), что означает буквально «внешнюю пропаганду». По этой причине главной целью публичной дипломатии КНР является желание продемонстрировать китайские достижения в развитии, а также улучшить внешнеполитический имидж страны. Термин «пропаганда» в китайском языке «宣传» (*сюаньчуань*) как правило используется в положительной коннотации и применяется в СМИ, идеологии и даже рекламе³²⁸. Добавим к этому, что наравне с термином «对外宣» (*дуи вай сюань*) в китайском языке присутствует в большей степени академический термин 公共外交 (*гунгун вайцзяо*), который, однако, имеет больше академическое, чем политическое применение.

В политической традиции КНР «宣传» (*сюаньчуань*) строится на двух уровнях: внутренней и внешней пропаганды. В рамках данной концепции происходит постоянное общение внутренней и внешней пропаганды, что делает китайскую публичную дипломатию инструментом как внутренней, так и внешней политики³²⁹.

В рамках публичной дипломатии Китайская Народная Республика преследует четыре основные цели³³⁰.

Во-первых, КНР стремится, чтобы за рубежом она выглядела как страна, которая делает все возможное, чтобы граждане Китая год от года жили лучше, а также стремится, чтобы иностранцы понимали китайскую политику. Во-вторых, Китай хочет выглядеть стабильным и надежным экономическим

---

³²⁸ Hesarbani Anja Lejli. Public Diplomacy of People's Republic of China / Sarajevo School of Science and Technology, Sarajevo, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2011-symposium/Public-Diplomacy-of-People%27s-Republic-of-China-Anja-L-Hesarbani.pdf> (Дата обращения: 13.02.2017)

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же.

партнером для иностранных государств и инвесторов. В-третьих, Китай хочет выглядеть ответственным членом мирового сообщества, проводником международного мира. Наконец, Китай хочет, чтобы его видели как древнюю цивилизацию с богатой историей и культурой.

Учитывая отмеченные выше моменты, в рассматриваемый период времени Китай провел работу для усиления собственных позиций публичной дипломатии в странах Юго-Восточной Азии.

Важным аспектом является то, что КНР активизировала работу по публичной дипломатии в рассматриваемых странах после 1989 г. и укрепила свои позиции после окончания «холодной войны» (1991 г.). Фактором, который заставил Китай пойти на усиление публичной дипломатии в регионе, стало широкое распространение страхов по поводу так называемой «китайской угрозы», а также недостаточное доверие к политике КНР. Важным проводником публичной дипломатии Китайской Народной Республики в регионе после 1989 - 1991 гг. стали зарубежные китайцы, которые одновременно знали специфику стран проживания, но, вместе с этим, понимали нюансы политической стратегии КНР³³¹.

В рамках рассматриваемых стран можно выделить несколько аспектов. Во-первых, некоторые зарубежные китайцы, проживающие в Индонезии и Малайзии выступили с инициативой проведения тура для разъяснения и поддержки политики реформ и открытости в КНР. Этот механизм стал важным средством для информирования обществ об успехах и развитии Китая, возможностях работы с ним. Во-вторых, китайские местные СМИ стали важным источником информации о Китае. В пример можно привести Индонезию, где китайская этническая газета стала популярным и достоверным источником информации в том числе и для некоторых групп

---

³³¹ Ши Сюэцинь (施雪琴). Хуацяо хуажэнь юй чжунго зай дуннанья дэ гунгун вайцзяо: хуйгу юй чжаньван (华侨华人与中国在东南亚的公共外交:回顾与展望) // 2013年第1期 [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/115200/华侨华人与中国在东南亚的公共外交_回顾与展望.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 02.03.2017)

местного населения. В-третьих, Китай проводил культурные и фотовыставки. В частности приводится пример с индонезийскими зарубежными китайцами, которые охотно продвигали новый образ страны на выставках³³².

Касательно вопросов, связанных с продвижением китайской культуры, как инструмента политики «мягкой силы» в отношении зарубежных китайцев, отметим несколько важных моментов.

Во-первых, КНР в рассматриваемый период стремилась не только получить политические и экономические выгоды от сотрудничества с зарубежными китайцами, но и сохранить лояльность молодых членов сообществ зарубежных китайцев, которые во многом были полностью включены в культуру государства проживания, плохо говорили на китайском языке. По этой причине была предпринята политика «рекитаизации» или «повторной китаизации» (*чжунсинь чжунгохуа*), которая была призвана сохранить культурные аспекты преемственности этносу и культуре диаспоры³³³.

Во-вторых, существующая культура выработала объединяющий культурно-исторический символ, позволяющий обращаться как к китайскому национальному достоинству, так и к жителям Малайзии и Индонезии, исповедующим ислам. Данным культурным символом является мореплаватель Чжэн Хэ (1371 - 1435 гг.). Ньюансом использования его образа как моста между китайской и локальной идентичностью в Малайзии и Индонезии является то, что он был китайский мусульманин. Таким образом данный символ позволяет привести к общему знаменателю идеи национальной гордости как зарубежных китайцев, так и коренных граждан Малайзии и Индонезии³³⁴.

---

³³² Там же.

³³³ Ларин А.Г. О некоторых подходах китайских ученых к эмиграционным и диаспоральным проблемам // Внутренняя политика КНР, ИДВ РАН, М., 2011. С. 264 - 288

³³⁴ Маслов А.А. // из архива автора, 24.05.2016

Таким образом публичная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии в отношении зарубежных китайцев может быть рассмотрена с точки зрения двух аспектов. С одной стороны, нюансы терминологии и понимания китайской публичной дипломатии отмечают необходимость использования зарубежных китайцев как проводника, как переводчика, который мог бы «перевести» нюансы механизма китайской публичной дипломатии на местный общественно-политический язык. С другой стороны, зарубежные китайцы через публичную дипломатию КНР получили возможность решать собственные общественные, политические и экономические проблемы в странах проживания.

Другим политическим аспектом взаимодействия КНР и зарубежных китайцев в рассматриваемых странах является использование «мягкой силы». Заметим, что влияние Китая «мягкой силой» в регионе в рассматриваемый период относится ко времени 1997 - 2013 гг³³⁵.

Отметим необходимость дополнительного пояснения термина «мягкая сила» - 软实力 (*жуань шили*) в рамках китайской общественно-политической терминологии. Так, теоретическая модель «мягкой силы» пережила полное переосмысливание в рамках китайской парадигмы международных отношений.

Концепция «мягкой силы» не осталась незамеченной в КНР, вызвав интерес гуманитарного научного сообщества в 1990-е гг. и став одним из принципов внешнеполитической стратегии КНР в период правления Ху Цзиньтао. Родоначальником идей политики «мягкой силы» в Китае является Ван Хунин. Ван Хунин был назначен директором Института изучения политики Коммунистической партии Китая Председателем КНР Цзян Цзэмином. Во время правления Ху Цзиньтао Ван Хунин не только сохранил

---

³³⁵ Чэнь Яо (陈遥). Чжунго зай дуннанья дэ жуань шили юй хуацяо хуажэнь дэ зуойон (中国在东南亚的软实力与华侨华人的作用) // 华侨大学学报, 哲学社会科学版 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/116321/中国在东南亚的软实力与华侨华人的作用国际关系学和华侨....pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 3.01.2018)

пост, полученный при предыдущем главе государства, но также был назначен в Секретариат ЦК КПК³³⁶. В своей статье, опубликованной в журнале Фуданьского университета в марте 1993 г., Ван Хунин, разбирая концепцию Дж. Ная, уделяет большое внимание таким ресурсам «мягкой силы» как культура, политические идеи и внешняя политика. Данная статья поднимает вопрос, ставший краеугольным камнем развития китайской политической мысли в сфере «мягкой силы», что должно выходить на первый план: культура или дипломатия. В рассматриваемой статье Ван Хунин в итоге фокусирует свой взгляд на культуре и отмечает, что «если государство обладает замечательной культурой и идеологической системой, другие государства будут стремиться к развитию теми же средствами. По этой причине нет необходимости использовать «жесткую силу» и политику, которые гораздо дороже, однако менее действенны»³³⁷. При этом основная разница китайской трактовки заключается с тем, что Дж. Най считал необходимым ставить во главу угла дипломатию, которой способствует культура и привлекательность.

В концепцию «мягкой силы» с китайской спецификой, в отличие от концепции Ная, добавлены экономические факторы. Так, говоря о роли зарубежных китайцев в развитии и укреплении «мягкой силы» КНР в рассматриваемых странах отмечают их вклад в экономической сфере, в вопросах развития китайской культуры и образования в регионе, а также их вклад в пояснение политических аспектов, что способствовало сближению КНР и стран АСЕАН в рассматриваемый период³³⁸.

---

³³⁶ Bonnie S. Glaser, Melissa E. Murphy. Chinese Soft Power and Its Implications for the United States, Chapter 2, Soft Power With Chinese Characteristics (The Ongoing Debate) / Center for Strategic and International Studies

³³⁷ Wang Huning. Culture as National Soft Power: Soft Power // Journal of Fudan University. March, 1993

³³⁸ Чэнь Яо (陈遥). Чжунго зай дуннанья дэ жуань шили юй хуацяо хуажэнь дэ зуойон (中国在东南亚的软实力与华侨华人的作用) // 华侨大学学报, 哲学社会科学版 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/116321/中国在东南亚的软实力与华侨华人的作用国际关系学和华侨....pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 3.01.2018)

Отдельно выделены нюансы, отмечающие продвижение и закрепление позиций китайского языка в рассматриваемых странах. Так, подчеркнуто, что зарубежные китайцы по факт способствуют культурному обмену между КНР и странами проживания³³⁹.

Отметим, что зарубежные китайцы способствуют проведению политики КНР в странах проживания в плане внедрения и продвижения моделей экономического развития, характерных КНР рассматриваемого периода; улучшению национального внешнеполитического имиджа Китая в странах проживания; популяризации китайской культуры; поддержка и разъяснение политики КНР³⁴⁰.

Дополнительным аспектом, который касается вопросов политического взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев является вопрос воссоединения Китая. Зарубежные китайцы в рамках рассматриваемого периода активно выступали за содействие сотрудничества между КНР и Китайской Республикой. В целом нюанс, связанный с политикой по воссоединению Китая воспринимается в дискурсе зарубежных китайцев как стандартный период китайской истории, когда Китай вновь оказался разделенным³⁴¹.

Отмечено, что для воссоединения Китая зарубежные китайцы следуют принципам, которые позволяют сблизить политические позиции КНР и Китайской Республики. Среди этих принципов: содействие экономическому развитию КНР; содействие мирному сожительству всех зарубежных китайцев; закладывание прочной организационной основы для

---

³³⁹ Сю Мэй (许梅). Дуннанья хуажэнь зай чжунго жуань шили тишэн чжун дэ туидун зуойон юй чжиюэ иньсу (东南亚华人在中国软实力提升中的推动作用与制约因素) // 东南亚研究 [Электронный ресурс]. URL: <http://sea.cssn.cn/webpic/web/sea/upload/2012/02/d20120216140520415.pdf> (Дата обращения: 12.04.2017)

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Чан Юньюнь. Хуацяо хуажэнь юй чжунго туни да э гуаньси дэ лиши хуэй гу юй сыкао // Университет Янчжоу, Институт изучения развития общества, Теоретический журнал, июль 2011, №7. С. 87 - 91

сотрудничества с КНР и Китайской Республикой; воссоединяете Китая посредством культуры³⁴².

Вместе с этим исследователи отмечают общую тенденцию зарубежных китайцев к противодействию сепаратизму в КНР в рассматриваемый период. Зарубежные китайцы, как можно предположить, выступают гарантами территориальной целостности КНР в виду работы правительственных структур Китая, которые распространяют информацию, склоняющую зарубежных китайцев к поддержанию суверенитета и государственной целостности Китайской Народной Республики. Однако вместе с этим существует ряд факторов, объединяющих политическую и экономическую позицию зарубежных китайцев по вопросу суверенитета КНР. Так, важная культурно-историческая составляющая, а именно культурологическое представление об объединении Китая как абсолютном благе. Вместе с этим существует и экономическая подоплека, единый Китай является объективным требованием для извлечения прибыли с инвестиций зарубежных китайцев. Вместе с этим, поддержка официальной линии по укреплению суверенитета КНР позволяет укрепить базу для дальнейшего развития экономических связей между зарубежными китайцами и КНР³⁴³.

Таким образом можно сделать три вывода, касательно вопроса взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в рамках рассматриваемого периода.

Во-первых, в рамках взаимодействия на уровне национальных государств этнические особенности элиты иностранного государства в отношении к Китайской Народной Республике не имеют значения для установления позитивного либо негативного взаимодействия стран. В рамках

---

³⁴² Там же.

³⁴³ Дэн Ючжу (邓玉柱). Хуацяо хуажэнь юй хайвай фань “ду” цу тун: чжути, дунинь хэ цзичжы 华侨华人与海外反“独”促统: 主体、动因和机制 // Taiwan Research Journal, #6 (154), 2017. P. 32 - 39

взаимодействия национальных государств этничность находится на втором плане, а на первый план выходит вопрос национального интереса.

Во-вторых, в рамках политического взаимодействия в треугольнике «КНР - зарубежные китайцы - рассматриваемые страны Юго-Восточной Азии» в рассматриваемый период сохранялось политическое «наследие» предыдущего политического цикла, что обусловило необходимость КНР преодолевать опасения стран региона, связанные с их возможной «финляндизацией», а также преодолевать страх «китайской угрозы», разделяемый в регионе.

В-третьих, зарубежные китайцы Малайзии и Индонезии сделали значительный вклад в развитие китайской внешнеполитической стратегии в странах проживания, поскольку они выступили мостом между китайской политической и экономической традицией и местной политической и экономической традицией, что позволило провести довольно успешную политику КНР.

Заключение

Актуальность изучения проблематики, связанной с аспектами взаимодействия Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев, крайне высока, поскольку продиктована как научной, так и общественно-политической и экономической необходимостью.

На сегодняшний день существует довольно много работ, посвященных тематике зарубежных китайцев, однако, как можно судить после анализа литературы к данной выпускной квалификационной работе - магистерской диссертации, в большинстве опубликованных исследований присутствует ряд нюансов, которые не позволяют добиться большей точности в понимании взаимодействия КНР и китайской диаспоры. Вместе с этим проводимые исследования охватывают либо политическую, либо экономическую сферу взаимодействия, теряя таким образом целостность восприятия.

Первая проблемная сфера заключается в необходимости уточнения теоретической модели, на которой базируется описание экономической, политической и общественной деятельности как со стороны Китайской Народной Республики, так и со стороны зарубежных китайцев. Данная проблемная сфера крайне важна по причине того, что мы не можем использовать теоретические обоснования и терминологию, принятую в европейских международных отношениях, так как китайская специфика терминологии и теоретических концепций отлична от неё. Учет данных отличий позволяет точнее описать и детальнее понять нюансы взаимодействия, избежать ошибок и неточностей.

Вторая проблемная сфера заключается в том, что большая часть исследований к вопросу о зарубежных китайцах в рамках рассмотренного периода (1978 - 2013 гг.) сосредоточено на узких исследовательских сферах, однако не обобщают сложившееся положение вещей, а также не учитывают смежность и взаимозависимость сфер исследования. Исследования, проводимые в узких областях, бесспорно, позволяют нам увидеть отдельные

стороны взаимодействия КНР и зарубежных китайцев, однако это не позволяет проследить общую логику взаимодействия, понять логику процесса принятия решений. По этой причине сегодня мы можем говорить о знании истории зарубежных китайцев, но отсутствии точного знания по отношениям КНР и зарубежных китайцев по причине того, что мы обладаем значительным багажом фактов, которые остаются разрозненными.

Последней проблемной сферой является существование лагун в вопросах изучения зарубежных китайцев. Малоизученными остаются сферы публичной дипломатии и «мягкой силы», роли хуацяо в этих сферах внешней политики КНР, а также нюансов, связанных с провинциальным разрезом ситуации взаимодействия зарубежных китайцев и КНР.

Изучая отношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в «эру Дэн Сяопина» (1978 - 2013 гг.), стоит заметить, что это взаимодействие было подчинено логике политического и экономического развития КНР. Учет экономической логики в данном случае также пересекается с нюансами китайской специфики, которая понимает экономику иначе, чем это принято делать в европейском дискурсе. При этом сопряжение экономических, политических и общественных факторов взаимодействия КНР и зарубежных китайцев в рамках рассмотренного периода усложняет процесс их изучения, так как пропадает возможность четкого разделения сфер, что требует комплексного изучения ситуации.

Пример трех государств Юго-Восточной Азии в рамках данной работы позволил нам увидеть разные ракурсы возможностей построения политики в отношении зарубежных китайцев со стороны КНР, а также разные пути социализации и диаспоризации групп зарубежных китайцев. Главный нюанс заключался в том, что три страны обладали разным опытом взаимодействия с зарубежными китайцами. Сингапур обладает позитивным опытом взаимодействия, Малайзия в большей степени нейтральным опытом и Индонезия в целом негативным опытом. Во всех трех случаях находились как

возможности, так и ограничения для развития прямых контактов Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев, что отмечает исключительно внутреннюю проблематику диаспоры по отношению к государствам-реципиентам, существовавшая проблематика не оказывала прямого влияния на развитие или деградацию отношений с государством-донором миграции.

Учитывая вышесказанные нюансы, касающиеся итогов проведенной работы, можно сделать четыре основных вывода, к вопросу о развитии отношений Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в 1978 - 2013 гг.

Во-первых, мы пришли к выводу о значительных отличиях в теоретическом и методологическом аппарате китайских политиков, что усложняет изучение вопроса взаимоотношения КНР и зарубежных китайцев. Устоявшийся понятийный и методологический аппарат, принятый в европейской науке о международных отношениях не отвечает требованиям, предъявляемым со стороны практики международных отношений Китайской Народной Республики. Разница в понятийном и методологическом аппарате возникает уже на стадии использования терминологии. Таким образом открываются значительные перспективы для исследований в этом направлении, что позволит в будущем точнее и правильнее объяснять политическую ситуацию, связанную с политикой Китайской Народной Республики и общин зарубежных китайцев в мире.

Во-вторых, в рамках рассматриваемого периода происходила завершающая стадия процесса конструирования группы зарубежных китайцев в той форме, которую они приобрели к 1990-м гг. Опираясь на представление о конструировании группы, которое происходит через внутреннее либо внешнее действие, отметим, что в 1978 - 2013 гг. благодаря внутренней политике рассматриваемых стран-реципиентов и внешней политике КНР диаспора зарубежных китайцев окончила свое формирование в современном виде.

В-третьих, экономическая роль зарубежных китайцев в рамках политики реформ и открытости за указанный период (1978 - 2013 гг.) бесспорно была значительной, однако есть несколько нюансов, которые крайне важно отметить. Мы не можем с уверенностью говорить, что значительные инвестиции, поступавшие от зарубежных китайцев в Китайскую Народную Республику, были вложены в экономику страны исключительно в виду этнической и родственной близости. Напротив, необходимо говорить о комплексности экономических, политических и этнических факторов, но при этом об абсолютном значении экономических законов. Другой нюанс заключается в высокой сложности точного подсчета прямых иностранных инвестиций зарубежных китайцев, которые были вложены в экономику КНР за указанный период. В целом мы можем говорить лишь о примерной цифре и о примерных показателях, поскольку значительные средства были вложены в КНР через офф-шоры, а также экономики Гонконга и Макао. Наконец, важно указать, что именно экономическая политика КНР в отношении зарубежных китайцев была основным инструментом взаимодействия в обозначенный период. Любые другие формы отношений в значительной степени были надстроены на экономическом фундаменте.

В-четвертых, политические отношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев имеют ряд особенностей, которые проявляются через ленинский принцип единства партийного аппарата и государства, иного понимания государственности, а также иного понимания гражданственности в Китае. Главным нюансом политического взаимодействия являются три аспекта. Во-первых, зарубежные китайцы представляются особой группой населения с точки зрения КНР, поскольку они, согласно разобранной терминологии, занимают промежуточное место между внутренней и внешней политикой государства. Во-вторых, политические отношения могут быть разделены на представителей диаспоры, входящих в состав правящей политической элиты государства-реципиента и представителей диаспоры,

являющихся простыми жителями государства реципиента. Главная разница между этими группами заключается в том, что в первом случае этнические связи не играют роли, но большое значение имеет национальный интерес. Во втором случае мы имеем значительную палитру вариаций от развития национализма до безразличия в отношении страны-донора. Наконец, нюансы проводимой политики имеют значительное изменение в рамках китайской и азиатской специфики, что не позволяет использовать западные теоретические рамки для описания проводимого внешнеполитического курса.

Таким образом мы получаем подтверждение выдвинутой нами гипотезы, а именно: взаимоотношения Китайской Народной Республики и зарубежных китайцев в 1978 - 2013 гг. были сосредоточены в сфере экономического развития и модернизации КНР, причем эти отношения занимают особое «промежуточное» положение между внешней и внутренней политикой, поскольку диаспора рассматривается как внешний актор, включенный во внутренний дискурс государства, в теоретическом взгляде КНР.

Список источников и литературы

Источники

Законодательные акты

1. Гуанси шиши “чжунхуа жэньминь гунхэго гуицяо цюоцзюань цюаньли баоху фа” баньфа (广西实施《中华人民共和国归侨侨眷权益保护法》办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35357.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)
2. Закон Китайской Народной Республики «О гражданстве» 10 сентября 1980 [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship (Дата обращения: 2.02.2017)
3. Закон КНР «Против притясения интересов хуацяо в КНР по земляческому признаку» // 《反分裂国家法》全文, МИД КНР. 14 марта 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn//gXH/zlb/zcWj/t187116.htm> (Дата обращения: 5.02.2017)
4. Материалы к представлению для подтверждения идентичности репатрианта // Канцелярия Государственного Совета КНР по делам хуацяо. 9 февраля 2010.
5. «О защите прав и интересов китайских реэмигрантов и членов их семей» (中华人民共和国归侨侨眷权益保护法) // Overseas Chinese Affairs Office of the State Council, 7.09.1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/userobject7ai1272.html> (Дата обращения: 4.10.2017)
6. Отчет «О реализации законодательных мер о репатриантах КНР» // Канцелярия Государственного Совета КНР по делам хуацяо. 4 июля 2004

7. Постановление Государственного Совета Китайской Народной Республики «О поощрении иностранных инвесторов» от 11 октября 1986
8. Чжунхуа жэньминь гунхэго сианьфа (中华人民共和国宪法) // Пекин, фалю чубаньшэ (法律出版社), 2011.
9. Юньнань шэн шиши “чжунхуа жэньминь гунхэго гуицяо цяоцзиань цюань баоху фа” баньфа (云南省实施《中华人民共和国归侨侨眷权益保护法》办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35353.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)
10. Chinese Exclusion Act // Forty-Seventh Congress, Session I, Chap. 126 [Электронный ресурс]. URL: <http://legisworks.org/congress/47/session-1/chap-126.pdf> (Дата обращения: 12.03.2017)
11. Chinese Immigration Act 1885 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asian.ca/law/cia1885.htm> (Дата обращения: 12.03.2017)
12. The Constitution of the People's Republic of China // 5 марта 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/peoples-republic-of-china-constitution-1978.pdf> (Дата обращения: 3.12.2017)

Материалы, размещенные на официальных сайтах министерств и ведомств, а также политических партий

1. Гуандун цяоу фачжи цзяньшэ синь тупо цяо и баоху тбяоли цзян шиши (广东侨务法治建设新突破 侨益保护条例将实施) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0930/36672.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)

2. Гуаньюй хуацяо хуажэнь, гуанан тунбао лай чжунго далу тоуцзы вэнти (关于华侨华人、港澳同胞来中国大陆投资问题) // 中华人民共和国驻洛杉矶总领事馆网站, 8.04.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://losangeles.china-consulate.org/chn/lingqiao/lshbhtxjwtd/t27571.htm> (Дата обращения: 3.02.2018)
3. Ли Юшу (李优树). Хайвай хуацяо хуажэнь чжу туи чжунго цзинци чжуаньсин дэ дутэ ёши цзи луцин илай —“хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго цзинци чжуансин яньцзю” чжайбиань (海外华侨华人助推中国经济转型的独特优势及路径依赖 —《海外华侨华人与中国经济转型研究》摘编) // Канцелярия ГС КНР по делам хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyjt/172/2283.shtml> (Дата обращения: 23.05.2017)
4. Сычуань шэн хуацяо хуйго динцзю шиши баньфа (四川省华侨回国定居实施办法) // Канцелярия Государственного совета КНР по делам хуацяо. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2015/0323/35354.shtml> (Дата обращения: 3.05.2017)
5. Хуацяо хуажэнь жухэ цзичэн зай чжунго дэ фанчань? (华侨华人如何继承在中国的房产?) // Канцелярия по вопросам эмигрантов провинции Хайнань [Электронный ресурс]. URL: http://dfoca.hainan.gov.cn/wsqbzw/sqzs/200910/t20091015_10348.html (Дата обращения: 5.05.2017)
6. Хуацяо юй хуажэнь дэ гоцзи цюбиэ цзи фадин лианьси (华侨与华人的国籍区别及法定联系) // Foreign Affairs Office of the Fijian Provincial People's Government, 18.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fjfao.gov.cn/ztlz/ktx/swfl/fljz/201709/t20170918_1597144.htm (Дата обращения: 26.12.2017)

7. Цианьжэнь цзихуа ван (千人计划网) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1000plan.org/qrjh/section/2?m=rcred> (Дата обращения: 21.11.2017)
8. Чжунго Чжигундан цзяньцзе (中国致公党简介) // Чжунго чженсе синьвэнь ван (中国政协新闻网), 10.11.2005, [Электронный ресурс]. URL: <http://cppcc.people.com.cn/GB/45580/45600/3845306.html> (Дата обращения: 18.05.2018)
9. Ян Можу (杨默如). Хуацяо хуажэнь шиэ юй вого цзиньцзи фачжань фанши чжуаньбиань дэ сяньху зуйон (华侨华人事业与我国经济发展方式转变的相互作用) // Канцелярия ГС КНР по взаимодействию с хуацяо, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/175/2377.shtml> (Дата обращения: 4.03.2018)
10. Brief Info on MCA / Malaysian Chinese Association, 6.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mca.org.my/2/Content/SinglePage?_param1=30-032018-19-03-201830&_param2=M (Дата обращения: 5.08.2017)
11. Constitution of the Malaysian Chinese Association (Устав Китайской партии Малайзии) / Incorporated all the amendments and adopted by the MCA Extraordinary Meeting of the General Assembly up to 13-03-2011, approved by Registrar of Societies as 17-03-2011
12. Key Migration Terms // International Organisation for Migration [Электронный ресурс]. URL: <http://belgium.iom.int/key-migration-terms%E2%80%8B> (Дата обращения: 26.04.2017)
13. The Ranking of Overseas Chinese // The Overseas Compatriot Affairs Commission, R.O.C. (Taiwan) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osac.gov.tw/english/public/public.asp?selno=1163&no=1163&level=B> (Дата обращения: 10.11.2017)

Материалы СМИ

1. Создание зоны свободной торговли КНР-АСЕАН - образец взаимовыгодного и взаимовыгодного регионального сотрудничества // Женьминь Жибао-онлайн. 02.01.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6857733.html> (Дата обращения: 12.03.2018)
2. 1978 год - 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва // Жэньминь Жибао, 31.10.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31857/95587/6524794.html> (Дата обращения: 26.03.2018)
3. Brant Robin. Malaysia questions ethnic preferences // BBC News, 23 July 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8165746.stm> (Дата обращения: 4.04.2017)
4. Chen Nahui and Xue Li. Lee Kuan Yew's Legacy for China-Singapore Relations // The Diplomat, 5.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2016/12/lee-kuan-yews-legacy-for-china-singapore-relations/> (Дата обращения: 2.02.2018)
5. Tommy Koh. Taking stock of Singapore-China ties - past, present and future // Straits Times, 15.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.straitstimes.com/opinion/taking-stock-of-singapore-china-ties-past-present-and-future> (Дата обращения: 10.04.2018)
6. Pak Jennifer. Will China's rise shape Malaysian Chinese community // BBC News Asia, 30 dec. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-16284388> (Дата обращения: 3.12.2017)

Источники, к вопросу обоснования китайской политики в отношении зарубежных китайцев

1. Жень Гуйсян (任贵祥). Чжунго гайгэ кайфан юй хуацяо тоуцзы (中国改革开放与华侨投资) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 20.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/1020/c40531-25867944-3.html> (Дата обращения: 2.11.2017)
2. Жэн Гуйсян (任贵祥). Цзян Цзэминь цяоу сысян шупин (江泽民侨务思想述评) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 31.08.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/49157/49163/6197687.html> (Дата обращения: 3.03.2017)
3. Лу Ди (卢荻). Лунь Дэн Сяопин дэ цяоу сысян (论邓小平的侨务思想) // 上海党史与党建 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hprc.org.cn/pdf/SDSY200105002.pdf> (Дата обращения: 5.05.2017)
4. Цзян Шупин (姜淑萍). Синь шици Дэн Сяопин чжонши хайвай хуацяо хуажэнь зуойон лунь си (新时期邓小平重视海外华侨华人作用论析) // Жэньминь ван, 12.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://src.people.com.cn/n/2014/0512/c69113-25005167.html> (Дата обращения: 12.01.2018)
5. Чжао Хунин (赵红英). “Хайвай гуаньси” юй гайгэ кайфан (“海外关系”与改革开放) // Новости Коммунистической партии Китая (中国共产党新闻网), 9.02.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/10959859.html> (Дата обращения: 4.03.2017)

На русском языке

1. Абилекова Г.К. КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина // KazNU Bulletin, Oriental series, No1 (58), 2012 С. 9-13
2. Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по её регулированию // Томский государственный университет, Томск, 2012. С. 248
3. Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского Государственного Университета, сентябрь 2012, №362. С.65-68
4. Афанасьева А.В. Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии: перспективы для Китая // Общество и государство в Китае, т. XLIV, М., ИВ РАН, 2014. С. 179 - 186
5. Афонасьева А.В. Как зарубежные китайцы помогают КНР // Азия и Африка сегодня, №8, 2011. С. 30-36
6. Баженов А.М. Социология международных отношений / изд-во ЦСПиМ, Москва, 2013. С. 300
7. Большой китайско-русский словарь // [Электронный ресурс]. URL: bkrs.info
8. Борисова А. Зарубежные китайцы // Азия и Африка сегодня, №5, 2002. С.28-33
9. Грачиков Е. Международные отношения в современном Китае. Институционализация дисциплины // Международные процессы, том 12, №4 (39), 2014. С. 49 - 65
10. Грудошникова Л.М., Трощинский П.В. и др. Современное право Китайской Народной Республики (1978 - 2010 гг.) / часть 1 (1978 - 2001 гг.), М., ИДВ РАН, 2012.
11. Золотухин И.Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №3, 2012. С.103-108

12. Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163
13. Кашин В. Сингапур и Китай — противоречивые отношения // Российский совет по международным делам, 19.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/singapur-i-kitay-protivorechivye-otnosheniya/> (Дата обращения: 22.12.2017)
14. Кириллова Е.С. Инвестиционная политика КНР в отношении китайских эмигрантов хуацяо после начала внешней открытости // материалы конференции «Студенческий научный форум», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.ru/forum2010/28/344> (дата обращения: 04.05.2017)
15. Китайская Народная Республика. Законодательные акты. Перевод с китайского/Сост.: К. А. Егоров; под ред. А. М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1989.
16. Крауз-Мозер Б. Теории политики. Методологические принципы / Изд-во Гуманитарный центр, Харьков, 2008. С. 256
17. Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. Экспресс-информация №2 (147), М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008, с. 52-59
18. Ларин А.Г. Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня, №10, 2007. С.22-28
19. Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)
20. Ларин А.Г. Китайская эмиграция и политика Китая // Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И.Думана, ИВ РАН, М.: Вост. лит., 2007. С. 287-299

21. Ларин А.Г. О некоторых подходах китайских ученых к эмиграционным и диаспоральным проблемам // Внутренняя политика КНР: история и современность, выпуск 26, М., ИДВ РАН, 2011. С. 264 - 288
22. Латур Б. Перестройка социального: введение в акторно-сетевую теорию / НИУ ВШЭ, изд-во ВШЭ, М., 2014. С. 384
23. Лебедева М.М. Публичная дипломатия: теория и практика / М., изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 272
24. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, том 33 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва, Изд-во политической литературы, 1969. С. 433
25. Ли Куан Ю. Из третьего мира - в первый: история Сингапура 1965 - 2000 гг. / изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 575
26. Лин Джастин Йифу. Демистификация китайской экономики / М., изд-во «Мысль», 2016. с. 384
27. Лукин А.В. Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Возвышающийся Китай и будущее России, Москва, изд-во «Международные отношения», 2015. С. 165-197
28. Мальвин В.В. Китайская цивилизация / изд-во АСТ, М., 2001. С. 632
29. Малявин В.В. Пространство в китайской цивилизации / изд-во Феория, М., 2014. С. 372
30. Маслов А.А. // из архива автора, 24.05.2016
31. Нежданов В.Л. «Новая эра» Си Цзиньпина: развитие КНР и перемены в международных отношениях // Российский совет по международным делам, 5 марта 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/sandbox/-novaya-era-si-tszinpina-razvitiie-knr-i-peremeny-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/> (Дата обращения: 5.03.2018)

32. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Москва, изд-во Наука, 1981. С. 332
33. Пивоварова Э.П. Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР / М., ИДВ РАН, 2018. С. 52
34. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Москва, изд-во Прогресс Универс, 1993
35. Сергеева А.А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР // Вестник Московского Университета, серия 13 Востоковедение, №1, 2011. С.43-53
36. Смолин Е.А. Некоторые аспекты существования китайской диаспоры // Благовещенский государственный педагогический университет [Электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/nekotorie-aspekti-sushestvovaniya-kitajskoj-diaspori> (Дата обращения: 12.11.2016)
37. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии / изд-во КАРО, СПб, 2014. С. 336
38. Столярова Е.С. Внешнеэкономическая стратегия КНР в начале XXI века и миграционная политика // Вестник Томского Государственного Университета, №327, 2009. С. 86-89
39. Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ, Международные экономические отношения, №2, 2008
40. Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник КемГУ, №2 (50), 2012. С. 102 - 106
41. Титаренко М.Л. (глав.ред.). Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / Москва, изд-во Восточная литература

РАН, том 4 историческая мысль, политическая и правовая культура, 2009. С. 935

42. Титаренко М.Л. (ред). Китайская философия, энциклопедический словарь / Москва, изд-во Мысль 1994. С. 652

43. Ульянова И.В. О политическом влиянии китайской диаспоры в Малайзии // Общество и государство в Китае, ИВ РАН. С. 371 - 376

44. Федощев А.Г. Политология: учебное пособие в схемах и определениях / изд-во «Книжный мир», М., 2010. С. 128

На английском языке

1. Amy Chang. Beijing and the Chinese Diaspora un Southeast Asia: To Serve the People // The National Bureau of Asian Research, NBR Special Report #43, June 2013

2. Varabantseva Elena. The Party-State's Transnational Outreach: Overseas Chinese Policies of the PRC's Central Government // Greater China Occasional Paper Series, #2, Institute of Chinese and Korean Studies, University of Tubingen, August 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/sinologie/sino/gcs/papers/paper2.pdf> (дата обращения: 25.04.2017)

3. Varabantseva Elena. Trans-Nationalizing Chinese Nation-State: Overseas Chinese in the PRC's Modernization Strategies // ASIEN, no. 96 (July 2005): 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asienkunde.de/articles/Varabantseva96.pdf>. (Дата обращения: 13.12.2017)

4. Bernstein Henry. Modernization theory and the sociological study of development // The Journal of Development Studies, Vol. 7., 1971. P. 141 - 160

5. Bonnie S. Glaser, Melissa E. Murphy. Chinese Soft Power and Its Implications for the United States, Chapter 2, Soft Power With Chinese

Characteristics (The Ongoing Debate) / Center for Strategic and International Studies

6. Chew K.S.Y., Liu J.M. Hidden in Plain Sight: Global Labor Force Exchange in the Chinese American population, 1880-1940 // Population and Development Review, vol.30(1), 2004. P. 57 - 58

7. Chiari, G., Nuzzo, M. L. Psychological constructivisms: A metatheoretical differentiation // Journal of Constructivist Psychology, 1996., № 9. P. 163—184

8. Chin James. The Malaysian Chinese Dilemma: The Never Ending Policy (NEP) // Chinese Southern Diaspora Studies, Volume 3, 2009 (南方华裔研究杂志, 第三卷, 2009) [Электронный ресурс]. URL: http://chl-old.anu.edu.au/publications/CSDS/csds2009/07_CSDD_2009_Chin.pdf (Дата обращения: 15.06.2017)

9. Denny Roy. China's Foreign Relations / Palgrave; 1998. P. 264

10. Edmond Lee Eu Fah. Profile of the Singapore Chinese Dialect Groups / Singapore Department of Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://www.howardscott.net/4/Swatow_A_Colonial_Heritage/Files/Documentation/Lee%20Eu%20Fah.pdf (Дата обращения: 3.10.2017)

11. Ember M., Ember C.R., Skoggard I. Encyclopaedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures Around The World / [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books?id=7QEjPVyd9YMC&pg=PA698&lpg=PA698&dq=census%20malaysia%20heng%20hua%20hainanese&source=bl&ots=uqwIXIqCOC&sig=CdWxD0gI6D-2AtmKq7BR1XftV5s&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=census%20malaysia%20heng%20hua%20hainanese&f=false (Дата обращения: 2.10.2017)

12. Fischer Clare Benedicks, Dr . Chinese Indonesian: Possibilities for Civil Society // Starr King, School for the Ministry [Электронный ресурс].

URL: <https://www.sksm.edu/wp-content/uploads/2014/03/chineseindonesian.pdf> (Дата обращения: 1.02.2018)

13. Gao Jia. The Diasporistaion of Contemporary Overseas Chinese: From Alienation to an Alternative Way of Life // [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.539.4037&rep=rep1&type=pdf> (Дата обращения: 1.02.2017)

14. Heng Pek Koon. The New Economic Policy and the Chinese Community in Peninsular Malaysia // *The Developing Economies*, XXXV-3, 1997, September. P. 262 - 292

15. Hessarbani Anja Lejli. Public Diplomacy of People's Republic of China / Sarajevo School of Science and Technology, Sarajevo, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2011-symposium/Public-Diplomacy-of-People%27s-Republic-of-China-Anja-L-Hessarbani.pdf> (Дата обращения: 13.02.2017)

16. Huang Yasheng, Jin Li, and Yi Qian. Does Ethnicity Pay? Evidence from Overseas Chinese FDI in China / *Review of Economics and Statistics* 95, no. 3 (July 2013). P. 868-883

17. Ide-Jetro and Seri. Trade, Investment and Economic Cooperation Between China and Southeast Asia: The Case of Malaysia // Joint research between Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organisation and Environmental Research Institute, nov. 2003 - feb.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpiasia.net/v3/index.php/foreign-relations-treaties/169-malaysia-china/544-trade-investment-a-economic-cooperation-between-china-and-southeast-asia-the-case-of-malaysia> (Дата обращения: 2.10.2016)

18. Katzenstein Peter J. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / New York., Columbia University Press, 1996.

19. Lee Hock Guan, Suryadinata Leo. *Malaysian Chinese: Recent Developments and Prospects* / Institute of Southeast Asian Studies, Singapore, 2012. P. 70 - 85
20. Lee Joseph. *Anti-Chinese Legislation in Australasia* // *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 3, No. 2 (Jan., 1889), pp. 218-224
21. Liew Ching Wen. *Malaysian Investment in China: A Study of Selected Public Listed Companies* / Dissertation, Department of Chinese Studies of University of Malaya, Kuala Lumpur, 1999.
22. Lim Guanle. *China's Investments in Malaysia: Choosing the «Right» Partners* // *International Journal of China Studies*, Vol. 6, No1, April 2015. P. 1-30
23. Liow Joseph Chinyong. *Malaysia's Post-Cold War China Policy: A Reassessment* // National Institute for Defence Studies (Japan) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series4/pdf/4-2.pdf (Дата обращения: 5.06.2017)
24. Liu Hong. *New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism* // *Journal of Contemporary China*, 2005, vol. 14, №43. P. 291 - 316
25. Liu Hong. *Old Linkages, New Networks: The Globalisation of Overseas Chinese Voluntary Associations and Its Implications* // *The China Quarterly*, 1998. P. 582 - 609
26. Lu Xing. *Chinese Political Communication: Roots in Tradition and Impacts on Contemporary Chinese Thought and Culture* // *International Communication Studies*, XI - 1, 2002, P. 97 - 116
27. Ma Laurence. *Space, Place, and Transnationalism in the Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity* // *The Chinese Diaspora*, Rowman and Littlefield, Lanham, 2003. P. 1 - 50
28. Naughton Barry. *The Chinese Economy: Transitions and Growth* / The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, 2007. P. 409

29. Onuf Nicholas. *World of Our Making: Rules and Rule of Social Theory and International Relations* / Columbia, University of South California Press, 1989.
30. Paul J. Bolt. *China and Southeast Asia's Ethnic Chinese* / Westport, Connecticut. London, 2000
31. Phạm Cảnh. *Chinese Overseas in Southeast Asia* / East Asia Analytical Unit, Department of Foreign Affairs and Trade, Australia, 1995. С. 370
32. Rennack Dianne E. *China: Economic Sanctions* / CRS Report for Congress, Updated February 1, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL31910.pdf> (Дата обращения: 2.02.2017)
33. Said Edward W. *Orientalism* / Vintage Books, A Division of Random House, New York, 1979. P. 368
34. Skeldon R. *The Chinese Diaspora or the Migration of Chinese Peoples* // *The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity*, Rowman and Littlefield, Lanham, 2003. P. 51 - 61
35. Skinner, G. William. "The Chinese Minority", in McVey, Ruth, *Indonesia, Survey of World Cultures*, New Haven, C.T.: Yale University Southeast Asia Studies, 1963.
36. Stratton J. *Coming out Jewish: Constructing Ambivalent Identities* / Routledge, New York, 2000. P. 142
37. Suyanaryan V.. *Peoples Republic of China's Policy towards Overseas Chinese* / South Asia Analyses Group. 7.11.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiareview.com/07112012-peoples-republic-of-chinas-policy-towards-overseas-chinese-analysis/> (Дата обращения: 12.05.2017)
38. Thuno Mette. *Reaching out and Incorporating Chinese Overseas: The Trans-territorial Scope of the PRC by the End of the 20th Century* // *The China Quarterly*, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.cctr.ust.hk/materials/library/Reaching_Out_and_Incorporating_Chinese_Overseas.pdf (Дата обращения: 15.04.2017)

39. Tsagarousianou R. Rethinking the Concept of Diaspora // Westminster Papers in Communication and Culture, vol. 1, 1991. P. 83 - 99
40. Wang Gungwu. Greater China and the Chinese Overseas // The China Quarterly, December 1993, P. 926 - 948
41. Wang Gungwu. Migration and Its Enemies. Migration and the Chinese // Times Academic Press. Singapore. 2011. P.10
42. Wang Huning. Culture as National Soft Power: Soft Power // Journal of Fudan University. March, 1993
43. Wendt Alexander. Social Theory of International Politics / Cambridge University Press, 1999 (2003).
44. Whorf B.L. Language, Thought and Reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf /Cambridge, MA: The MIT Press, 1956

На китайском языке

1. Го (чженчжи) 國 (政治) // Статья с китайской версии сайта Википедия [Электронный ресурс]. URL: [https://zh.wikipedia.org/wiki/國_\(政治\)](https://zh.wikipedia.org/wiki/國_(政治)) (Дата обращения: 13.03.2017)
2. Го цзя 国家 // Статья из Байкэ Байду [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/item/国家/17205?fr=aladdin> (Дата обращения: 13.02.2017)
3. Го 國 // Статья из версии Википедии на вэньяне [Электронный ресурс]. URL: <https://zh-classical.wikipedia.org/wiki/國> (Дата обращения: 13.03.2017)
4. Дин Лисин (丁丽兴). Цун бэйдун шиин дао чжудун жонжу: индунисия хуацяо хуажэнь шэтуань дэ лиши яньцзюнь (从被动适应到

主动融入:印度尼西亚华侨华人社团的历史演进) // 东南亚纵横
AROUND SOUTHEAST ASIA, 2009, 08. С. 24 - 27

5. Дэн Ючжу (邓玉柱). Хуацяо хуажэнь юй хайвай фань “ду” цу тун:
чжути, дунинь хэ цзичжы 华侨华人与海外反“独”促统: 主体、动因和机
制 // Taiwan Research Journal, #6 (154), 2017. P. 32 - 39

6. Иньни 2005 ниэнь хуажэнь жэнькоу тунцзи туи гу (印尼 2005 年華
人人口統計推估) // National Taiwan University Library Open Access E-
books, октябрь 2006 [Электронный ресурс]. URL: [http://
ebooks.lib.ntu.edu.tw/1_file/ocac/31/Indonesia.pdf](http://ebooks.lib.ntu.edu.tw/1_file/ocac/31/Indonesia.pdf) (Дата обращения:
6.12.2017)

7. Ли Минхуань. Гоцзи иминь дэ даньи юй лэйбэ - цзянь лунь
чжунго иминь вэньти // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю, 2009, №2. С. 9

8. Ли Хунцзе (李鸿阶). Фуцзянь синь хуацяо хуажэнь идун цюши
цзи ци дуй цю сян фачжань инсиан (福建新华侨华人移动趋势及其对
侨乡发展影响) // Дунья луньвэнь, 1.2.2010 [Электронный ресурс].
URL: [https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/
CWP80.pdf](https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/CWP80.pdf) (Дата обращения: 6.04.2017)

9. Лю Чжэнь, Пан Ху (刘珍, 庞虎). Канчжань цяньхоу дэ чжунго чжи
гун дан юй макэсы чжуи чжунго хуа (抗战前后的中国致公党与马克思
主义中国化) // Journal of Jining University, #36 (4), August 2015. P. 23 -
26

10. Не Дэнин (聂德宁). Цун “гунсянь” дао “хэзуо”: хуацяо хуажэнь юй
чжунго гуаньси дэ фа чжань бианьхуа —чжуан готу синьчжэ “хуацяо
хуажэнь юй чжунго дэ гуаньси” пинцзе (从“贡献”到“合作”: 华侨华人

与中国关系的发展变化 — 庄国土新著《华侨华人与中国的关系》评介 // Overseas Chinese History Studies, №1, март 2002

11. Сю Мэй (许梅). Дуннанья хуажэнь зай чжунго жуань шили тишэн чжун дэ туидун зуойон юй чжиюэ иньсу (东南亚华人在中国软实力提升中的推动作用与制约因素) // 东南亚研究 [Электронный ресурс]. URL: <http://sea.cssn.cn/webpic/web/sea/upload/2012/02/d20120216140520415.pdf> (Дата обращения: 12.04.2017)

12. Сю Чжаолин (许肇琳). Ши си эрчжань хоу дуннанья хуацяо хуажэнь шэхуй дэ бианьхуа фачжань (试析二战后东南亚华侨华人社会的变化发展) // 华侨华人历史研究, 1996年, 第2期. С.3 - 15

13. Хуацяо дэ фалю гайнянь (华侨的法律概念) // Хуигань байкэ (汇感百科). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hgzz.net/baike/92233.html> (Дата обращения: 3.04.2017)

14. Хун Цзязэ (洪嘉泽). Дуй хайвай хуажэнь хуацяо цзинцзи юй чжунго гуаньси дэ чунсиннь сыкао (对海外华人华侨经济与中国关系的重新思考) // Пекинский университет международных отношений, The Border Economy and Culture, №8, 2009

15. Чан Юньюнь. Хуацяо хуажэнь юй чжунго туни да э гуаньси дэ лиши хуэй гу юй сыкао // Университет Янчжоу, Институт изучения развития общества, Теоретический журнал, июль 2011, №7. С. 87 - 91

16. Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)

17. Чжуан Готу (庄国土). 1978 ниань илай чжунго чжэнфу дуи хуацяо хуажэнь тайду хэ чжэнцэ дэ бианьхуа (1978年以来中国对华侨华人态度和政策的变化) // 南洋问题研究, 2000 年第三期. С. 1 - 13
18. Чжуан Готу (庄国土). Дуннанья хуацяо хуажэнь шулян дэ синь гусуань (东南亚华侨华人数量的新估算) // Журнал университета Сямынь (издание философии и социальных наук) (厦门大学学报(哲学社会科学版)) [Электронный ресурс]. URL:<http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/5108/东南亚华侨华人数量的新估算.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 22.12.2017)
19. Чжуан Готу (庄国土). Хуацяо хуажэнь фэньбу чжуанкуан хэ фачжан цюши (华侨华人分布状况和发展趋势) // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань цяоу баньгунши [Электронный ресурс]. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (Дата обращения: 2.03.2017)
20. Чэнь Яо (陈遥). Чжунго зай дуннанья дэ жуань шили юй хуацяо хуажэнь дэ зуойон (中国在东南亚的软实力与华侨华人的作用) // 华侨大学学报, 哲学社会科学版 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/116321/中国在东南亚的软实力与华侨华人的作用国际关系学和华侨....pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 3.01.2018)
21. Ши Сюэцин (施雪琴). Хуацяо хуажэнь юй чжунго зай дуннанья дэ гунгун вайцзяо: хуйгу юй чжаньван (华侨华人与中国在东南亚的公共外交:回顾与展望) // 2013年第1期 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.xmu.edu.cn/bitstream/handle/2288/115200/华侨华人与中国在东南>

亚的公共外交_回顾与展望.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Дата обращения: 02.03.2017)

Приложения

Приложение А

Численность зарубежных китайцев по приведенной статистике к 2008 г.
в рассматриваемых странах

Страна	Численность населения в 2008 году (млн. чел.)	Численность китайского населения (млн. чел.)	Процент зарубежных китайцев в структуре населения страны
Индонезия	237,5	7,57	3,9 %
Малайзия	25,27	7,1	28 %
Сингапур	4,6	2,7	58,7 %

Источник: Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена, №2, 2011. С.157-163

Приложение Б

Статистика количества зарубежных китайцев в 2004 - 2005 гг. Комиссии по отношениям с зарубежными соотечественниками Республики Китай, Тайвань

Страна	2005 г.	Место по количеству проживающих их зарубежных китайцев в мире	2004 г.	Место по количеству проживающих их зарубежных китайцев в мире	Прирост в процентах (%)
Индонезия	7 566 200	1	7 463 404	1	1,38
Малайзия	6 187 400	3	6 114 900	3	1,19
Сингапур	2 684 900	5	2 650 100	5	1,31

Источник: The Ranking of Overseas Chinese // The Overseas Compatriot Affairs Commission, R.O.C. (Taiwan) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ocac.gov.tw/english/public/public.asp?selno=1163&no=1163&level=B> (Дата обращения: 10.11.2017)

Приложение В

Доля китайской диаспоры в ВВП государства (в %) к 2013 г.

Страна	Количество хуацяо в процентах от местного населения	Доля китайской диаспоры в ВВП государства (в %)
Индонезия	4 %	70 %
Малайзия	30 %	50 %
Сингапур	75 %	90 %

Источник: Ларин А.Г. Китайская диаспора - источник выгод и вызов // Российский совет по международным делам, 15 января 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/> (Дата обращения: 18.10.2016)

Приложение Г

Рабочие с высокими квалификациями по этнической группе в Малайзии
в 1978 - 2002 гг.

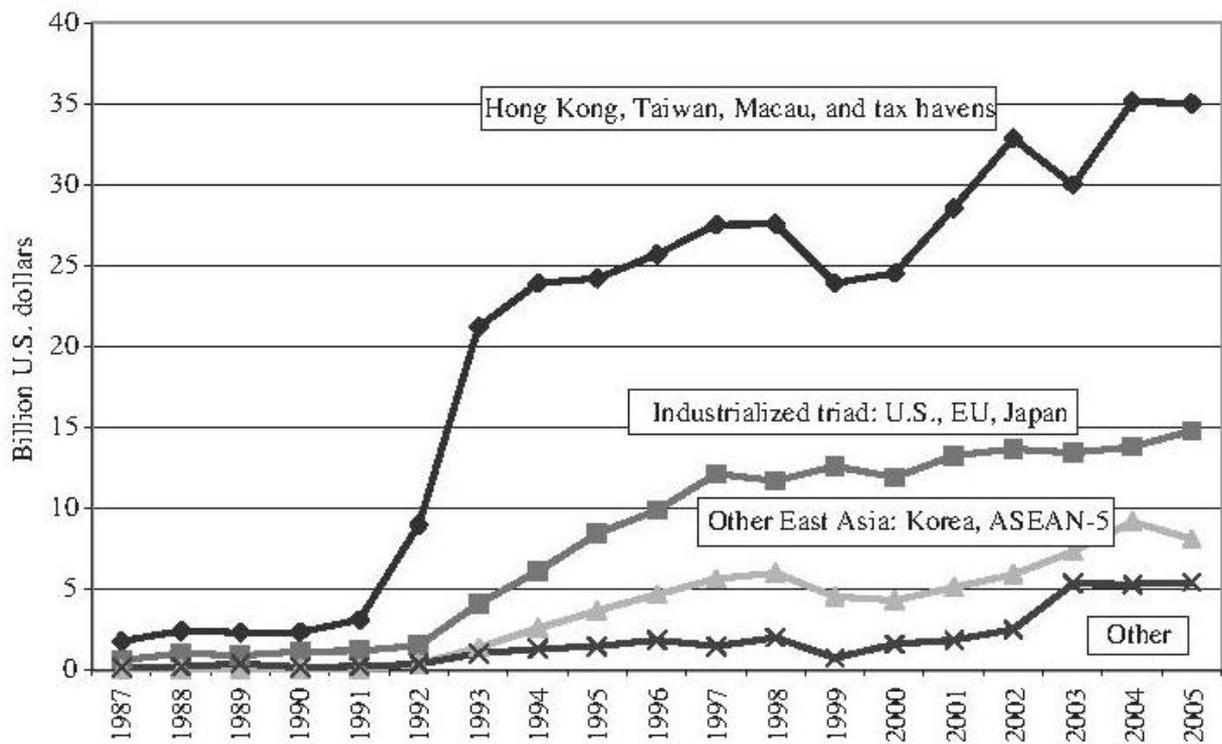
Год	Доля малайцев (%)	Доля зарубежных китайцев (%)	Доля индийцев (%)
1979	11.0	63.5	21.1
1980	14.9	63.5	17.4
1983	18.9	62.9	15.3
1984	21.0	61.9	14.5
1985	22.2	61.2	13.9
1988	25.1	58.4	14.3
1990	29.0	55.9	13.2
1992	31.9	53.8	12.5
1995	33.1	52.4	12.9
1997	32.0	52.1	13.1
2000	35.5	51.1	11.8
2002	37.2	50.1	11.2

В данной таблице не учтены «другие» группы населения Малайзии в рассматриваемый период, составляющие в разное время от 10% до 1.5% в приведенной статистике.

Источник: Chin James. The Malaysian Chinese Dilemma: The Never Ending Policy (NEP) // Chinese Southern Diaspora Studies, Volume 3, 2009 (南方华裔研究杂志, 第三卷, 2009) [Электронный ресурс]. URL: http://chl-old.anu.edu.au/publications/CSDS/csds2009/07_CSDS_2009_Chin.pdf (Дата обращения: 15.06.2017)

Приложение Д

Главные источники прямых иностранных инвестиций в КНР (1987 - 2005 гг.)

Источник: Naughton Barry. The Chinese Economy: Transitions and Growth / The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, 2007. P. 409

Приложение Е

Прямые иностранные инвестиции зарубежных китайцев в КНР (1979 - 2000 гг.)

Годы	Всего прямых иностранных инвестиций (в млн. долларов)	Прямых иностранных инвестиций, поступивших от зарубежных китайцев (в млн. долларов)	Процент прямых иностранных инвестиций, поступивших от зарубежных китайцев в процентах (%)
1979 - 1991	26 885	17 932	66 %
1992 - 1997	196 810	126 600	65 %
1998 - 2000	126 633	82 200	65 %

Источник: Barabantseva Elena. The Party-State's Transnational Outreach: Overseas Chinese Policies of the PRC's Central Government // Greater China Occasional Paper Series, no. 2, Institute of Chinese and Korean Studies, University of Tübingen (August 2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-tuebingen.de/sinologie/sino/gcs/papers/paper2.pdf> (Дата обращения: 12.12.2017)

Приложение Ж

Группы зарубежных китайцев, проживающих в странах-реципиентах китайской миграции

Группы зарубежных китайцев	Характеристики
Группа «А»	<ul style="list-style-type: none"> • Старшая и пожилая группа населения • Довольно многочисленная группа • Проявляют энтузиазм и желание для работы по развитию КНР • Четкое желание сделать Китай «великим» • Высока вероятность, что играют политическую роль в странах-реципиентах • Много высококвалифицированных кадров
Группа «Б»	<ul style="list-style-type: none"> • Группа торговцев и предпринимателей • Наиболее многочисленная группа • Желание получить возможности в политической и экономической сфере как со стороны КНР, так и стран-реципиентов • Открыто гордятся своим китайским происхождением • Отношение к национальным ассоциациям
Группа «В»	<ul style="list-style-type: none"> • «Местные» китайцы (родились, получили образование и становление в рамках системы государства-реципиента) • Нет уверенности в заинтересованности политического и экономического взаимодействия с КНР на основе этнических связей • Инаковость в отношении групп «А» и «Б»

Источник: Wang Gungwu. Greater China and the Chinese Overseas // The China Quarterly, December 1993, P. 926 - 948

Приложение И

Провинции Китайской Народной Республики, где сосредоточено наибольшее число родовых деревень, откуда происходят основные этно-лингвистические группы зарубежных китайцев

